Проверена 24/XI — 97

Форм. ....
№ ....

5

4389.

СКЛАДКА

АЛЬМАНАХЪ

РОКУ БОЖОГО 1887-го.

№. 1-й.

СПОРУДЫВЪ ВЛ. АЛЕКСАНДРОВЪ.

ХАРЬКИВЪ.
Друкарня Адольфа Дарре, Рыбна, 28-й.

Харьковской Общественной библіотеки

отъ издателя

Вл. Александровъ

3/6 84.
г. Харьковъ.—

СКЛАДКА.

АЛЬМАНАХЪ

РОКУ БОЖОГО

1887-го.

СПОРУДЫВЪ ВЛ. АЛЕКСАНДРОВЪ.

№ 4389.

10 32703

ХАРЬКИВЪ.
Друкарня Адольфа Дарре, Рыбна, 28-й.

Дозволено цензурою. Одесса, 16-го Мая 1886 года.

СКЛАДКА.

АЛЬМАНАХЪ.

Гей, сюды ввесь людъ хрещеный!
И великый, и малый,
И безграмотный, и вченый,
И выдючый, и слипый!....
П. Кореницкій.

ОГЛАВЛЕННЯ.

ПОМЫЛКИ.

СТРАНЫЧКА:	СТРОКА:	НАДРУКОВАНО:	ЧЫТАЙ:
6.	22.	станы	статы
11.	12.	Зомовчать	Замовчать
13.	1.	Прибатькивську	Прабатькивську
13.	21.	йдешъ	йидешъ
60.	5.	и знаты	й знаты
81.	10.	довго дума	довго и дума
91.	6.	роздавсь	роздававсь
127.	19.	разрывае	розрывае
219.	6.	ще	що

Харьковская общественная библіотека
Уставъ утвержденъ М.В.Д. 16 Іюня 1884 г.

Украинска Мелодія.

(Зъ Высоцького)

„Посвящ. Мих. Ег. Высоковичъ."

Чисте небо ясно сяе,
Поле все якъ ярь зелене.
Здрастуй, степе—ридный батьку!
Здрастуй, Украино—нене!
Обiйми мене, мiй степе!
Обгорны мене навколо;
Я стою посередъ тебе,
Опустывши сумно чо́ло.
Ой, повiй..... Повiй ты, витре,
Видъ Днипра, видъ Запорожья;
Та розвiй мiй жаль и смуту
По степу, на бездорожья.
Любый степе! ты не знаешъ,
Скилько смроду и болота
Въ нашимъ свити, де усюды
Тилько фалшъ, пыха̀, бидота.

Тамъ я стратывъ виру въ правду,
Умъ скаличывъ, въ тугу вдався
И теперъ зъ розбитымъ серцемъ
Въ тебе, степе мій, подався.

Тяжко дыхать, въ грудихъ тисно,
Мовъ тамъ жаръ лежыть и тліе;
Хай видъ тебе, ридный степе,
Прохолодою повіе.

Хай повіе тыхый холодъ
На мои гарячи раны;
Хай думкы мои остуде,
Хай у мысляхъ тыша стане.

Щобъ я змигъ той свитъ забуты,
Де пропало добродійство;
Де гнучка потребна спына,
Та умиле лицемирство.

Де мовчаты й вытягатысь
Треба передъ паньствомъ можнымъ
И, де треба и не треба,
Гарно кланяться вельможнымъ.

А накланявшись уволю
И самому паномъ статы;
Та, сховавши власный соромъ,
Инчихъ въ-четверо згинаты.

Щобъ те все я змигъ забуты,
Щобъ видстало все видъ мене.....
Степе ридный, ридный батьку!
Украино, ридна нене!.......

Вл. Александровъ.

Десять даривъ на свити.

Правда—ковчегъ, що не тоне николи.
Воля—то квитка, що пахне, та коле.

Праця—то мечъ, що усе побиждае.
Честь человика до Бога ривняе.

Втиха—то Божа сцилюща росыця.
Милость—зъ живою водою крыныця.

Вира—то спасиння въ тяжкому гори.
Люба надія—то якорь на мори.

Въ рай намъ любовъ увесь миръ обертае.
Мудрость—то сонце, що вично сіяе.

Жизнь—виноградына сочна, солодка;
Жаль, въ неи нижка хрупка и коротка.....

Ц. Билиловсъкый.

РИЧКА.

БАЛЛАДА.

1.

Льеться ричка невеличка,
Тыхо, плавко льеться;
Лугомъ пышнымъ, та квитчастымъ
Мовъ та стричка вьеться.
Витеръ ледве повивае,
А доба пекуча;
Ричка чиста, прозрочиста,
Мовъ крышталь блескуча.
Осока, квитки, лозына,
Похилившись въ воду,
Потайну ведуть розмову
Про красу—природу.

Ричка все те бачыть, чуе,
Мусыть же мовчаты,
Бо нема у неи мовы
Людимъ росказаты.

2.

Выйшовъ мисяць, стали зори,
Ричку мгла—покрыла;
Йшла дивчинонька по воду
Козака зустрила.

Серце къ серцю пригорнувши,
Стали пидъ вербою
И любовью поеднались
Чистою, святою.....

Ричка все те бачыть, чуе;
Мусыть же мовчаты,
Бо нема у неи мовы
Людимъ росказаты.

3.

Йде дивчинонька по воду,
Плаче, та рыдае
И на долю несчасливу
Тяжко нарикае.

Ричка все те бачыть, чуе;
Мусыть же мовчаты,
Бо нема у неи мовы
Людимъ росказаты.

4.

Знову мисяць выпливае,
Зъ рички пара встала;
Вырнула зъ воды русалка,
Реготаться стала.
Гнеться станъ, покрытый густо
Чорною косою;
Биле тило, повни лони
Лощаться красою.

Русало́къ ще выйшла сыла,—
 Плещуться, сміються;
Та танкомъ, за руки взявшись,
 Помижъ лозы вьються,
Зъ русалками й та дивчина
 Плещеться, гуляе
И на долю нещастливу
 Вже не нарикае.

Ричка все те бачыть, чуе,
 Мусыть же мовчаты;
Бо нема у неи мовы
 Людимъ росказаты.

П. Ричицькій.

Элегія.

Ище годыну, ще хвилину,—
Пожовкне листя и спаде;
На голимъ дереви въ садочку
Листокъ застряне де-не-де.

* *
*

Ище годину, ще хвилину—
И жизни на земли нема.....
Дмухне метиль, морозъ ударе,
Пидъ снигомъ все схова зима.

* *
*

Ище годыну, ще хвилину,—
И роки молодость умчать
Зигнéться спина, станъ спадеться,
Жадання въ грудихъ зомовчàть.

* *
*

Въ холодній ями домовыну
Холоднымъ снигомъ занесе;
Надіи, втихи, радость, смихи—
Пропало все, пропало все.....

Ц. Билиловсъкый.

Житейська мудрость.

Уси помремо мы: и ты, и твій другъ....
Такый вже законъ тутъ и справа.
Одно тильки есть не вмируще, якъ духъ,—
То судъ писля смерты и слава;

Тымъ: поки живешъ ты, життя не кляны,
Яке бъ воно тамъ ни погане;
Живы и добро усимъ людимъ чины,
Ажъ поки твій часъ не настане.

Працюй, заробляй, коли хочешъ що мать,—
У праци велика заслуга.
Що працею взявъ, того даромъ не трать,
Бо буде то съ праци наруга.

У згоди живы ты; бо згода въ сели
Скрипля якъ обручъ всю громаду
И згода—велике добро на земли,
Дае вона сылу й пораду.

Шануй Божество у святыхъ небесахъ,
Шануй его всюды въ природи:
У сояшнимъ свити, въ квиткахъ и писняхъ
И въ пышній жиночій уроди.

Не кидай изъ устъ ты докирливыхъ словъ
На то́го, хто въ любу влюбывся:
Бувало й таке, що за тую любовъ
И мудрый у дурни пошывся.

Прабáтькивську честь тоби слидъ шанувать;
Та й нею ты чванься не дуже:
Не можно якъ гроши іи позычать,
Хай самъ іи каженъ заслуже.

Якъ серце у тебе не злобне, святе,
То й гарна ты въ свити людына:
Бо й дерево гарно та любо росте,
Якъ гарна у нимъ серцевына.

Мовчи, якъ що мулыть тоби черевыкъ;
Мовчи, не росказуй никóму:
Що знае сёгодня одынъ чоловикъ,
Те завтра вже звисно й другому.

Найды соби друга, до ёго й хилысь,
А то ты былынка у поли.....
Найшовши жъ, ты думкою зъ нымъ подилысь
И будь ёму вирнымъ въ недоли.

Нещастя складеться, не трать головы
И плюй на дурни теревени.....
А въ щасти не спы, та и гавъ не ловы;
Знай: чорный твій день у кешени.

Якъ йдешъ въ дорогу, то дбай про запасъ
И въ воду не суньса безъ броду;
Бо шляхъ той тебе запроваде якъ-разъ
На той свитъ до *першого зъроду*.

А въ гости якъ пидешъ, то перше гляды,
Щобъ дома наивсь й напывся;
Не часто ходы, та не довго й сыды,
Щобъ швыдко гидкымъ не зробывся.

Якъ пьють, пый и ты; та знай миру и край.
И пыты не слидъ безъ охоты;
А выхиливъ лишню, додому тикай,
Щобъ съ того не выйшло гидоты.

Бо пьяный що ступыть, то глядь и впаде
И всякіи робе помылки:
То певно, що зъ розуму швыдко зведе
Залишняя чарка горилки.

Жартуй, коли вміешъ; але памьятай,
Що жартъ тилько добрый, якъ зъ силью;
Тымъ слово розумне до жарту додай:
Не добра и брага безъ хмилю.

Не дуже звиряйся дивчатамъ, жинкамъ,
Зъ ныхъ легко до знатыся горя;
Не вирь щебетливымъ отымъ ластивкамъ,
Якъ хвылямъ глибокого моря.

Пидлызамъ не вирь, хочъ бы й риднымъ сынамъ,
Якъ псу, що и лыже и нюха;
Не вирь не статечнымъ великымъ панамъ,
Бо будешъ якъ-разъ безъ кожуха.

Хвали писля смерты знакомыхъ людей,—
Дорогу звернувшись здоро́во.
Хвали ты жаръ серця, не искры очей;
Хвали тилько дилю, не слово.

Хвали день надъ вечеръ, а торгъ при кинци,—
Горилку—якъ горло промочишъ;
А дивку въ коханни хвали по винци:
Мовъ гоцъ! Якъ уже перескочишъ.....

Ц. Билиловсъкый.

Одна, зовсимъ одна!...

ОПОВИДАННЯ.

Ея душа была изъ тѣхъ,
Которыхъ жизнь—одномгновенье
Невыносимаго мученья...
. . . .
Творецъ изъ лучшаго эѳира
Соткалъ живыя струны ихъ;
Онѣ не созданы для міра
И міръ былъ созданъ не для нихъ!
Лермонтовъ.

I.

Марина устала и налагодылася йты. Вона вже втретье хоче йты и ось втретье зупыняеться. Чого? Вона й сама не знае чого... Тильки якось тяжко, на свитъ не дывылася-бъ... Вона знала, що того семыгрывенныка, котрый ще у неи зостався, стане ій не бильшъ, якъ на тры дни; бо хочъ вона й исть теперъ по дви скыбкы самого хлиба въ день, алежъ хлибъ такый дорогый.... Вона знала, що ій або треба соби шукаты роботы, або вмыраты голодною смертью; знала и не йшла. Ій ничого теперъ не хотилося ни думаты, ни робыты, ій бы хотилося тилькы заснуты, заспокоитыся хочъ на хвылину...

И справды, ій треба було заспокоитыся, бо за ци останни два тыжни вона чимало прыняла лиха й тревогы. Ій довелося кынуты ту швацьку робитню *), де вона робыла,—щобъ доглядаты

*) *Робитня* (мастерская)—слово галыцьке.

за хворою матирью, котра зовсимъ злягла. Скилькы безсонныхъ ночей, гнитючыхъ думо̀къ и нарешти все те закинчылося смертью дорогои людыны. Да́ли похоронъ, клопитъ усякый и надъ тымъ усымъ клопотомъ одна и на хвылынну не покыдаюча думка: Господы! Що-жъ се буде?

Ій тилькы шиснадцять рокивъ. Вона звыкла жыты зъ матирью; звыкла встаючы й лягаючы думаты, що ось есть така людына, котра пеклуеться й турбуеться про неи. Вона якось забувала, що съ того часу, якъ умеръ батько, а маты не могла вже бильшъ, черезъ свою хворобу, жыты по наймахъ, що съ того часу тилькы одна вона, заробляючы своею невтомною голкою, держала на свити и себе, и матиръ. Маты стилькы ранише дбала про неи, такъ дуже усякый ступинь дивчынинъ у жыттю оповытый бувъ матерынымъ доглядомъ и пеклуваннямъ, що маты для неи, тоди ще невелычкои дивчынкы, здалась *втиленнямъ* *) тіеи вышчои обороняючои сылы, котра прызначена бороныты іи и керуваты іи жыттямъ и зосталась нимъ и тоди, якъ уже ни пеклуватысь, ни дбаты ни про вищо не могла. И, ходячы за хворою матирью, Марына бачыла въ ній не хвору й безпомичну людыну, а саму ту вышчу сылу, безъ котрои вона, Марына, не могла-бъ и житы...

---

*) У стародавнихъ проповидяхъ и въ иншыхъ религійныхъ украинск. кныжкахъ есть такый выразъ: Исусъ Хрыстосъ *втилывся*. Видциль и слово *втиленя*—wcielenie—воплощеніе. *Авторъ*.

И ось теперъ ця смерть! Для неи вона була несподиванымъ выпадкомъ, бо вважала вона ёго за неможлывый. И вона не вирыла ёму до останнёи хвылыны. Навить тоди, якъ въ передсмертни хвылыны сконання ма́терына рука сылкувалась звестыся, щобъ поблагословыты стоялу навколишкахъ биля неи дочку; якъ холодіючи вуста сылкувались вымовыты благословення и, не можучы того зробыты, безсыло трусились; а погасаючи очи, не заплющывшысь меркли у довичному сни, втупывшысь у неи,—навить тоди вона не поняла виры и, цилуючы похолодили рукы, вже опанована невымовною, нестерпучою тревогою и острахомъ, вона казала:

— Мамо, голубонько! що вамъ?

Але маты вже не одмовыла; не могла одмовыты. И вже тоди, якъ не було ніякои надіи, якъ смерть выразно положила свій похмурый покрывъ на ссохле, змучене покійныцыне обличча,— тилькы тоди вона скрыкнула страшнымъ, нелюдськымъ крыкомъ и сама якъ мертва впала додолу биля ма́терыного лижка.

И теперъ вона одна.....

Вона змарнила за ци часы. Вона зробылася зовсимъ худа и іи й безъ того блидне облычча теперъ ниби просвичувало наскризь; а темне волосся ще бильшъ одтинювало ёго блидность. Сири, зовсимъ ще дитськи але вже якоюсь глыбокою и таемною думкою свитячыи очи, ще глыбше позапа-

далы и надъ нимы, коло правои бровы, вже позначылась невелычка зморшка—першый одслидъ мукы.

Але сама вона цёго не помичала за журбою. Ій здавалося, що укупи зъ матирью, котру оддала вона ями, вона положыла туды, у ту яму, и свое власне серце. Ій здавалося, що дали вже никуды йты, що це вже останній день іи жыття, той самый день, якъ вона, вернувшысь додому писля похорону, мовчкы и не роздягаючысь кынулася на той ослинъ зъ ганчиркамы замисць подушокъ, на котрому вмерла іи маты; кынулася певна, що бильше вже не встане, що вона лягла, щобъ умерты.

Але вона не вмерла. Два тыжни вона не спала, и сонъ теперъ іи перемигъ: вона заснула и проспала ажъ до другого пивдня. Тоди розуминня свого становыща потроху прокынулося въ неи. Вона побачыла, що не вмерла, що ій доводыться жыты. Та якъ? Вона була одна; одна мижъ усихъ людей. Ни ридныхъ, ни знаемыхъ у неи не було: воны тилькы тры рокы назадъ прыихалы у городъ зъ села и ридни у ихъ тутъ не могло буты, а знаеми.... Булы якись знаеми, якъ ще батько жывый бувъ, але съ того часу, якъ винъ умеръ надъ своимъ чоботарськымъ стильцемъ, и тыхъ не стало. Та й що съ того, якъбы воны булы? Хиба вона до кого може такъ прыхылытыся душею, якъ до матери? Ни! Вона одна, одна мижъ усихъ людей!

А якъ-же жыты? Уси зароблени гроши, яки тилькы въ неи булы, вона потратыла на ликы для матери и на похоронъ. У неи зостався тилькы семигривенныкъ и пивъ хлиба. Вона нымъ жыла два дни. Теперъ треба було шукаты роботы, щобъ не згынуты зъ голоду. Де? Треба-бъ питты до тіи хазяйкы, у котрои вона ранише жыла; може й е мисце, хочъ треба думаты, що вона вже давно знайшла соби швачку замисць Марыны. Що-жъ тоди?

Марина знову неначе прокынулась писля важкого сну и знову згадала, що треба йты. Вона устала зъ ослону, загорнулась у велыкый товстый платокъ—теплои одежи въ неи не було—и нарешти выйшла съ хаты.

Хатка іи була на самій гори будынка, ажъ пидъ дахомъ и треба було переличыты не одынъ десятокъ схидцивъ, покы можно було выйты у двиръ. Марына пишла у темряви, держачысь за стину, щобъ не впасты, бо схидци хыталыся пидъ ногамы. Нарешти вона выбралась и була середъ шырокого, але брудного двору. Озырнувшысь навкругы, вона зупынылась, вагаючысь, чи йты ій, чи вернутыся. Вона побачыла, що середъ двору стоявъ хазяинъ того дому, де вона жыла, и про вищось балакавъ зъ двирныкомъ. Винъ махавъ рукамы и, выдко було, що сердывся, бо гостри, пронозувати очи, котри потопалы за гладкымы, ажъ лыснячымы одъ жыру щокамы, наче выплыгувалы зъ-за ихъ. Его товста мищанськ-

ка постать у заялозеному пальти стояла саме на Марыныній дорози, але бокомъ до неи, такъ, що винъ не мигъ ще іи бачыты.

— Оце-жъ попрыбирай мини скорише отутъ у двори, та не гайсь довго, казавъ винъ двирныкови,—а тоди прыходь до мене.

— Та хиба я барюся? Я й такъ онъ скилькы вробывъ, выправлявся двирныкъ, сердыто оббываючы объ свій чобитъ метлу.

— Знаю вже, знаю тебе! Одбрихуватьcя вміешъ! Мерщій робы мини дило, та прыходь, а то треба обійты кватырантивъ, такыхъ, що грошей не платять,—такъ, може, кого й вытурыты доведеться.

— Добре! промовывъ двирныкъ: я заразъ! и, пиднявшы на плече метлу, пишовъ до роботы у другый кинецъ двору.

— Уси вы «заразъ»!... Тилькы гроши вміете браты! пробубонивъ ему навздогинъ хазяинъ.

Марына вже давно стояла, сховавшысь у синяхъ, ни жыва ни мертва. Се значыть,—и до неи прыйдуть, бо й вона выновата хазяинови гроши бильшъ, якъ за пивъ мисяця. Що, якъ выженуть, промайнуло у неи въ голови.

— Хочъ-бы теперъ перебигты якъ небудь, щобъ не побачылы, заразъ-же подумала вона и вызырнула знову у двиръ.

Але хазяина вже тамъ не було. Марыни полегшало на серци. Вона прожогомъ кынулася съ синей; пробигла двиръ и опынылась на вулыци.

II.

На двори йшовъ дощъ, хочъ и невелычкый: мовъ кризь сыто сіявъ. Але жъ небо облягло хмарамы и вищувало ёго надовго. На неби а ни смужкы яснои—скризь простяглась сира запона и ни въ одному мисци не розгорталась. Було холодно и туманъ закрывавъ затого усе, що можно було бачыты и тилькы передни будынкы ледве вызначалыся середъ ёго хвыль.

Марына ще дужче загорнулася у свій платокъ и пишла, обмынаючы невелычки калюжкы, що стрывалысь ій иноди на дорози, боячысь замочыты свои ногы у драныхъ черевыкахъ. Вона най-самъ-передъ хотила питты до своеи прежнёи хазяйкы и попрохаты, чи не визьме вона іи знову до себе. Вона жыла не блызько и покы Марына дійшла туды, то вся посынила одъ холоду и ногы у неи булы мокри. Вона не схотила заходыты у робитню и пройшла просто до хазяйкы; та була дома.

Марына увійшла у хату и зупынылась: ій було щось ніяково. Вона не забула, що якъ вона покыдала мисце, хазяйка сварылась и на Марынине прохання—не розщытуваты іи зовсимъ, а пидождаты, покы одужае маты, казала, що ждаты вона не може и найме другу швачку. Тымъто дивчына, зовсимъ збентежена, ледве промовыла:

— Добрыдень!

— Здорова! одповила хазяйка, высока й худа жинка зъ якымъ-сь сухымъ, байдужымъ выразомъ у облыччу.

А що скажешъ?

— Я знову до васъ: чи не взялы-бъ до себе?... не смилыво промовыла Марына.

— Я-жъ тоби казала тоди, що не можу ждаты. У мене робота не стоить. Я вже давно наняла другу на твое мисце. И бильше въ мене мисця нема.

Марына мовчала.

— А що-жъ твоя маты—якъ? одужала? спыталася хазяйка.

— Вмерлы... черезъ сылу прошопотила дивчына.

— Вмерла? Ну, погано тоби... А все такы мисця нема!

Марына ще трохы постояла. Хазяйка, бачучы, що вона не йде, додала:

— Хочъ и не просы. Не прожену-жъ я другу черезъ тебе!

Дивчына тыхо повернулася до дверей. Мабуть горе дуже выразно видбылося на іи облыччу, бо хазяйци стало жалко іи, и вона промовыла:

— Слухай... Ось у Луцькыхъ панивъ, що знаешъ, на Канторськїй жывуть, сорочкы треба шыты. Сама пани намъ хотила виддаты, такъ мы-жъ сорочокъ не шыемо... Навидайся туды—може й дадуть роботу.

Марына подякувала. Вона знала цю пани Луцьку, котра була у ихъ у робитни развивъ зо-два, чы зо-тры.

Знову трусючысь одъ холоду и кутаючысь у платокъ, вона побигла ажъ на той кинець города, ажъ на Канторську. Добре втомывшысь, покы дотяглась туды, вона заразъ же знайшла чымалый будынокъ Луцькихъ, роспытавшысь у Полицейского.

Марына пидийшла до пышного кганку. Двери блыщалы палитурою и миднымы вычыщенымы ручкамы.

Ій стало страшно.

— Чого я прыйшла сюды? Мене просто проженуть! пробигло у неи въ голови.

— А може й ни? зъявылася друга думка. Охъ, якъ бы то, Господы! зитхнула дивчына и зъ замираючымъ серцемъ несмилыво подзвоныла и стала ждаты.

Ничóго не чуть. Вона дужче потягла ручку одъ дзвоныка. Зновъ килькы тяжкыхъ хвылынъ...

— Я погано дзвоню, подумала вона и смыкнула зъ усіеи сылы. Дзвоныкъ гучно вдарывъ за дверима. Вона злякалась цёго гучного дзвону такъ, що трохы не втекла. Але зупынылась. Почулась хода за дверима.

— Боже! поможы! подумала вона и въ неи перехопыло духъ.

Двери одчынылыся. Старый швайцаръ зъ заспаною пыкою и кудлатою головою вызырнувъ

видтиля. Выдко було, що винъ тилькы-що кунявъ, сыдячы у прихожiй.

— Чого тоби? спытався винъ не зовсимъ ласково.

— Пани Луцька дома? насылу промовыла Марына.

Швайцаръ глянувъ на неи, озыраючы зъ ниг до головы съ прызырсьтвомъ «холопа», ходячого у ливреи багатыхъ панивъ.

— А тоби на-що? процидывъ винъ кризь зубы.

— Мини дило до ихъ есть...

— Яке? кажы мини, я доложу.

— Я хотила-бъ сама ихъ побачыты...

— Самiй не можно! сердыто одмовывъ швайцаръ. Скажы, яке дило, я имъ доложу, тòди може й звелять поклыкаты.

— Я чула, що тутъ робота швацька есть...

— Ну?

— Такъ я... прыйшла спытаться, чи не можно-бъ iи взяты.

— Эге! онъ-що! зновъ зъ невымовнымъ прызырсьтвомъ пробубонивъ швайцаръ, упьять оглядаючы iи лахмиття.—Ну, такыхъ васъ багато! Нема въ насъ роботы; а хочъ и есть, такъ и безъ тебе пороблять. И не слухаючы бильшъ, винъ грюкнувъ дверима передъ дивчыною.

Марына ще постояла трохы, тыхо зiйшла зъ кганку и тыхо, безъ нiякои меты, пишла вулыцею.

— Такъ и да́ли буде! думала вона. Такъ! О, мамо, на-що ты покынула мене?

И образъ коханои матери знову уявывся бидній дивчыни. Ни, вже не матери, а тилько трупа образъ; мертвого, холодного и посынилого трупа. Слёзы брызнулы зъ іи очей и полылысь по щокахъ. Вона не втерала и не здержувала ихъ, бо не мала сылы. Уся іи стомлена, змучена истота, що держалась, не падала стилькы часу, теперъ одразу погнулася передъ велыкою вагою тяжкого горя и дивчына, блидна и вся залыта слизьмы, плакала, гирко плакала, промовляючи:

— О, мамо! На що ты мене покынула?..

И нова течія слизъ слидкувала за цымъ скрыкомъ на болилого серця. Вона ламала свои худи рученята до болю и не чула ёго, бо ёго заглушала болисть серця. И воно болило, болило бидне серденятко молоденькои дивчыны, що зосталась одна, одна на всёму свити безъ пособы, безъ розвагы.

— О, мамо! на що ты мене покынула! Въ цёму скрыку вылылося усе іи горе, уся іи мука, уся безпомичность молодои неоперенои пташкы.

Чи довго такъ тяглося? Вона сама не знала. Вона очуняла тилькы тоди, якъ чыйсь голосъ гримнувъ коло неи:

— А ця чого тутъ стоить?

Вона глянула и побачыла коло себе высокого, здорового чоловика, мабуть двирныка зъ якогось

дому. Спершу вона не зрозумила, де це вона и що зъ нею, але якъ чоловикъ у друге крыкнувъ:

— Ну, якого-жъ чорта тутъ стоишъ? вона побачыла, що стояла у воротихъ якогось дому.

Марына мовчкы пишла дали, а за ии спынощо роздалась лайка:

— Усяка хлёрка тутъ тягаетця, такъ и дывысь! Ну, народъ!

Кровъ кынулась ій у облычча. Що-жъ вона зробыла, за що ии такъ зневажають? И пидъ вплывомъ чыстого и дитячого почування ій схотилося скрыкнуты:

— Ни, ни, не лайте мене: я тилькы шукала роботы!

Але вона не скрыкнула; тилькы слёзы упьять пидступылы до горла зъ новою сылою и вона, не памьятаючы себе, кынулась бигты по вулыци, ничого не бачучы и ничого не чуючы.

Зупынывшысь и оглядившысь писля довгого бигу, Марына побачыла, що була недалечко одъ своеи кватыри.

Змучена, стомлена, уся трусючысь одъ холоду, вернулася вона до дому. Вона зъ ранку не йла ни крыхты, але ій не хотилося й йсты. Вона поскыдала съ себе одежу, роззулась и впала на лижко. Невымовна нудьга, нудьга страшнои самотносты обхопыла ии и вона, конвульсійно здавывшы свои рукы и сципывшы зубы, наче

скамьянила надъ однiею невыкрутною, сто развивъ передуманою думкою:

— Одна, зовсимъ одна!...

У неи теперъ ничо́го не було въ голови, опричъ цiеи думкы; але съ того зробылося iй ще важче, бо запанувала ця думка надъ усiею ии истотою, гнитыла ии ще дитячи, молоди груды, морозыла серце.—Одна, зовсимъ о́дна, безъ хлиба, безъ роботы!

И вона прыпадала до лижка грудьмы, давыла ихъ зъ усiеи сылы кулакамы, щобъ физичнымъ болемъ заглушыты болисть души, одъ котрои вона уся омливала, уся конала. Скилькы такъ протяглося часу, вона не знала; бо ии голова, зупынывшысь на однiй думци и не знаходячы зъ неи выходу, почала нарешти туманиты; похмура, нызенька хатка съ почорнилымы, брудными стинамы закрутылася у Марыныхъ очихъ и дивчына чи то заснула, чи то забулась...

III.

Шыроки й безкраи просторы; легке и мьяке повитря, усе пронызане й облыте сояшнымъ проминнямъ. Воно неначе ходыть хвылямы; неначе перелываеться своимъ яснымъ блакиттямъ. Земли не выдко, зовсимъ уже не выдко, тилькы срибна блыскуча смуга якоись рички, здаючысь тоненькою ныточкою, простягаеться до велетенського дзеркала—моря. А тамъ, надъ головою, безкраи бла-

китни розлогы и палаючый круглый горнъ лье течіи слипучого свиту, сей велетень—сонце. И ничого бильше, ни едынои цятыночкы: усе чысте и безкрае. А тыша яка: ни пташыного спиву, ни людського голосу, ни едыного шелесту—усюды величня тыша; вона и мертва и наче повна якогось могутного схованого жыття, розлытого по сыхъ хвыляхъ колываючого повитря.

Ни згука, ни цяткы...

Вона одна, одна бидна дивчынка Марыся, маленька, «*мамына*» Марыся, у сёму безкраёму одвичному розлози. Одна!..

Вона лыне у гору промиждо хвыль осіяного сонцемъ повитря. Лыне туды, у саме небо, видкиля льеться слипуче золоте проминня. Туды...

И іій легко, іій гарно, вона купаеться у повитри, вона дыше имъ на вси свои маленьки груды, вона впываеться имъ.

Все вышче и вышче! Блыскучый золотый горнъ поблыжчавъ...

А це що таке?

Середъ незворушымои, тыши пролынувъ якыйсь згукъ. Ось ще, ще... Наризни, одрубни згукы злываютця потроху у одну величню солодку мелодію. Це спивъ, божественный спивъ льеться видтиля зъ горы. Хто це спива?

Вышче! вышче! Онъ заколыхалысь, захвылювалы блакитни, прозори хвыли; онъ розлылыся воны, розирвалыся. А зъ-за ихъ вылынувъ чу-

довый образъ—одынъ, другый... Онъ ихъ багато: чыстыхъ и чудово-вродлывыхъ, съ шырокымы крыламы, у блыскучыхъ легкыхъ шатахъ. Воны летять, побравшысь за рукы и спиваютъ ту чудову писню.

Воны прылынулы до неи, беруть іи и несуть ще вышче. О, якъ высоко!

Охъ, яке-жъ слипуче, золоте море! Бидна Марыся заплющуе очи, зновъ одкрыва и спершу ничого не бачыть, опричъ одного безкраёго золотого блыскучого моря. Це сонце?

Ось очи потроху звыкають до сёго свитла. Ось вона бачыть...

Высокый сяючый престолъ у самому осередкови того моря. Коло ёго навкругы таки-жъ блыскучи и вродлыви янголы съ крыламы. А дáли скилькы людей и вси до одного у билыхъ ясныхъ шатахъ! Воны стоять передъ престоломъ и дывляться туды, у гору.

А що-жъ тамъ, у гори? Хто тамъ на тому престоли. Марыся хоче пидняты очи, глянуты и ніякъ не зважытця. Немовъ сыла якась не дае глянуты. И ось лыне видтиля чудовый святый голосъ:

— Дивчыно! пидийды сюды и глянь!

И вона глянула. Боже! Хто-жъ це такый? Це не янголь такый, якъ ось ти, що стоять навкругы; це не людына. Це сама чудова врода, сама святисть. Хто-жъ це такый?—Вона ёго десь бачыла, бачыла це облычча зъ невелычкою роз-

диленою боридкою,—тилькы тоди воно було стомлене, змучене, а теперъ сяе Божымъ сіянямъ. И голосъ цей мовъ чула десь...

— Прыйды до Мене ты, труждающаяся и обремененная и Я заспокою тебе!

Охъ! згадала-жъ, згадала цей голосъ и облычча згадала! Се-жъ Винъ, се той едыный учытель, се Хрыстосъ, за неи роспьятый!

И вона пада передъ нымъ, прыпадае губамы до Его святыхъ, гвиздкамы пробытыхъ нигъ.

И встае Хрыстосъ, пиднима іи зъ земли и бере за руку. И прыводе іи до якоись бабуси.

— Ты не хотила жыты безъ матери и Я взявъ тебе до неи, каже Винъ.

Глянула дивчына на бабусю—вона, це справды вона, іи люба мама. И вже не мертва,—ни: гарна и блыскуча у своихъ билыхъ шатахъ.

Кыдаетця дивчына до неи: Мамо! голубко!...

. . . .

Де це вона? Похмури, чорни стины; чорни задымлени дошкы надъ нею. Де це вона? Може въ труни вже лежыть? А мама-жъ де?

— Мамо! кохана мамо! ще разъ скрыкнула Марыся и зовсимъ прокынулась.

Вона була на своему лижку, у своій темній понурій хатынци.

Такъ це вона знову на земли? Такъ усе те бувъ тилькы сонъ! И небо, и Хрыстосъ, и мама? О! навищо-жъ тилькы сонъ? Чому цего не бу-

ло навсправжкы, чому вона не зосталася зъ мамою? Чему?

И вона кынулася зъ лижка, але заразъ же упьять на ёго впала. Тилькы теперъ почула вона, що уси іи кисткы ныють и болять, що голова уся палае и розрываеться одъ болю. Вона хвора.

Марыся знову лягла и почала думаты, съ чого-бъ вона могла захвораты. Спершу вона ніякъ не могла прыгадаты. Але да́ли ій згадався сегоднишній ранокъ. Вона застудылась. Що-жъ теперъ зъ нею буде, якъ вона захворае? Грошей нема,—доведетця зъ голоду вмерты. Покынута, забута вона вмре тутъ, у цій домовыни и съ хворобы, и зъ голоду.

Вона вмре, якъ и маты?!

И одразу зъ цією думкою ій згадався увесь іи сонъ. О, ни, ни! не дурно винъ, цей сонъ снывся. Це не сонъ снывся, це справды маты прыходыла іи до себе клыкаты. Такъ, значыть, вона такы буде зъ матерью?

И, щаслыва одъ ціеи думкы, Марыся вже не лякалась бильше своеи хворобы. Такъ, вона вмре або съ хворобы, або зъ голоду. И це зовсимъ не погано, бо вона буде зъ матирью. И якъ вона могла ранише думаты, що захвораты—для неи лыхо?

Тилькы-жъ голова палае и болыть нестерпуче. Хочъ-бы знову заснуты—може-бъ упьять такый сонъ прыснывся.

— Такъ ты кажешъ, вона вже дома? роздався надъ самымъ ии вухомъ гучный голосъ.

— Эге, вернулася давно.

Хто це балака у неи въ хати? Вона пидвелась трохы и озырнулась. Никого нема.

Двери одчынылыся и въ хатку увійшовъ хазяинъ, а за нымъ двирныкъ.

— Эге, ось и вона, почавъ хазяинъ. Що-жъ це вы, панно, у кватыри жывете, а грошей не платыте бильшъ, якъ за пивъ мисяця? пытався винъ.

Марыся ледве пидвелась и сила.

— Пидождить хочъ килькы днивъ: ось одужаю, виддамъ.

— Пидождитъ! Знаемо мы це «пидождитъ»! Багато васъ такыхъ. Жыве, жыве, а тоди—фить! полетила. Що ій, хиба худобу перевозыты?—дви ганчиркы! А гроши пропадають.

— Будьте ласкови, пидождить: бачыте, я зовсимъ хвора.

И, не можучы бильше сыдиты, вона впала на пóдушку и вхопылась рукамы за голову.

— Хвора! що мини до того що хвора! невгававъ хазяинъ. Лежы скилькы хочъ хворою, а гроши давай.

Дáли, бачучы, що зъ Марыною справды теперъ ничого не вдіе, винъ промовывъ:

— Ну, та вже добре! Щобъ пислязавтрёго мини гроши булы, а то я не подывлюсь, що хвора, а одишлю у часть.

И, озырнувшы ще разъ убогу хату, винъ процидывъ кризь зубы: Голота! и выйшовъ геть зъ двирныкомъ.

IV.

Марысыне бажання не справдылось: вона не вмерла. У неи була тилькы гарячкова пропасныця. Але вона теперъ, писля того сну, була певна, що скоро вмре.

— То не сонъ бувъ, то мама по мене прыходыла, думала вона и роспалена хворобою ии ще дитяча головка вирыла тому.

Вона бажала вмерты, та смерть не йшла. Дивчына тилькы мучылась на-въ-переминку то въ специ, то въ холоди и страшно схудала, бо пропасныця не давала ій ничого исты.

На іи щастя хазяинъ бильше не прыходывъ правыты зъ неи гроши за кватырю, ждучы, мабуть, покы вона одужае. Іи не выганялы зъ іи хаты, але-жъ що съ того? Змучена хворобою, одыноко лежала вона на брудныхъ лахмиттяхъ. Въ хвылыны велыкого прыступу хворобы ій невымовно хотилося пыты, але вона не могла встаты и набраты воды и безпомична, уся спечена смагою, съ пересохлымы губамы и горломъ, дивчына кыдалась по своему лижку, мучачысь у невымовныхъ, палючыхъ мукахъ. И середъ сыхъ мукъ ій уявлялася прымара за прымарою, знову бачыла вона свою матиръ, котра звала іи до себе и дивчына тоди крычала у страшній тузи:

— Мамо! мамо! колы-жъ я буду зъ вамы?

Тилькы вже на третїй день, дотягшысь якось до викна, вона поклыкала у его дивчынку одного ремесныка, що жывъ у цёму-жъ двори и впрохала ии забигаты хочъ инколы до неи и прыносыты ій воды.

Такъ наступывъ пьятый день. Марыси трохы полегшало и вона встала, ззила невелычкый шматокъ хлиба и выйшла на хвылынку, щобъ дыхнуты свижымъ повитрямъ. Але хазяинъ, побачывшы, що вона вже ходыть, знову явывсь до неи и збывъ бучу.

— Або сегодни прынесешъ до вечера гроши, або геть къ чортамъ видциля! грымнувъ винъ на прыкинци и пишовъ съ хаты.

Марыся ничого не сказала хазяинови. Теперъ ій було однаково, чи винъ ии выжене, чи ни. Вона певна була, що ій не довго жыты, що вона скоро покыне цей свитъ. Ся думка не выходыла у неи зъ головы. Чому вона такъ думае, Марыся и сама не сказала бъ; але пересвидчена була, що вона не жытыме, що вона пиде до матери. Якъ се зробыться—вона ще не знала и не могла ніякъ прыгадаты.

Трохы згодомъ, сама того не помичаючы, Марыся опынылась на вулыци. Безъ ніякои меты, якось машынально, выйшла вона, не розуміючы, що вона робыть и вже тоди трохы очуняла, якъ була за воритьмы и осинній витеръ пронызувавъ

іи гострымъ холодомъ. Вона здригнулась и оглядилась.

— Куды це я йду? И чого? Треба вернутыся назадъ, подумала вона и зупынылась—була. Але-жъ вернутысь не вернулася. Не вважаючы на те, що вона була ще недужа и що холодъ прымушувавъ іи трусытыся, ій схотилося йты дали, втекты одъ своеи похмурои, якъ погрибъ, хаты, де вона зазнала стилькы горя, де іи ганьбылы... Вона пишла.

— Куды-жъ итты? Може знову йты роботы шукаты, ворухнулася у неи въ голови думка. А де-жъ іи знайдешъ?

Але за цією думкою заразъ-же зъявылася й инча:

— На що-жъ теперъ шукаты роботы? Хиба вона думае жыты, чи-що? Тилькы хочъ-бы скорише! О, Господы! хочъ-бы скорише, щобъ не мучытысь такъ!

— Дивчыно! дивчыно! гей, чепурушко! роздалося за нею гукання.

Вона обернулась; якыйсь ремеснык, добре пидпылый, ковыляючысь на обыдва бокы, непевнымы ступнямы надблыжався до неи.

— Ну, ну, чепурушечко! казавъ винъ: не тикай, ходимо зо мною!

И винъ зовсимъ блызько пидийшовъ до дивчыны, простягаючы до неи рукы.

— Чого вамъ, дядьку, одъ мене треба? полохлыво промовыла Марыся, поступаючысь назадъ.

— Ну, ну, моя кралечко, не лякайся! Адже я тебе люблю. Ходимо... зо мною... У мене й гроши е; я не дурно... И выпьемо.

И пьяный хотивъ було вже обняты іи. Марыся вырвалась и побигла. Пьяный зупынывсь збентеженый, похнюпывшы голову. Нарешти винъ глянувъ у слидъ дивчыни и, побачывшы, що вона тикае, загомонивъ:

— Тикаешъ? Ну й тикай, трясця твоему родови! Мало хиба васъ тутъ шляеться? Велыки цяци—за пьятака усихъ куплю! А то бачъ, втекла, напышалась! Та въ мене грошей стилькы, що я и не подывлюсь на яку небудь!...

И грядъ найпоганишои лайкы посыпався навздогинъ за дивчыною. Ій стыснуло груды:

— Такъ ось уже за кого мене прыймають! промайнуло у неи въ голови. Ни, ни, годи жыты. Хочъ-бы скоришъ! Тилькы якъ?

И вона бигла дали, не зупыняючысь, повторюючы сама соби у невымовній муци: якъ? якъ?

Изненацька си думы перехопывъ голосный свыстъ, гучне гудиння, котре вдарыло ій у вуха. Вона зупынылась и глянула. Темна нызка вагонивъ бигла по рельсахъ. Увесь поиздъ зъ шыплячымъ та дымлячымъ паровозомъ спереду здававсь якымъ-сь страшнымъ зміемъ зъ народныхъ легендъ. Марыся, сама не помичаючы того, зайшла ажъ до вокзалу.

И зненацька ій вдарыла у голову думка:

— Ось якъ! Теперъ знаю! прошопотила дивчына.

Ѵ.

Теперъ Марыся знала, якъ ій умерты и заспокоилась. Вона тилькы думала про те, якъ-бы це краще зробыты. Тутъ народъ снуе туды й сюды. Треба выйты за городъ, це не далеко—и пидождаты другого поизда.

Дивчына такъ и зробыла. Черезъ пивъ годыны вона вже сыдила за городомъ, на горбочку, коло рельсивъ и дожыдала поизда.

Вона сыдила й думала....

Вона була спокійна. Въ іи молодому серци на цю хвылыну зовсимъ погасло бажання жыты. Ій навить гарно було думаты про те, що ось черезъ килькы хвылынъ вже нихто николы не зможе ображуваты, не зможе мучыты іи и вона побачыть свою «маму». Про саму смерть вона не думала: вона ришыла, що кынеться пидъ поиздъ и бильше про це не рахувала.

Загорнувшысь у платокъ, дывылась вона навкругы. А навкругы бувъ невелычкый гаечокъ. Осинь уже положила на ёго свою важку руку и жовте лыстя, тремтючы и колываючысь у повитри, тыхо разъ-по-разъ сидало на землю, укрываючы іи пышнымъ золотымъ накрыттямъ. На земли вже лежавъ товстый и мьякый шаръ такого лыстя; падаючы зъ дерева и лягаючы на его,

нове лыстя тыхо и якось таемно шелестило. Цей шелестъ звернувъ на себе Марысину увагу. Де це и колы вона чула ёго?

А! згадала! Це тоди було, якъ ще вона маленькою дивчынкою була; якъ ще воны въ сели жылы. Це саме въ осены й було... Вона одна—однисинька йшла темнымъ, на пивъ мертвымъ лисомъ; ишла безъ стежкы, навмання и золоте лыстя падало и шелестило, якъ и теперъ шелестыть. И такъ, якъ теперъ вона прыйшла шукаты инчого, небесного жыття, такъ и тоди вона шукала неба, хочъ ій и не хотилося тоди вмыраты. Але маты ій такъ часто росказувала про Бога, про янголивъ, про рай, про те, що на земли горе, а на неби вичне щастя, що ій, шостылитній дивчынци, схотилось на небо. И якъ теперъ це все згадалося ій добре: и лисъ велыкый, котрого вона такъ лякалася ранишъ и якъ вона йшла тымъ лисомъ, пробыраючысь мижъ кущами; и якъ вона, писля довгои блуканыны, втомывшысь, спиткнулася на товстый дубовый коринь и впала. И такъ ій навить той коринь выразно уявлявся, що вона неначе знову перелынула туды, въ ти дытячи лита...

О, чомъ вона тоди не знайшла соби неба и за неи роспьятого Хрыста?

Господы! якъ довго тягнетця часъ! Чи скоро цей поиздъ?

Вона встала и почала выглядаты его.

— А я-жъ не замкнула своеи хаты! зненацька промайнуло у неи въ голови. Якъ хто вбереться!?...

И вона була вже обернулась, щобъ бигты назадъ до своеи хаты, але заразъ-же и зупынылась.

— Чудна я! Адже мини заразъ вмираты.

Вмираты! А що тоди буде, якъ вона вмре? Поиздъ одриже ій голову, іи знайдуть, прывезуть у «часть»... Мабуть, хазяинови дадуть знаты... Вылае винъ іи за те, що ёго гроши пропалы. И ій соромъ стало, що вона одурыла хазяина. Вона думкою попрохала ёго простыты іи.

Марыся знову сила на землю и знову думкы опанувалы іи. Теперъ ій згадувалася маты такъ, яка вона була, якъ вмирала: жовта, худа, съ погаслыми очыма, съ конвульсійно—тремтячыми губами. Але дивчына вже більшъ не плакала по ій и тилькы думала:

— Я скоро побачу іи, побачу...

Охъ, чому-жъ це поизда нема? Чого винъ такъ забарывся?

И дивчына то вставала, выглядаючы его, то знову сидала.

Мынуло ще пивъ годыны, годына... Сонце вже сило за гаемъ и останни ёго промини позолотылы верховиття деревъ и погаслы. Для неи воны навикы погаслы...

Зовсимъ уже смерклось. Увесь краёвыдъ навкругы загорнувся у сиру темряву. Тилькы стов-

пы деревъ мріють передъ очыма чорнымы смугамы. У гори, у неби, темно, сиро, а ни едынои зироньки. Сумно, до болю сумно на земли. Хочъбы скоришъ, скоришъ!...

А! ось нарешти и винъ, іи спаситель: вже чуты якъ свыстыть.

Вона устала тыхо и пишла до рельсивъ. Дали згадала, що ій ще треба помолыться. Повернувшысь на схидъ сонця, вона стала навколишкы и вдарыла поклонъ.

— Господы! Исусе Хрысте! прыймы мене! Мамо, до васъ иду.

Вона ще разъ прыпала до земли, потимъ перехрыстылась и пишла до рельсивъ. Коло ихъ вона зупынылась и глянула у той бикъ, видкиль ишовъ поиздъ. Ось и винъ. Вже зовсимъ темно, и ёго са́мого не выдко, але два лыхтари, якъ два пекельныхъ ока, сяють у темряви.

Марыся скынула съ себе платокъ, ще разъ перехрыстылась, стала навколишкы и прыхылылась до рельсивъ. Вона положыла на нихъ шыю и сама зовсимъ лягла на землю.

— Ухъ! якъ страшно гудуть рельсы и земля трясеться.

А поиздъ усе блыжчае та блыжчае; пекельни очи все яснише та яснише прорызують темряву.

Чи скоро-жъ?

Може іи тилькы скыне зъ рельсивъ, а не зада́вить?

Вона злякалася цёго и глянула на поиздъ, мовъ-бы хотила найты въ ёму одмову на це пытання.

Ще хвылына...

Ось уже чуты, якъ бряжчать ланцюгы помижъ вагонами, ось уже колеса выдко. Пекельни очи палають.

Заразъ, заразъ...

Господы! та що жъ це вона ро́быть? Це жъ смерть! Охъ! на що жъ це вона? Ій ще хочеться жыты. А це смерть. Геть, геть видциля, а то ось уже, ось!..

И вона хотила одкынутысь назадъ.

Але въ цю хвылыну щось прытыснуло ій шыю до рельсивъ; щось ризонуло страшнымъ болемъ и годи... Вона вже ничого не бачыть, ничого не чуе... Тилькы тепла кровъ зъ безголового трупа оббрызкуе колеса проходячого да́ли поизда...

Марыся пишла до «мамы»...

85. VI. 25.
с. Ныжня Сыроватка.

В. Чайченко.

Гришныця.

Же́но! гдѣ суть, ижеваждаху на тя? Никій же ли тебе осуди? Она же рече: никто же, Господи! Рече ей Іисусъ: ни азъ тебе осуждаю. Еванг. Іоанна гл. 8 ст. 10—11.

Твій знивеченый выдъ, позапада́ли очи,
Де обвели свій слидъ прожыти гришно ночи,
И безсоромна ричъ, и нависна̀ хода—
Гидливосты въ мини все те не прокида̀.

* *
*

Я не жаха́юся, мовъ га́дыны якои,
Тебѐ, приныжена, зане́дбана всима̀!...
Нема въ моій души къ тоби знева́ги злои
И словъ докирливыхъ на языку нема̀.

*
* *

Менѐ великый жаль и дума обіймае
Про молодѐ життя, що да́ромъ пропадае
И вка́зуе мини твій помарнилый выдъ,
Що ма́буть не зъ добра ты занедбала стыдъ.

*
* *

Що горе й не одно̀ твои диво́чи лита
Спиткало.... И ёго̀ ты сте́рпить не могла̀,
Бо молода̀ була, неба́чила ще свита....
И ты шляхо̀мъ гриха̀ заплющившись пишла.

* *
*

Недо́ля зла тебѐ въ страшну безо́дню пхнула;
Упа́ла ты.... Упа́ла и забула,
Чи й йѐ видтиль назадъ надія вороття
До щастя першого, до че́сного життя.

*
* *

И думку на́витъ ты про те видъ се́бе гнала;
Шука́ла забуття, а думка мимохить
Зъ самого дна души маро́ю вырынала
И довго не могла ты серцемъ зачерствить.

*
* *

Та ба̀чу, що тепѐръ пропа́ща ты на вики
И шко́да такъ тебѐ, зане́дбана всима̀!...
Ростѐ въ моій души до те́бе жаль великый,
А словъ докирливыхъ на языку нема̀.

Вл. Самойленко.

Моя могила.

Посвящ. Ал. П. Ал-овой.

Прощай, моя ты люба, мила!....
Не довго... та й пиду я въ сховище святе...
Рикъ, два минѐ,—моя нима могила
Травою густо заросте.

* *
*

Могила тая буде въ поли,
Надъ нею въ-осены оравши пройде плугъ;
Колись зростуть тамъ гарни дви тополи,
А посли, може, й цилый лугъ.

* *
*

И якъ съ тополею густою
Витрець жартуючи тихенько зашумыть,
Туды увечери веселою весною
Дивчина зъ милымъ прибижыть.

* *
*

Обнявшись сядуть пидъ тополю
Якъ-разъ мини на мертву, чулу грудь;
Тоди, любуючись весною и собою,
Воны шумъ листячка поймуть.

Вл. Александровъ.

Скажи.

Скажи, моя зоре, яка искра сонця
Блещыть у очицяхъ твоихъ?
Іи якъ святыню прыйму я до серця,
Въ думкахъ заховаю своихъ.

Скажи, моя люба, якого дня ранокъ
У тебе на личку горыть?
Ему мое серце я хворе сповирю,—
Той ранокъ ёго исцилыть.

Скажи: изъ якои ясненькои зирки
До насъ ты скотылась сюды?
Я рано и вечеръ почну засылаты
Святіи молитвы туды.....

. . . .

Спиванка.

Иде весна, тепло несе,
Динець широкый розильеться;
Все оживе, все стрепенеться,—
Та не для мене тее все.

* *
*

Динець шумыть, Динець гуля
И лугъ и луки заливае;
Въ диброви соловей спивае,
Та не мене розвеселя.

* *
*

Садокъ росквитне по весни,
Великдень и святки настануть;
Уси христосуваться стануть,
Та все те въ радость не мини.—

* *
*

И пышна рожа росцвите,
Усе покрыеться красою,
Обмыте раннею росою,
Та не для мене буде те.

* *
*

Нарве дивчина молода
Барвинку й макового цвиту;
Та не мини то для привиту....
Вона про мене й не згада!

. . . .

Мужицька правда.

(Зъ народныхъ устъ.)

Увъ одному сели та бувъ соби чоловьяга: и робитныкъ добрый и хазяинъ гарный, та тильки убогый. Зъ розумомъ бувъ чоловикъ, та тильки нихто ёго не слухавъ. Чи въ бе́седи де, чи въ збирни, то винъ, було, все мовчыть. Багатыри просторикають, розводять речи, крычать, сказано багатыри, а громада слухають, та тильки пидтакуютъ: «такъ-таки, такъ! Эге-жъ, эге!» То сей було чоловикъ инколи й не втерпыть и вырветься зъ якымъ тамъ словомъ. Такъ що-жъ?! Заразъ ёго и спынять; «та ну! Що ты тямышъ? Коло себе гляды. Хиба ты що знаешъ? Хто тоби повире?» Та такъ ёго зневажуть, що винъ и назадъ; мусыть мовчаты. Отъ прыйшлося.... Той чоловикъ ставъ розживатысь потроху. Чи ёму пощастыло въ дили, въ заробиткахъ; чи може скарбъ знайшовъ, хто ёго зна; тилько такъ ёму Богъ давъ. Ставъ винъ розживаться и де да́ли, то все прыобряе,—до того, що вже й багатенькый ставъ.

Почали люды завважаты, що вже винъ не голый робитныкъ; а вже справжній господарь; що вже въ ёго и худоба, и хата, и поле йê, и... сказано, обрисъ чоловичъ. Якъ стали те помичаты, то й стали до ёго прихильниши. Уже й

признаються до ёго и шанують, и радяться. Дали, ставъ винъ уже и въ шаноби; уже до ёго не такъ якъ перше: ты, Андрію! А вже: вы, Андрію Семеновычу! Пожалуйте! не то, що...

Отъ якось тамъ прыйшлося, треба було выбираты нового Голову, такъ громада зибралась и выбрала сёго чоловика Головою. Онъ якъ!

Якъ выбрали ёго Головою, такъ винъ и не видмагався. Подякувавъ и согласывся.

Отъ разъ зибрались до ёго прыятели—гости. Винъ ихъ шануе, частуе. Гомонять то про се, то про те, а винъ и каже: «Чи вы знаете, яка мини кумедна причина склалась?»

— «А яка? кажуть.

— «Та далеби чудно й казаты. Якъ іздывъ я отъ-се въ городъ, то купывъ соби новый лемишъ. Хоча у мене й йё дома ще добрый, можно-бъ и не куповаты; та я пожаднычавъ, що добрый, та ще й поцинно; думка така, що запасъ биды не чыныть.»

— «А вже жъ! кажуть, такъ!

— «Ну, купывъ; привизъ додому, та й положивъ у комори. Нехай, думаю, лежыть, поки знадобыться. Лежавъ винъ тыждень, може й два; я й байдуже.... Коли вчора увихожу въ комору, дывлюсь, ажъ мій лемишъ погрызеный! Я до ёго... Коли мыши... Чисто тоби погрызли такъ, що тепера лежить, овси не годыться, хочъ покынь. Отъ-така ловысь!»

4389

Тутъ гости почали, хто каже: «ѐ мыши таки. Воно хочъ и маленьке, а зубынята тамъ таки, що ничо́го не клады, погрызуть.»

Други: «такъ, такъ!» И ни о́дынъ не сунувся навить подуматы, чи правду говоре чоловикъ? Чи може москаля везе?! Уси пидтакують, та мышей лають, та способы пригадують, якъ бы мышей здыхаться, що плодюча й шкидлива тварь.

Отъ той чоловикъ слухавъ-слухавъ, та якъ засміется: «А! каже, щобъ васъ мудрувало, та й не переставало! Яки вы чудни! Якый бувъ я, згадайте, за пьять годъ!? Бувъ я чоловикъ бидный, то було инколи, якъ встряну до вашои рады, що вы гомоныте, та радытесь промижъ себе, та бовкну, було, яке слово, то вы заразъ: та йды геть; хто тоби повирыть? А теперъ?... Де жъ такы выдано, що бъ мыши ззилы лемишъ? Хиба жъ то можно? Винъ же426лизный!...» Та й замовкъ. А гости вси: хто йивъ, хто пывъ, такъ и попрыкипали на мисци. Ни пары зъ устъ. Та ничого й казаты, бо стыдно!...

Помо́вчали-помо́вчали, а потимъ де яки вже обизвались: «Гмъ! дывысь! Не пресучого-жъ сына й ты, якъ насъ осміявъ!?... Бачъ!...»

— «Та ни! То я, каже, такъ! Пожартувавъ, выбачайте! Се, свитове́!... Нумо по чарци!...

. . . .

Писня.

Ой, на дуби жолуди,
Плывуть качкы по води.
Плывуть качкы по води,
Чуты спивы въ слободи.

Тамъ дивчаточка спивають,
Парубкы гукають;
Голосненько выгукують,
Дивчать заклыкають.

Вси зибралысь, нема Грыця;
А де жъ се винъ забарывся?
А де жъ се винъ забарывся....
На вдивоньци оженывся.

А дивчына зосталася,
Що зъ нымъ щыро кохалася;
Що зъ нымъ щыро кохалася,
Та зъ удовы сміялася.

Л. Перейма.

Писня.

Сама въ хати похожаю,
Рученькы ламаю.
Де жъ тепера мій мыленькый,
Вистонькы не маю.

Ой, выйду я на улыцю
Нічо́го не чуты;
А на серци тяжко, важко,
Мабуть лыху буты.

Прылетила зозуленька,
Сила на тополи;
Закуй мини, зозуленько,
Та про мою долю.

Закувала зозуленька,
Дрибно закувала;
Та про мылого нічо́го
Мини не сказала.

Ой прылетивъ сызый орелъ,
Велыкый та сытый:
Не жды, не жды, дивчинонько!
Твій мылый убытый.

Ой лежавъ винъ середъ поля
Тры дни и тры ночи,
Та я жъ ёму и выклювавъ
Его кари очи!

Бодай же ты, сызый орле,
Не мавъ билшъ литаты;
Та не диждавъ карыхъ очей
Ни чыихъ клюваты.

Л. Перейма.

Улиця.

Ой, пье, гуля вся улиця,
До кобзаря всякъ тулыться;
Кобзарь писѐнь вышукуе,
Та голосно выгукуе:
Гей, парубки, дивчатонька,
Отъ-се вамъ вся порадонька,
Я спивами й музыкою
Все горе вамъ розмыкаю.

Ой, гра кобзарь не журыться;
А дидъ Петро знай хмурыться,
Бо тыхъ писѐнь про кралечку
Не любе дидъ ще зъ-малечку.
Въ школи вчивъ винъ указныки,
Де писано, що въ празныки
Не можно, бачъ, пидъ хатами
Водыть танки зъ дивчатами.

Ой, гра кобзарь, трындыкае,
А дідъ Петро выкрикуе:
«Кобзарю, цыть зъ музыкою;
Штаны тоби пидсмыкаю!
Нехай народъ послухае,
Та правдоньки понюхае,
Якъ я скажу зъ Писанія
Про бисо́вськи плясанія.»

Почавъ дидусь росказувать,
Та ще й листы показувать,
Що буцимъ винъ для памьяты,
Списавъ колись изъ граматы.
Стоить Петро, росказуе
Такъ, мовъ квачемъ розмазуе;
А парубокъ русявенькый,
Молоденькый, та жвавенькый
Край дида ставъ та й дывыться,
Та й крывыться, та й крывыться.

Отъ-отъ бы вже розрюмався....
А да́ли мовъ роздумався:
Вхопывъ листы попысани,
Та лясь Петра по лысыни!
«Отъ-се тоби, дидусеньку,
Та за мою Марусеньку,
Щобъ не втишавъ сопилкою,
Не частувавъ горилкою.»

Н. Шамраевъ.

Чижиково весилля.

(Зъ народнои темы.)

Сирый Чижикъ, дрибна̀ птыця,
Задумавъ женыться;
Та... бидная головонька!...
Никому журыться.

Сыдыть сумно на калыни,
Та й думку гадае....
Яку браты? Кого зваты?
У Щигля пытае.

Щиголь ёму радыть раду
Не лукаву, просту:
Бери соби Чечиточку—
Саме твого зросту:

Маленькая, дрибненькая,
Хороша на вроду;
Ще й съ квиткою на головци,
Бо чесного роду.

На весилля всихъ заклычемъ:
Багатыхъ и бидныхъ,
И чубатыхъ, и носатыхъ,
И чужыхъ, и ридныхъ.

Соловейка попро́сымо
У старши бояры,
А въ пидстарши Жайворонка—
Два якъ-разъ до пары.

Свитылкою-носылкою
Возьмемъ Коноплянку,
Моторненьку, чепурненьку,
Голосну панянку.

Дружкомъ буде Деркачъ-крикачъ,
Та Гракъ на пидмогу;
А свашкою-липашкою
Кличъ Чайку небогу.

Порадылись, надумались,
Старостивъ послали
И любенько, та тыхенько
Рушныки побрали.

Тоди Орла посломъ слали
Гостей иззываты;
А винъ, гусей надыбавши,
Ну ихъ мордуваты.

Мордуючи, лютуючи
И. самъ змордувався;
Пидкрипывся свижыною,
Та тамъ и зостався.

Вивчарыки-гайдарыки
Гостей наскликали;
А Галочки-чубарочки
Ихъ любо витали.

Юлка, Сойка, та Иволга
Дижу замисыли;
Та, пиднявши іи вгору,
По хати носили.

Выпывали по чарочци,
Та сылы крипыли;
А Сороки зъ Ластивками
Коровай липыли.

На весилля насходылось
Гостей повни хаты;
Щиголь почавъ, батькуючи,
Порядки даваты.

По хазяйству клопоталась
Тамъ Перепелиця,
Куценькая, сытенькая,
Прегарная птыця.

Куропатка-паниматка
Хаты пидмитала;
А Дрохвычка-молодычка
Столы накрывала.

Прыихали молодіи
Съ церквы повинчавшись,
Та й увійшли до господы,
За ручаньки взявшись.

Щиголь-батько, та Сыныця
Ихъ зъ образомъ стрили;
Молоди имъ въ ноги впали,
Та й на по́садъ сили.

Тамъ дивочки Сусидочки
Прегарно спивали,
А Вороны чесни жоны
Гостей частували.

Горобчики-молодчики
Шишки крали смило;
Та прыязно цвиринькали,
Мовъ робыли дило.

Красногруди Снигирики
Принялися граты;
А Журавель изъ Чаплею
Пишли танцюваты.

Танцювали, тупцювали,
Сили спочиваты;
Дурный Пугачъ дуже впывся,
Та й лигъ середъ хаты.

Коло ёго чорный Воронъ
Здвига́е плечима;
Сова въ кутокъ забралася,
Блимае очима.

Куликъ-мужикъ забродывся
По сами колина,
Та й ставъ шукать на Пугача
Доброго полина.

Пьяный Пугачъ стрепенувся,
Та й закрычавъ: пугу!
А Сычъ каже: дай намъ, Боже,
Хочъ теперъ потугу.

Необачный Шулопика,
Що ззивъ чоловика,
Ставъ хапаты малыхъ курятъ,
Винъ на те й Шулика.

Вивсяночки-мищаночки
Зачали стрибаты,
Цицерухи-цокотухи
Стали щебетаты.

Чорни Шпаки якъ чумаки
Про Крымъ заспивали:
Якъ ходыли у дорогу
Та силь набирали.

На доливци росходывся
Голубъ волохатый:
Турчыть, бурчыть до Горлици,
Ще я не жонатый.

Удодъ зъ Дятломъ наскочили—
Ну ёго клюваты,
Бо привыкли, щобъ носами
Що небудь довбаты.

Зузуленька-голубонька
Принялась куваты:
Ку-ку, ку-ку, добри люды,
Часъ до дому спаты.

Чесни гости схаменулись,
Любо попрощались;
Стрепенулись, изнялися,
Та й порозлитались.

Вл. Александровъ.

Невгамонна.

Рытыно-рыбчыно, ой де ты все хо́дышъ,
Якъ добрыи люды усюды вже сплять?
Будь до́ма, никому жъ, соби ты и шкодышъ.
— Такъ серденько жъ хоче гулять!

* *
*

Ты зъ хати, вже и знаты, вже такъ и лунае;
Усюды всимъ людимъ тебе вже чувать.
Гуляешь, спиваешь, якъ всякъ спочивае.
— Такъ серденько жъ хоче спивать!

* *
*

Ой дочко! Въ садочку... Я чувъ... Такъ не гоже...
Обнявъ хтось и ставъ щось шептаты, прохать.
И бачывъ, неначе... о, крый тебе Боже!
— Такъ серденько жъ хоче кохать!

Ц. Билиловськый.

Очеретъ.

(Зъ Лермонтова.)

Рыбалка молоденькый
Надъ ричкою сыдивъ;
А очеретъ одъ витру
По берегу шумивъ.

Тонку очеретынку
Рыбалонька зломывъ,
И зъ неи винъ сопилку
Ножемъ соби зробывъ.

Узявъ и ставъ винъ граты,
Якъ знавъ и якъ умивъ;
Але зъ очеретыны
Такый роздався спивъ:

Рыбалко молоденькый,
Ласка́вый будь, не грай!
Не мучъ мого ты серця
И раны не вражай....

Дивчыною колись я
Прегарною була;
У мачухы въ свитлици
Якъ квитонька цвила.

Багато слизъ пекучыхъ
Лыла я ночи й дни
И рано въ домовыну
Хотилося мини.

У мачухы и сынъ бувъ...
И часто винъ дурывъ
Дивчатокъ молоденькыхъ;
А самъ ихъ не любывъ.

Зъ нымъ разъ мы якось выйшли
На берегъ сей крутый,
Дывылися на хвыли,
На мисяць золотый.

Тутъ винъ мого кохання
У мене запрохавъ;
Я слухать не схотила,
А винъ... Убью!.. сказавъ.

Сказавъ... И зразу въ груды
Загнавъ мини свій нижъ,
Та ничью биля ричкы
Мене й сховавъ тоди жъ.

Тепера надо мною
Очереты ростуть,
А въ ныхъ уси печали
Жыття мого жывуть.

Рыбалко молоденькый,
Молю жъ тебе: не грай!
Не мучъ мого ты серця
И раны не вражай.

Я. Жарко.

Мои слёзы.

Въ души моій слёзы, а въ серденьку туга...
Ты знаешъ видъ-чо́го воны.
Невже жъ не прилинешъ ты серцемъ до друга?
Невже не роздилишъ моеи нудьги?

* *
*

Прилинь, моя зоре! И съ туги нимои
Я гучную кобзу зроблю;
А слёзы гиркіи, нудьгу мою тыху
Въ писни голосни я тоди перелью.

*
* *

Писни жъ тіи люби на схованку любу
Тоби я до серця виддамъ;
Нехай воно знае, якою нудьгою
Безъ тебе я бидный тутъ мучуся самъ.

. . . .

Спиванка.

(Зъ нимецького.)

Ты несись, мій спивъ, зъ мольбою,
Въ небо долитай.
По́тай легкою ходою
Выйды, мыла, въ гай.

* *
*

У гаю шумыть невпынно
Листя въ пизній часъ;
Тамъ нихто, моя дружино,
Не почуе насъ.

* *
*

Слухай, якъ гремыть, стыхае
Писня соловья;
То винъ мылу выкликае,
Молыть якъ и я.

* *
*

Въ писни тій любовъ палае
И мольба сумна,
И на душу навивае
Рій думо̀къ вона.

* *
*

Не впыняй же ты любовы,
Серцю волю дай
И на тыхую розмову
Выйды, мила, въ гай.

Вл. Александровъ.

Зимовый Діалогъ.

СТАРЫЙ.

Якъ страшно бье метиль и завывае витеръ!?
Наврядъ чи хтобъ посмивъ въ таку негоду
Покынуты село и теплу хату
И душу звирыты сій лютій заверюси.
А мы блукаемъ тутъ удвохъ съ тобою
И не лякае насъ страшенна хвуга,
Що наче зважилась и насъ пожерты,
И заморозыты усе живе;
Розвіять, рознесты жилля усяке
И зъ людныхъ селъ руины поробыть.
Ты змерзъ, Петрусю? На! мою кирею.

МОЛОДЫЙ.

Та вы й самы цоко́чете зубами
И трусытесь одъ холоду.

СТАРЫЙ.

То не видъ холоду трясусь я, сыну!
То такъ душа моя тремтыть
И тило все трястыся заставляе;
Та й зубы цокотять не одъ морозу....
Коли я чую хвуги завывання,
Коли реве и вые навкруги,
Здаеться, въ тимъ я завыванни чую
Души моеи жаль и плачъ великый
По страченій даремно молодо́сты,—

По сылахъ, кинутыхъ на марну працю
Безъ пользы людимъ и соби само́му.
Прыслухайсь: то душа моя голосе
По всимъ, що вже вона на вики поховала.
А поховала такъ вона багато,
Що чи й зосталось въ ній теперъ що небудь.
Усе, чимъ молода душа счастлива:
Веселый поглядъ на створиння Боже
И безоглядна вира до людей,
И чулость серця, котре одкликалось
На всяке добре почуття.... Усе те
Я поховавъ въ соби, мій любый сыну!
Твоя жъ душа ще тымъ усымъ багата
И зрозумиты се—тоби ще рано.

МОЛОДЫЙ.

О, ни! Я розумію васъ.... Я бачу,
Якый страшный то холодъ, що бувае
У тій души, яка вмира безъ смерты...
И котра на земли не мае навитъ,
До чо́го прихилытысь, що кохать;
Котра̀ й себе любыты перестала.
Я розумію васъ и страшно стало
Мини те слухать. Я и самъ тремчу
Уже теперъ не видъ морозу....

СТАРЫЙ.

Ой, шкода! На́що я стревожывъ
Ясный души твоеи спокій?! На́що
Давъ зазырнуть у ту безодню чорну

Моеи хворои, розбытои души?!...
Спасы тебе, создатель, видъ усёго,
Що душу нашу нивечыть зъ-зарання
И бороны видъ скорого зневирья.
Мене жъ старого.... Господи, просты!
Що замутывъ я душу ще безвынну....

Вл. Самойленко.

Шевченкова могила.

Тыхо льеться Днипръ широкый
И каминня обмывае;
Берегъ голый та высокый
Безустанно пидрывае.

Надъ водою, стороною
Широченне поле мріе,
Тамъ могила сыротою
Мовъ бы стогне, мовъ бы мліе....

А въ могили въ домовыни
Спочива по Божій воли
Той, що любій Украини
Щиро прагнувъ щастя-доли.

Спы жъ, Кобзарю, у могили;
Въ ній твоя счастлива доля:
На Вкраини ридній, милій
Ты пануешъ середъ поля.

Слава прахъ твій покрывае,
Свитъ іи геть-геть розлився;
Всякъ про тее добре знае,
Якъ ты жывъ и якъ трудывся.....

В. Ричицькый.

Розбите серце.

(Зъ нимецького.)

Я бачывъ, якъ витеръ березу зломывъ:
Кориння порушывъ, гилля покрутывъ...
А листя не вьяло и свиже було,
Ажъ поки за гору вже сонце зайшло.

* *
*

Я бачивъ, якъ серну пидстреливъ стрилець:
Звалилася бидна, прыйшовъ iй кинець;
Боротыся съ смертью було iй не въ мичъ,
Одначе боролась, поки зайшла ничъ.

* *
*

Я бачивъ: метеликъ пораненый млявъ,
Крыльце перебите на сонци винъ гривъ;
Ще трошки пожыты, на думци було,
И може й пожывъ бы, та сонце зайшло.

* *
*

На свити у кажного сонце свое...
Любенько й жыветься, якъ сонечко йе!
А згасне те сонце и жыты шкода:
На свити безъ сонця усе пропада.

* *
*

Зо мною розсталась дружына моя,
Зостався на свити безъ сонечка я;
Одначе на себе якъ смерть ни зову,
А серцемъ розбытымъ жыву та й жыву.

Вл. Александровъ.

Рыдання души.

Бувають хвылыны,—душа̀ стрепене́ться
Видъ дум невгамо́нныхъ, видъ ко́лоту дня
И серце жада́ннямъ кыпучимъ забье́ться,
Душа̀ мовъ та пташка изъ клитки геть рветься
И сумъ и рыда́ння іи наповня....

* *
*

И тее жадання яке-сь не вымовне:
Неначе бъ хотилось все вгору летить,
Де зори червони, де сяево повне,
Де лиха немае, бидота не стогне,
Де ничого серцю болить и щемить.

* *
*

Великый жаль душу тоди огортае
По згубленій давній іи чистоти,
Якъ ій, мовъ дытыни, здавалося раемъ
Все Боже створиння на свити безкраимъ
И люды вбачались—якъ въ неби Святи.

*
* *

Ій жаль, що тепе́ра усе ій не мило,
Що гыдко дывытысь на людськи дила,
Що виру у правду життя пидломыло,
Що серце тепера усѐ розлюбыло,
Чому все коха̀ння вона отдала̀.

*
* *

И хочеться впьять ій себѐ обновыты,
Щобъ все якъ и спершу вбачала вона̀,
Щобъ вирыты знову и знову любыты
Могла вона. Тилько.... ій, горемъ прибытій,
Зосталось рыдання, та дума сумна̀.

Вл. Самойленко.

Кинецьсвитня Питьма.

Я бачывъ сонъ. То бувъ страшенно-тяжкый сонъ.
Померкнувъ сонця свитъ, погасли вси зиркп
И плутались мижъ хмарами въ безладди.
Повыта холодомъ и крыгою земля
Слипуючи неслась у питьми непроглядній.
Наставъ мовъ досвитокъ, наставъ и не мынавъ;
А дня зъ собою вже на землю не прыводывъ.
И люди вси жили въ великому страху,
Биды великои на себе сподивавшись.
Забулы вси свои завитнии жадання,
Застыло серце въ нихъ, закамьянило въ грудихъ
И всимъ була въ уми едыная молитва
Про сонце ясное, котрѐ вже не свитыло.
Навколо огнищивъ скризь то́впывся народъ,
Хоромы жъ пышнии и царськии чертоги,
Будынки и хаты, яки хто тилько мавъ,
Складали въ огнища и безъ жалю палили.

Палали города, а людъ збиравсь гуртами
Округъ палаючихъ понищенихъ домивъ,
Щобъ глянуты ще разъ одынъ другому въ-вичи.
Щасливыми себе вважали въ тыхъ краяхъ,
Де зъ вулкано́выхъ гиръ огни самы палали;
Якась надія всихъ живыла въ тыхъ мисцяхъ.
Запалени лисы то гасли, то горили;
Трищало все кругомъ и по́котомъ валилось.
Неривно блимавъ свитъ видъ гаснучихъ огнивъ
И лиця у людей здавалися страшными.
Хто очи затуливъ и лежачи рыдавъ,
А хто сыдивъ, на руки спершись пидбориддямъ,
Той страшно усмихавсь, той клопитно метавсь
И вси дывылися въ пере́ляку великимъ
На потемнилое, оглухле небо,
Що стало накрыттямъ пропащои земли....
А да́ли кидались съ прокляттями на землю,
Зубами скриплючи и мовъ ти звири вылы.
Тамъ пташство злякане металось и литало,
Важкими крылами черкаючись объ землю.
Усякый дыкый звиръ у юрмы позбивавсь,
Гаддя помижъ людьми повзло, вылось, сычало,
Не чинючи биды ніякои никому;
А людъ ёго соби, щобъ йисты, убывавъ.
И зновъ зайшла війна, котра̀ була утыхла,
Бо каженъ йижи кусъ тамъ кровью купувавсь.
Усякъ, до̀бувши шматъ, сердыто озырався
И, сивши о̀сторонь, безъ миры нажеравсь.
Усякая любовъ промижъ людьми пропала,

Уся земля прытьмомъ жадала тилько смерты,
Котра̀ була усимъ выдыма й неминуча.
Страшенный голодъ всихъ томывъ и мордувавъ,
И смертина коса людей косыла швыдко,
Але гробивъ кисткамъ и тилу не було.
Кистякъ *) жеръ кистяка и навить псы голодни
Своихъ хазяинивъ на шмаття роздерали.
Одинъ тамъ тилько песъ, нико́ли незрадлывый,
Зостався и теперъ хазяинови вирнымъ:
Надъ мертвымъ винъ сыдивъ и щыро видгонявъ
И звиривъ и людей нена́высныхъ, голодныхъ,
До инчихъ мертвякивъ, що навкруги лежали,—
Та, сумно выючи, лызавъ холодну руку,
Котора вже ёго не гладыла за вирность.
Нарешти здохъ и песъ край любои людыны.
Такъ голодъ выгубывъ усе тамъ до нащадку,
Зосталися въ живыхъ тамъ тилько два сусиды
Зъ великославнои та пышнои столыци;
Зъ ныхъ каженъ кажному бувъ найлютишый ворогъ.
Зустрилися воны край вивтаря святого,
Который дотливавъ пидъ попиломъ гарячымъ.
Тамъ зибрано було и святощивъ багато,
Що гришными людьми, на свити уживались. **)
Ажось воны гребуть померзлыми руками,
Ось попилъ розгребли и стали роздувать;
Видъ ихъ дуття огонь яснише загорився,
Зробылось выдно и воны, пиднявши очи,

*) Кистякъ—скелетъ.
**) Уживаты—употреблять.

Одинъ на о́дного зыркнули и пизнали.....
Страшенно скрыкнули и тутъ же впали мертви;
Зъ великого ляку воны не зрозумили,
Що тутъ бувъ ворогомъ и каженъ изъ людей,
Кого було по очихъ выдно, що голодный.
И свитъ зробивсь пустымъ, въ пустыню обернувсь.
Великолюдный свитъ багатый, та хорошый
Зробывся купою недо́палкивъ пожежи,
Та трупу всякого, накиданого всюды.....
А ни деревъ нигде́, а ни людей, ни звиру,
Ни руху, ни жыття, ни свиту, а ни времья....
И вся земля була великимъ полемъ смерти....
Рички, озера и моря, усе застыло;
На викъ замерло все у мовчазній безодни.
Безлюдни кораблн стояли и гнылн
На нерухомо-сонному, пустому мори.
Валились съ кораблив у сонне море щоглы,
А падавши туды и хвыль не підіймали.
Не стало на моряхъ приливу и одливу,
Бо й мисяць згыбъ котрый ихъ пидіймавъ що сутокъ.
Витры постыхнули у воздуси нимому
И хмаръ вже не було; воны посчезли зъ неба,
Бо вже теперъ були ни на́що непотребни—
Усюды простяглась сама всесвитня питьма.

Л. . А

Климко мудрый.

(Зъ народныхъ устъ.)

Коло Ведмедивки въ Голованивци живе соби чоловикъ; Климкомъ ёго зовуть. Чоловьяга такый, що мовъ бы не вси въ ёго дома. Жонатый. А жинка тамъ у ёго така, що крый, Боже! злюща. Вона ёго й задурыла. А боиться винъ іи, такъ и сказаты не можно. Отъ-се сидять соби, наприкладъ, въ двохъ у хати, то винъ до неи:

— «Слухай, моя ты люба та мила, дай тоби, Боже.....» Ще винъ и не договорывъ, що хотивъ; а вона вже гризно: «Що? що таке?» То винъ и назадъ, та й самъ питае: «Чи ты мини що кажешъ?»

А вона: «Ни, ты кажы, що ты казавъ? Кажи! Кажы, сякый-такый!» Та зъ деркачемъ до ёго.

— «Ей Богу, каже, я ничого! Ажъ ничогисинько. Ей же то Богу!»

— «Гляды, каже вона, щобъ я й пары зъ устъ въ тебе не чула.» Такъ и сыдыть Климъ цилисинькый день, мовъ неживый и не ворухнеться. Звирюка, а не Параска. Іи, бачите, Параскою зваты.

Отъ прочула якось Параска, що въ Ведмедивци на ярмарку продають иноди крадени кони. А въ Ведмедивци ярмарокъ що тыжня въ недилю. Прочула отъ то, та й выряжа свого Климка у суботу противъ-ночи на ярмарокъ.

«На-жъ отъ се тоби, каже, пятнадцять карбованцивъ, та купи коня доброго, та щобъ не бувъ норовыстый, або сапатый. И въ зубы подывысь, щобъ часомъ не купывъ старого, та дохлого. И за вуха глянь та понюхай, чи не тютюномъ бува натерто. Цыгана обходь якъ чорта. И на ноги роздывысь, якъ ступае. Гляды жъ, щобъ по людському купывъ, дешево, щобъ выгода була; а то й додому не вертайся.»

А Климко тилько: «Гмъ, гмъ! Та добре жъ, добре! Не знавъ бы то я коняки купыты?!... А якъ же?! Вже жъ подывытысь треба.... А вже жъ щобъ не дорого.» Отъ поблагословывся та й у дорогу.

Не доходючи до Ведмедивки, побачивъ винъ у поли: пасеться коняка спутана; ничо́го соби, добра. «Ачъ, каже Климко, гмъ!»... Пидходе до коняки, знявъ путо, та й веде додому.—«Що то, дума, теперъ Параска скаже». Веде, а тутъ люды й побачили, та за ёго; зупынылы, скрутылы ему руки, та й у Станъ. Изъ Стану пишло дило вышче, а звидты ще вышче, а тамъ ще вышче, ажъ покы не дійшло до Мирового, та до Зъизду у городъ, та въ Губерню. А за диломъ волочылы и Климка. Нарешти привели ёго въ оттой Зъиздъ. Отъ старшый, що посередыни сыдыть, и пыта ёго:

— «А чи признае̂шъ ты себе выннымъ?

— «Та хто ёго зна, одвича Климко, якъ бы не цей кинь, то вы бъ мене й не бачили. Онъ що!»

— «Роскажи жъ намъ, якъ се дило було?»

— «Хто ёго зна!... Бачите.... Параска каже: на! гроши; та купы коня, тилько дорого не давай. Та купы до свиту, бо опысля треба буде дорогше платыты. Видъ чого воно дорогше, якъ сонце зійде, те вже, мабуть, тилько Параска знае. Отъ що!»

— «Чому жъ се, пытають ёго, у Ведмедивци таки дешеви кони?

— «Хто ёго зна... Може городъ такый.... А якъ Параска посыла̀, то ничого пытаты. Онъ що!»

— «Та ты, кажуть до его, росказуй якъ слидъ, якъ дило було; а не за Параску.»

— «Та стривайте, каже, не мишайте!... Отъ то якъ пишовъ я у Ведмедивку, бачу, мовъ отъ се заразъ передъ очима: коняка шкандыба, въ биднои ноги спутани. Я змылувався, роспутавъ отъто́ ій ноги, та й веду, значыть, додому. О!... Бо, бачите, у мене думка була така, що дешевше не достану. Мене люды стринулы та й пытають: нащо я взявъ чужу коняку? А я кажу: та здасться въ хазяйстви; та ще на те, що въ неи и хозяина нема, бо сама гуляе. Тутъ мене вхопили та й ведуть. Я имъ крычу: пустить мене додому, бо Параска буде сердытысь, якъ забарюся; а воны мини буханця дали, та й кажуть: иды, сучый сыну, будешъ знаты, якъ коней красты. А я... Хиба жъ то я вкравъ, кажу имъ? Та де вже тамъ зъ нымы балакаты!? Не вважають ни на що и виры

не ймуть, бузувиры! Та й высыдивъ отъ се я; та й скильки, не знаю... А теперъ, бачите: сюды привели; неначе я людей николи не бачивъ; а я додому скучывъ....»

— «А якъ бы, пытають ёго знову, жинка не посылала, то коня бъ не взявъ?»

— «А вже-жъ ни!»

— «А знавъ ты, що коняка чужа?»

— «А вже жъ ни!»

— «А якъ бы знавъ, що чужа, не взявъ бы?»

— «Та вже жъ ни!»

— «Хто жъ по твоему виненъ?»

— «Та все лихо Параска наробыла. Вона... Якъ бы вы тилько знали... Щастя ваше, що вы іи не знаете, а то и вамъ бы потылицю набыла. Я вже іи и такъ, и сякъ, и тымъ бокомъ, и сымъ бокомъ... Такъ де тоби? Ніякъ не вгожу; заразъ мене вихтемъ, або й рогачемъ. Бье мене; йисты не дае, питы не дае, слова сказаты не дае, дыхаты не дае».

— «А хиба жъ, кажуть ему, ты не дужчый видъ неи?»

— «Дужчый?... Гмъ!... Та видъ неи, мабуть, дужчои звирыны и на свити немае»...

— «Ну, такъ хиба жъ, кажуть, неможно такъ зробыты, щобъ жыли у мыри та покои, щобъ не сварылись и щобъ вона тебе не была?»

— «А вже жъ ни! Хе-хе-хе!... Буцимъ вы не знаете по своихъ?!»...

Що-жъ вы думаете?!.. Ослобоныли Климка!... Присяжни пошептались-пошептались, а тамъ да́ли й кажуть: Ни! кажуть, Климку, ты въ сёму не виненъ; иды соби зъ Богомъ! Климко вклонывся и выйшовъ. Такъ люды ёму й кажуть: «Ну и мудрый же ты, шельмо!» А Климко тильки: «Хе-хе-хе... А вже жъ мудрый!...» Такъ ёго съ того часу и прозвали *Климкомъ мудрымъ* и теперъ винъ у насъ Климко-Мудрый.

Чужинець.

Лырныцька дума.

Якъ зле та лыхе чоловикъ почынае,
То Богъ ёго здержуе, нарозумляе:
И шле ёму Анголя зъ неба хранытеля,
Души христіянськои оборонытеля.

Той Анголь въ души чоловикови совисть збужае,
Судами страшными и всякымъ жаханнямъ лякае,
Всёма̀ ёго̀ мирами геть одъ гриха одвертае.
Отъ тымъ-то й немае такого злочынця лыхого,

Щобъ кравшы, або и вбывавшы не думавъ нічо́го.
Ой, довго винъ довго дума й гадае
И тилько вже по́тимъ злочыньство вчыняе:
Безвынно кого не́будь жызни збавляе.

Або жъ у крадижку та въ зле грабування вдаеться.
А Го́спидь усе милосерднымъ къ ёму зостаеться
И тилько видъ ёго вже геть видступае,
Ни въ чимъ ёму бильше Винъ не помагае.

Тоди-то злочынець себе самъ карае,
Якъ вже не у Божи, а въ людскіи рукы впадае.

Вл. Александровъ.

Клымъ Ганеба.

Я Клымъ Явтушенко Ганеба!
Жыву я такъ соби, якъ треба;
Копійку до копійки дбаю,
Але нико́го не займаю;
Та ридко и выхожу съ хаты.
А вси крычать: «скупый винъ дуже!
Замисць людей чортамъ винъ служе.»
А я... Що-жъ я? Мини байдуже!
Кому у чимъ я выноватый?
Чи можно-жъ, я хотивъ бы знаты,
Щобъ змигъ одынъ для всихъ надбаты?!

* *
*

Пиддержъ-бо, кажуть, чоловьягу,
Винъ тымъ заслужуе увагу,
Що бачъ таланъ письмацькый мае,
Писни прегарніи складае.»
Такъ я бачъ мусю по́мичъ даты,
Бо винъ теперъ лежыть, не здужа,
Та й жинка въ ёго тожъ недужа.
А я... Що-жъ я? Мини байдуже!
Винъ самъ у то́му выноватый:
Бо на́що, я хотивъ бы знаты,
Було ёму ще й жинку браты?...

* *
*

Дай, кажуть, въ Красный Хрестъ билызну,
Або хочъ ветошъ, щобъ голызну
Прыкрыть; та повьязаты раны,
Що тамъ усе въ прыгоди стане;
Бо въ нужди на вiйни салдаты,
Що небораки мруть видъ стужи,
Та й видъ хворобъ лежать недужи.
А я... Що жъ я? Мини байдуже!
Воны самы въ тимъ выноваты:
Бо нáщо, я хотивъ бы знаты,
Туды ихъ носе воюваты?

* *
*

Приходыть ось якаясь жинка
Въ слёзахъ и на рукахъ дытынка....
«Огляньси на моихъ ты дитокъ,
На обездоленыхъ сыритокъ!»
И лове руку цилуваты.
Потребна та рука iй дуже??!
Бачъ въ неи дытынча недуже!
А я... Що жъ я? Мини байдуже!
У чóму я тутъ выноватый?
Дежъ батько? Я хотивъ бы знаты.
Нехай до батька йде прохаты....

* *
*

И вси, якъ тилько що имъ треба,
До мене заразъ: «Хай Ганеба!...»
То сырота, а то калика,
А то вдова, безъ чоловика,
Та ще й дитей голодна маты.
И кажне просе, плаче, туже....
«Ганебо! людськосты велыкий друже!»
А я... Що жъ я? Мини байдуже!
Нарешти я хотивъ бы знаты,
Чи я жъ у тимъ що выноватый,
Що бидный той, а я багатый!...

Ц. Билиловськый.

Живе озеро.

(Казка Данилевського.)

Якось по озеру зъ удкою йиздывъ рыба́лка у чо̀вни;
Рыба уже́ не ловылась и ставъ винъ збиратъся додому.
Гулькъ! Ажъ піймáлось ище́ рыбеня, та таке́ жъ прехороше,
Що ни въ кáзци сказать, ни перомъ напыса̀ть не напышешъ.
Тилько що вспивъ у видро̀ перекинуть ту рыбку рыбáлка,
Дывытся вырнула рыбка друга̀, видъ тіеи мовъ стáрша,
Зблидлая вся, ниби хто излякàвъ іи, тыхо плеснулась
И по людському, гóлосно скрыкнула такъ надъ водóю:
«Дѐ ты, дытыно моя? Озовысь, моя любая дóчко!
Вже й череда̀ перейшла̀. Подывысь: закотылося сонце.
Дѐ ты, голубьятко? Може ненáвысна чайка ричная
Вже пидхопыла тебѐ, ты утихо моя дорогая!?»

До̀вго моталась по озеру та перелякана рыбка;
До̀вго й рыбалка, весло̀ опустывшы, на тѐ дывувáвся;

Да́ли узявъ винъ видро̀, нахылывсь и озва́вся до
рыбкы:
«Ось голубья твое! На! Ты возьмы свою доньку
голубку,
Тилько жъ умо̀ва краще слова! Скажы мини пра́вду,
Що ты за дыво сама́ и яка̀ у васъ тутъ чудасія?»

Зно̀ву, плеснувшысь въ води, почала повида́ть
ёму рыбка:
«Охъ, чоловиче!.. Давно колысь тутъ, у зеленій
долыни,
Вмисто воды, очерету й кущивъ слобода красу-
валась;
А въ слободи постоялый держала одна молодыця.
Дуже багато у неи худобы по скрыняхъ лежало,
Дуже багато до неи купцивъ и панивъ заизджало;
А чоловикъ іи все по торгахъ ярмаркуючы йиздывъ.
Разъ вона въ литку якось опивдни на га́нку сыдила,
Та прыспавшы дочку, на рука́хъ іи въ се́бе держала.
Се́ то ось я и була̀ тоди, са̀мая та молодыця.

Ба́чу идѐ по селу чоловикъ, пидтомывся ста-
ренькый.
Нызько та прыязно всюды вклоняеться винъ ко-
ло виконъ;
Про̀сыть воды, бо сердешному дуже хотилося пыты.
Але не слуха нихто ёго: диты загра̀лысь цяцька̀ми,
Старши жъ хто на току, на вгоро̀ди, та й такъ
по хазяйству.

Дàли до ме́не дійшòвъ, зупынывсь коло ме́не, та
й кàже:
«Хàта остатня твоя; пустыри за тобòю и выгинъ...
Встàнь, наберы мини, люба людыно, водыци на-
пытысь;
Дуже стомывся я, въ гòрли видъ спе́кы зовсимъ
пересохло.»

Щò мини сталось!? Чи я одурила!?.... и дòсы не
знàю.....
Тилько ёму я промо́выла такъ, осмихаючись съ-
тыха:
Якъ мини, диду, устàть!? Розбудыты малую ды-
тыну?...
Хòчешъ напыться,—такъ онъ! Подывысь: пидъ
горою крыныця,
Тутъ недалечко дійты, то уме́рты не врешъ на
дорози.
Та й воды такы дòма немà, не носыла сёгодня.

Дидъ похытàвъ головою и геть зъ слободы соби
выйшовъ,
Мòвывшы: «Богъ вамъ Суддя за такѐ до людѐй
мылосе́рдство.»

Зъ мисця не вспила я встàты, слухаю: десь за-
шумило,
Мовъ бы посыпався градъ, або наче западалы
зерна.

Глянувшы, такъ и обмерла я вся: край порога
у хати
Брызнула вгору вода.... Глядь! изъ-пидъ пе́чи
лынуло....
Охъ мини лыхо!.. Изъ погриба цилая ричка бурхае..
Видра, дижкы, шаплыкы и лопаты несуться вздовшъ
улыць,
Имъ же назустричъ плывуть и снопы, и соло-
ма, и сино.
Всюды въ сусидськыхъ дворахъ прывыде́нція тажъ
такы са̀ма:
Плынуть дошкы и лавкы, и кладкы, и тыны, и
ворота...
Я и не стямылась, якъ наокругъ берегы пиднялыся,
Зе́лено, зе́лено въ очихъ намъ стало.... Осила
слобидка;
Зве́рху, неначе тума̀нъ, заходылы холодныи хвыли,
Мы жъ, хто тамъ жывъ тоди, вси до едыного ры-
бами сталы.

Ты не дывуйся, рыбалко! Якъ въ озеро въ день
ты заглянешъ,
Чорни прыгиркы по дну,—то хаты у нашій слобидци;
Травы густи,—то садкы; а де ямы—ставкы та
крыныци.
Рано, якъ ще на зори не шелѐснуло по̀ лису
лыстя,
Зъ бе́рега ухо ты тилько наста̀въ до воды, то й
почуешъ,

Якъ въ глыбыни, у потопленій нашій бездольній
слобидци
Витеръ по стрихахъ шумыть, зачипаючы мокру
солому;
Гусы крычàть и качкы; на току кукурикае пивень
И несéться лунà видъ церковного тыхого звону,
Мовъ бы сухый очерèтъ, що витеръ гойдà, роско-
ловся,
Та тыхéнько й гудè на пустимъ та сумнимъ по-
берéжжи.

Рыбка замовкла и ледве въ води вже булò іи выдно;
Въ воду й кынувъ рыбалка всю рыбу, що вспивъ
наловыты,
Та, прывьязавши до прыкорня въ бéрези лéгкый
свій човенъ,
Выйшовъ съ пустыми руками на бéрегъ безлюд-
ный и дыкый,
Мовывшы: тыкъ-то намъ слидъ до людèй мыло-
сердными буты;
Щыро и швыдко усимъ помагаты де трéба и можно,
Не разбираючи навитъ, чи лéгко то буде, чи трудно.

Вл. Александровъ.

Корчакъ.

Удень и ничъ корчакъ гуде,
У греблю хвыли бьються;
Корчакъ скрыпыть, вода реве,
Съ колисъ мовъ слёзы льються.

* *
*

Колы жъ пидъ-часъ про свято дзвинъ
Мырянъ оповищае,
Корчакъ мовчыть, не стогне винъ
И тыхо спочывае.

* *
*

А я й тоди увесь въ слёзахъ,
Бо въ мене ихъ багато;
И бидне серце якъ въ тыскахъ
У будень и у свято.

Ц. Билиловськый.

Вечирній Дзвинъ.

(Зъ Козлова.)

Вечирній дзвинъ, вечирній дзвинъ...
Багато думъ наводе винъ
Про молоди, щаслыви дни
Въ коханій ридній сторони.....
Якъ я навикы тамъ прощавсь,
Вечирній дзвинъ тамъ роздавсь.

Якъ сонъ пройшлы ти ясни дни,
Що знавъ я въ ридній сторони.
А скилько вже нема въ жывыхъ?!...
Колысь веселыхъ, молодыхъ....
Крипкый ихъ сонъ въ сырій земли,
Не чуть имъ дзвону у труни.

Уже й на мене часъ прыспивъ:
Роздасться похоронный спивъ;
Засыплють яму—и кинець!....
Другый десь найдеться спивець....
И вже не я, а буде винъ
Спиваты про вечирній дзвинъ.

Вл. Александровъ.

Загублене життя.

ОПОВИДАННЯ.

Село Крупське дуже гарне. По-пидъ горою розсыпалысь биленьки хаткы и вызыраютъ зъ вышневыхъ садочкивъ, мовъ били печерычкы писля дощыку зъ-пидъ зеленои травыци. А церква съ зорями на сынёму даху вже за 10-ть верстовъ маячыть. Заразъ коло села и ставъ. *) Дуже велыкый ставъ, зъ ёго береться й ричка Кропывна, що ажъ геть по-за Сынёокивку тече. По-надъ ставомъ товпляться кучеряви вербы: воны такъ и хылються въ воду, наче ось-ось туды шубовснуть.

Моя хатына не далеко видъ самого берега. Я соби тутъ жыву по простому, безъ панськыхъ вытребенкивъ. Хатка моя, якъ звычайно вси на сели: маленька, биленька, соломою вкрыта, съ широкою прыспою, та зъ рундукомъ и зъ викнами, обведеными червоною глыною. Однiй панночци моя хатка съ трохи завелыкымъ дахомъ и зъ шырокою прыспою нагадувала хлопчыка маленького, що на голову одягне велыку батькову шапку, а ногами влизе въ велычезни чоботы, та й стоить у биленькiй сорочечци зъ червоною стёжкою въ комири.

Въ мене пидъ стрихою вы завсегда побачыте косу, грабли, засушену калыну, скилько-небудь

*) Ставъ, ставокъ—прудъ.

папушъ тютюну, то́ що. А на прыспи безпреминно вздрыте старого линывого Бровка. Зовсимъ уже розледа́щывся Бровко: прыйде чужый чоловикъ, чи що, такъ щобъ, якъ у людей тамъ собакы, гавкнувъ, чи такъ кынувся настрахаты,—де тамъ? А ни-ни! Навить и не дума. Пидведе голову, закартавыть «гавъ-гавъ»! Абы, значыть, зналы, що винъ тутъ йе̂, та й зновъ засуне голову пидъ черево. А якъ и встане, то все наче дрима̀. Хвистъ у ёго такъ тамъ такый, що вже не здола нымъ и выхаты. Не то воно хвистъ, не то не хвистъ; такъ якыхъ-сь тры велычезныхъ ко́втуны, репьяхами набыти. Я соби частенько засыжуюсь на прыспи и дывлюсь на ставъ, та й дали позыраю, де почынаеться нескиченный лисъ, що тягнеться ажъ геть-геть хто ёго зна й куды. Лисычый того лису зветься Овсій Супрунъ. Ему ще торикъ на Пречысту стукнувъ сёмый десятокъ, а винъ дывыться ще такымъ козыремъ, що хочъ-бы и нашаму братови молодому, то не соромъ було-бъ. Довгый крученый вусъ; въ роти люлька-бурулька зъ усима причандалами на ретязочку; убрання просте: добра смушева шапка, сорочка зъ товстого полотна, зъ десяткы, або й зъ девьяткы, що не дуже то ёго билено на сонци; шыроки кытаеви штаны, що якъ ступае Овсій, то такъ и бигають по ныхъ хвыли, мовъ по лану зеленому; черевыкы зъ соломьяными устилками, ще й солома биля кисточки стырчыть; доб-

ра свыта набпашку,—та й усе. Цилый день Овсій ходыть пó-лису, та выгравае въ сопилку; а ночуе въ лисничій хати, що самъ и збудувавъ соби. Овсій—чоловикъ, про котрого можно сказаты, що бувавъ у бувальцяхъ, бо билшъ якъ трыдцять годъ служывъ у москаляхъ. И де вже винъ не бувъ, чого вже винъ не выдавъ на своимъ довгимъ вику?! И на Кавкази, и въ Венгерщыни, и въ Польщи, и пидъ Сылистрою, и въ Крыму,— одно слово: здаеться и кутка вже такого на свити не мае, де-бъ Овсій не бувавъ. Наслухався винъ на своимъ вику до-схочу гуку и бабахкання тыхъ гарматъ, свысту дурныхъ пуль и сычання гранативъ. Дознався почóму кившъ лыха. Не разъ и не два заглядала ёму въ вичи смерть.

— «Овсію! спытавъ я ёго одного разу: якъ це вы самы однисиньки жыветѐ въ такому темному лиси? Бо лисъ не гаечекъ ледаченькый! Якось сумно!»

— «А кого, чи чого мини тутъ боятысь? одказавъ винъ. Мене нихто не зачепыть. А хочъ и спокусыться якый злыдéнныкъ, то не велыка ёму зъ мене пожыва буде: хиба оцю сопилку та тамъ ще въ хатыни шматокъ сала на полыци озьме. Нехай бере! не розбагатіе!»

— «Та ни, кажу я, не про людей думаю; а... такъ...якъ-бы ёго сказаты?»

— «А кого жъ вы думаете? Чорта може? Э, ни! Не на такого-жъ вы напалы, выбачайте лас-

каво. А нехай лышъ видважыться яка чортова лычына! Намьяшкурывъ бы я ёму чуба! Тутъ бы ёму и аминь бувъ! Знають воны, ци пекельни выродки, чымъ воно въ мене пахне!»

— «Якъ же, Овсію, воны це знають?»

— «А такъ що знають! А на Кавкази хиба якъ було?»

— «А якъ? А, ну роскажить.»

— «Гмъ! Добре!» Тутъ Овсій пидсунувъ шапку, почухавъ за вухомъ и почавъ:

— «Ходывъ я, знаете, разъ съ товарышами чатуваты; стало буть дозо́ромъ, на розвидкы и якось прыставъ. Прыставъ, та й заблудывъ у лиси. Ставъ крычаты, та товарышывъ клыкаты,—ажъ слухаю щось ливоручъ видклыкаеться. Дывно мини стало, бо товарыши пишлы въ праву руку. Ну, та може, подумавъ я, воны звернулы и пишовъ на видгукъ въ ливоручъ. Иду, та й иду; иду, та й иду; товарышивъ нема. Я зновъ гукать; колы воно вже озываеться съ правого боку. Я ще разъ гукнувъ, все справа оддаеться. Я звернувъ у праву руку. А тутъ уже и смеркае; а лисъ! Боже правый! Вы може думаете, що тамъ такый самый лисъ, якъ ось прымиромъ цей? Якъ разъ!? Тамъ такый, кажу вамъ, лисъ, що вы може зъ роду-вику ще не бачылы такого! Онъ-що! Мабуть безъ почыну и безъ кинця; такый лисъ, такый лисъ, що може тоди ще й людей на свити не було, якъ винъ уже почавъ росты! У такому

лиси я й заблудывъ. Отъ, бачете; здаетця, вамъ уже и страшно стало,—одывляетесь?!...

Ну!.. Я сюды, туды, ніякъ не выберусь. Попавъ у таку темну гущыну, що хочъ око выймай! Погано, Тетяно! гадаю соби. Колы тутъ уже почалы мене зъ усихъ бокивъ дражныты чорты: одынъ тоби языка довгого высолопыть и засверде́лыть соби пальцями щокы; другый пролетыть поузъ те́бе, та хвостомъ по губахъ хвысь! Третій стане тоби ракомъ передъ очыма, або пидскочыть, та заклацае зубами; а тамъ впъять: одынъ скикъ до тебе, та або плюне въ рушныцю, щобъ не стриляла, або высякае на тебе свого носа червоного, дзюбатого, а-бы бъ, значыть, яку пакость вчыныты! Стрывай же, думаю соби, сатанынське кодло, провчу я васъ! Не дурно жъ я москаль та ще й съ козакивъ... Та й лигъ, буцимъ то сплю... А воны зъ усихъ бокивъ на мене; бачъ пройихаться имъ верхи на мини захотилось. А я ливою рукою одного хипъ за горло, а правою на вси боки отхрещуватысь. Такъ треба було вамъ бачыты, якъ уси чорты въ ростычъ пишлы. Де́-яки зъ ныхъ, зачепывшысь за гилля та за сучкы, повидрывалы соби хвосты, та вже безъ хвостивъ плыгъ, плыгъ! А я свого чорта мицно держу, та все ёго вздовшъ и въ по́перекъ хрещу; винъ же га́спидськый вышкварокъ и ко́рчыться, и морщыться—та ба!... Ну, крыкнувъ я на ёго, ажъ выляскы по́-лису покотылысь

и самъ чортъ зъ переляку здрыгнувся: вынось мене до моихъ товаришивъ, коли не хочешъ, щобъ я тебе якъ мышу въ ступи роздавывъ! Звисне дило,—вынисъ. А й зопривъ же винъ, то нехай ёго чорты вóзьмуть... Якъ принисъ мене на вильный просторъ, то тильки скрыкнувъ: ну-ну! и майстры жъ вы, козаки, невроку вамъ верхи йиздыты! Бодай намъ николи бильшъ не зустричаться! Хе, хе, хе!»—Такый то бувъ Овсій. Багато де чого винъ знавъ и мастакъ бувъ оповидаты; а я до оповиданнивъ падкый. Тымъ то я и по тры и по чотыри разы на тыждень вчащаю до ёго, та все бильшъ надъ вечеръ, якъ сонечко сидае, спека спадае и вечирній витерець повива любымъ холодочкомъ.

Одного вечера пидийшовъ я до ставу, сивъ у човенъ, взявъ у руки весло и видчалывъ отъ берега. Вечеръ тыхый, та теплый. Небо чысте, та ясне; ёго прозрочисте блакыття гарно перелывалось на заходи у свитло-зеленый, потимъ жовто-горячый, а дали у гарный рожево-синёватый колиръ. Повитря свиже та пахуче. На сели зачулысь вулычни писни. Ставокъ лежавъ передо-мною, якъ дзеркало и блещавъ при мисяцю срибломъ та злотомъ. Разъ у разъ выкынеться карась и лясне хвостомъ; булькне и заховаеться; а по води й пидуть розлягатысь все дáли та дáли хвылясти величезни обручи. Човенъ легесенько повзъ по блескучій води и я пидпливъ до того-

бичного лисового берега; прывъязавъ човенъ до вербы, що купала свое кориння въ води и пишовъ у лисъ до Овсія. Биля хаткы, на пеньку сыдивъ Овсій и стругавъ суковату грушеву гилку.

— «Добры-вечиръ, Овсію, прывитавъ я его здалѐка; Боже, поможы!»

— «А! здоровы булы! А я выглядаю васъ онъ-видты. Зъ якои це вы стороны зайшлы?»

— «А водою, на човни.»

— «Водою? Гмъ!... Правда ще не такъ пизно. А назадъ якъ?»

— «А впъять водою!»

— «Гмъ. У такый пизній часъ, такои поры?»

— «А що-жъ, кажу, у такый часъ? Кого мини боятысь? може того, що въ води живе? Водяного?»

— «Водяного, не водяного, а такъ, значить... Водою теперъ не слидъ. Вы ще, выбачайте, молоди, здолаете и кругомъ обійты. Хочъ, правда, теперъ молоди люды таки, що соромъ про ныхъ и казаты!... Отъ за мого часу булы молодци такъ-такъ! Каженъ парубокъ смилыво хочъ на ведмедя бъ пишовъ; а теперъ,—якъ безъ палыци, то й рябка беззубого обходять. А вже ти, выбачайте, городянськи шелыхвосты та жевжыкы, то хто ёго зна, що зъ ными уже й буде... Воны безъ тыхъ окуляривъ, то хочъ такы пидъ самисинькый ему нисъ тыкны дулю, то й того воно, бидне, не добаче... Отъ напрыкладъ, вамъ уже й важко ста-

ло обійты ставъ кругомъ; а що бъ вы, скажить, зробылы, якъ бы васъ та на Кавказъ; отъ якъ колысь мене? Тамъ не така ривнина̀, якъ у на́съ на Украини, що ходышъ по ній, якъ по столу. Тамъ таки горы, та бескеты, що якъ глянешъ, то й шапка зъ головы спаде. Мовъ дзвиныця тоби! Та ще пожалуй и дзвиныць такыхъ, якъ нашыхъ, то мабуть зъ двадцять, або й съ трыдцять треба бъ о́дну на о́дну сперты, щобъ съ тыми горами поривнять. И по тыхъ то горахъ треба маршуваты, та ще й муныцю и всяку прымусію на соби несты; та й ворога, Кабардынця стерегтысь. Бо отò йдешъ и, здаеться, жывый; а тутъ тилькы лусь!.. Чоловика й нема; а лежыть трупъ!...

— «Та я знаю, перебывъ я Овсія; се вже все я знаю, вы мини вже не разъ про се оповидалы. А отъ скажить мини, кого я маю боятысь, переизджаючы ставъ у-ночи?»

— «Эге!.. То вы, я бачу, ничого не знаете. Не вже вы николы ни видъ кого не чувалы про сей ставъ, та про Любченкову Настю и про Корнія Лырника?»

— «Не чувъ ничого.»

— «Чи справды?»

— «Далеби, ничого не чувъ.»

— «Ну, колы такъ, то треба жъ вамъ роскасаты. Вы тоди самы скажете: Эге-жъ! Овсій правду мовыть; не годыться въ ночи йихаты по

ставу. Такъ отъ слухайте. Колысь давно жывъ у Крупьскому козакъ, Мыкыта Сарана̀, чоловикъ дуже заможный и поважный. Ходывъ винъ завсегда у сынёму жупани, та въ сывій шапци. Такы великый багатырь бувъ. Дванадцять паръ воливъ, цила отара овець, два витряки на выгони и корчакъ на ричци Кропывній. Оттамъ, якъ выйихаты зъ села, то его гребля. А яку пасику мавъ!? Любывъ винъ дуже бджолу. А скилькы тыхъ талярнвъ та червинцивъ було въ ёго закопано въ садку, та пидъ хатою!?.. Отой садокъ, що теперъ перейшовъ одъ Стеценка у шынкарьски рукы, тежъ бувъ колысь Мыкытынъ. Сказано багатырь бувъ на всю губу! Такъ сей Мыкыта Сарана̀ мавъ одного сына, Корнія.

Звычайно, знаете, то такъ бувае, що колы одынъ, то й выйде зъ ёго ка-зна-що: ни Богови свичка, ни чортови дудка; а такъ,—ледащо! Не дуже то винъ дбае про господарьство: малый ёму клопитъ; нехай, мовъ, тымъ усымъ турбуеться батько. А тилькы батько померъ, фить-фить! Перейшло все добро, що дбавъ батько, у чужи руки. Тутъ тоби и горилка, и всяка всячына!.. Тутъ де ти й кумы озьмутця та побратымы; словомъ: выходыть изъ одынчыка така погань, що не стое винъ того, щобъ ёго носыла на соби и свята земля. Але Корній бувъ не такый: винъ бувъ добрый и прегарный парубокъ. Тамъ такый уже вамъ пыльный, такый до всякого ди-

ла дотепный, що другого такого хиба и не знайты. Не те що у всёму помагавъ батькови, а такы все чисто робывъ за ёго. Бувало тилькы скаже: «не турбуйтесь, тату, идить спочиньте, все буде зроблено.» И справды: чого винъ тильки не переробыть за цилый день?! Скотыну всю самъ напое; а тамъ, дывысь, зновъ Корній лагодыть тынъ; а трохи згодомъ пройдешъ,—уже винъ зъ даху прывытае тебе: «здоровы були, дядьку!» Дахъ, значыть, лагоде. И визъ чумацькый самъ змайструе, и нову коморю самъ постанóвыть, и ципа не цурався на току, щобъ, значыть, духу додаты молотныкамъ; и косарь зъ ёго не абы-якый бувъ: якъ стане було въ ручку, такъ сино мовъ спаты лягае, такъ и кладеться. Дуже гарный парубокъ бувъ сей Корній. Любывъ ёго батько и шанувало циле село. Вси батькы становили ёго своимъ сынамъ у примиръ. А ти, которыхъ Господь дочками надилывъ, молылысь, здаеться, що рана и вечера: пошли, Господы, такого зятя, якъ Корній Саранà.

— Та дарма воны молились. Други, може, и знайшлыся, та не Корній. Корній оддавъ свое сердце Любченковій Насти. Се була дочка козака Киндрата Любченка. И сёго Киндрата знало не тилькы все село, а цила околыця, не такъ за ёго багатство, якъ за великый ёго розумъ. Зъ усихъ усюдъ було приходять люды до Киндрата Любченка за радою, котру винъ зъ охочымъ

серцемъ дававъ усякому. И бувало винъ,—нехай надъ нымъ земля перомъ!—при тому каже: «Ни! ты, пане-брате, чи дядьку, чи земляченьку, чи якъ тамъ прыпадало, ты, каже, не такъ за се дило взявся. Мини здаеться, воно краще було-бъ, якъ-бы ты зробывъ ось якъ, та отакъ, та онъ якъ!» И все, все чысто ростолкуе и покаже ясно, якъ на долони. Люды й пидуть сиби додому, послухаються розумнои рады, зроблять усе такъ, якъ винъ имъ казавъ и, дывысь, усе такъ и склалось. И хочъ-бы вамъ за се одну копійчыну бравъ одъ кого! Крый Боже! Ще й чаркою бульбашнои почастуе, або медомъ нагодуе. Не такъ, якъ волосный пысарь Кырыло Йосыповычъ, що за чарку сывухы, чы за мидного пъятака всю свою ридню продасть и набреше такого, що ажъ волосъ вьяне; або надряпае прошення та таке, що въ нёму толку мовъ у самого старшыны въ голови. Поганый чоловикъ той Кырыло Йосыповычъ. Ото якъ напьетця було, то заразъ надива свій порыжилый картузъ зъ червоною засмальцёваною околыцею и съ потрисканымъ козырькомъ, визме дрючокъ въ руки, та по всёму селу й гасае, та крычыть: «хто командѐръ Наполiёнъ? Я Наполiёнъ! Всихъ васъ хахливъ на Сибиръ! Чулы?» каже. Ну, а Киндратъ Любченко, якъ я вже сказавъ, бувъ дуже добрый и розумный чоловикъ. Его жинка була... Такъ соби жинка: обидъ, вечерю зварыты; веретенцемъ покрутыты—и кинець!

А все господарьство мала на своихъ рукахъ ихъ дочка, Настя. И що за роскишъ дивчына була та Настя! Гай-гай! Чыста роскишъ! Гнучка та станыста... Якъ лилія; моторненька та легенька, якъ метелыкъ; жвавенька, якъ витерець вечирній, або якъ струмочокъ весняный, що зъ зеленои гирки льетця, та съ каминьця, на каминець перескакуе. А лычко, якъ тамъ кажуть, хочъ воды зъ ёго напыйся. Господы и на що-то на одну людыну стилькы красы, стилькы чару? Кари оченята якъ зори сяють; а губоньки, якъ вышни, такъ здаетця тоби и налагадылись на гарячый поцилунокъ! Гарна вона була дуже; краля на циле село; та мабуть и на всю Украину!

А въ недилю було якъ прычепурыться—такъ и Боже!! На шыи скилькы разкивъ доброго намыста зъ дукатомъ. Груды и рукава тонкои сорочкы мережени, та вышывани; у зеленимъ байковимъ карсети зъ червоными лапкамы; въ прехорошій картатій плахти зъ зеленою запаскою, зъ двома кытыцями внызу, въ билыхъ панчишкахъ и въ маленькыхъ черевычкахъ корковыхъ. И безъ того гарна та чудова була Настя; а якъ, було, вырядыться, то здавалась ще кращою. Такъ бы наче обнявъ іи, розцилувавъ видъ самои головоньки ажъ до маленькихъ нижокъ, та й державъ у своихъ обіймахъ по викъ, не спускаючы зъ неи очей и все тилькы шептавъ бы: серденько! зоре небесна, квиточко моя запашная!... И шеп-

тавъ-бы и цилувавъ, и цилувавъ и шептавъ, ажъ покы бъ сылы стало. И розумна була и ричыста. Тамъ було якъ заговорыть, то слова мовъ щыре срибло сыплються. А якъ було заспивае въ себе въ садочку, то мабуть и соловейко на той часъ прытыхавъ та прыслухався до того чаривнычого спиву. Ажъ у нашого брата старого, було, стрепенеться замерзле серце и наче тане одъ якоись теплои та тыхои втихы и солодкыхъ любощивъ. А що вже тыхъ парубкивъ за нею бигало и залыцялось, такъ и не переличыты. Тилькы де було забачуть ии,—то, мовъ ти хорты, черезъ тыны, та черезъ огороды тилькы—плыгъ!—плыгъ! Витромъ несуться, стрилкою летять, абы-бъ, значыть, надоспиты ій на зустричъ, та подывытысь и заговорыты, та почуты видъ неи хочъ словечко едыне. Изъ чужыхъ селъ чимало було приходять та любуютця на неи въ церкви. Найбильше жъ припадавъ до ии слиду Опанасъ Бездоленко, Любченкивъ наймытъ. У Любченка вси малы его за ридного. А старый Киндратъ любывъ ёго якъ сына. И грихъ було-бъ не любыты такого щырого, трудящого робитныка. Доглядавъ, беригъ, пеклувався и дбавъ про добро Любченково, неначе про свое ридне. Пропадавъ Опанасъ за Настею, сохъ; такъ и глытавъ ии очыма и вдыхавъ ий духъ у себе; ловывъ кажнисиньке ии словечко, пидхоплювавъ каженъ ии за́гадъ, або щобъ тамъ вона ни сказала. Але кохавъ ии по́-

тай, любывъ нышкомъ, бо не смивъ сказаты ій объ тимъ; звычайно наймытъ!

Такъ оцій-то Насти Корній виддавъ свое серце, іи уподобавъ соби. И вона ёго любыла дуже; страхъ якъ любыла. Старый Сарана̀ и Любченко тилькы тишаться, було; та радіють. Де-жъ такы таке святе небесне кохання та забороняты?! И якъ тутъ не тишытысь? Хазяйськи диты, якъ разъ добирна̀ пара. И збиралыся въ осены ихъ повинчаты.

Та выдно лыха доля не хотила, щобъ те безвынне щастя досталось людимъ.

Вы може чули, що въ нашимъ сели перередъ пана Билогрыва панувавъ колись панъ Киндерськый, по вуличному Котолупъ. Скилькы въ того Котолупа було червинцивъ безлику, стильки й по́грихивъ и хыбивъ мавъ винъ за собою. Зоставывъ винъ по соби памъятку на викы вични. Дався винъ намъ у знакы. И злющый винъ бувъ чоловикъ,—тымъ ёго Котолупомъ и прозвалы,—не прыведы Господы!

Такъ отой Киндерськый, чы Котолупъ мавъ одного сына, Васыля. Богъ ёго знае, якый-то сынъ бувъ: ризно про те балакали люды. Бо тыхъ сынивъ у ёго було роскынуто по всёму селу.

Ще дытыною бувъ Васыль, а тамъ такый уже зъ ёго харцызъ бувъ, що кращого й не треба. Тилькы ёму й дила було, що шпуряты каминнямъ въ собакъ та въ людей; або цькуваты жинокъ та дитей своимъ кудлатымъ Трезоромъ.

Якъ мынуло Васыльчыкови, ёго на сели Васыльчыкомъ звали, якъ мынуло десять рокивъ, то повизъ ёго панъ до Петербурху и виддавъ у науку. Довго винъ учывся у якійсь военній школи чыщо и за цилый той довгый часъ а ниразу не навидувався додому. Що року панъ йиздывъ до Петербурху и тамъ було прогаетця пъять або й шисть тыжнивъ. Якъ же скинчывъ Васыльчыкъ науку, то й приіхавъ до насъ у Крупське! И пишла жъ тоди кумедня! Циле село ни объ чимъ бильшъ не гомонило, якъ тилькы про ёго. Та дывного ничо́го й немае; гарный такы винъ бувъ: уланське убрання зъ червоною грудыною, зъ блескучымы кгудзыками; чобиткы пидъ лакомъ изъ срибнымы шпорамы, шабля при боци; лычко биленьке зъ русявымы закрученымы вусыкамы. Не въ однii дивчыны типалось серце до задыхання, якъ дывылась вона на сей живый малюнокъ.

Лихо ти дивчата! Кыдали воны и варене й печене; кыдали циле хозяйствечко, та биглы по пъять, по шисть разивъ на день съ коромисломъ та зъ видрами по́-воду. То воны брали воду тамъ, де ось вы живетѐ; а тутъ уже сталы браты Богъзна-де, ажъ коло гребли. Выдумалы, що ниби-то коло васъ завелась гадюка въ крыныци. Зъ биса хытри!... А все то, абы, значить, пройты поузъ панськый двиръ, та на ту панську цяцьку зырнуты. Одначе Васыльчыкъ не звертавъ на ныхъ ніякои увагы. Байдуже ёму було за всихъ, та тиль-

кы не за одну... За Настю. Якъ углядивъ винъ іи, такъ зразу и закохався. И рады не мигъ собі даты. Ото було зустрине іи, зачéпыть, заговóрыть, тó-що; а вона, хочъ-бы тоби глянула. И ничого не мигъ винъ зъ нею вдіяты. Певно, колы-бъ не вильна, то давно-бъ уже литало видъ голубкы саме пирьячко... Зовсимъ панычъ скрутывся. Змарнивъ, занепавъ, не йисть, не пье, все Настя, та Настя на думци. То гостынця ій черезъ челядныка свого пошле, то самъ прыйде до старого Любченка, буцимъ то за диломъ; а то де-небудь пидстереже, та за руку вхопыть; одно слово скрутывся панычъ, тай годи!

А Корній супывъ бровы; не до вподобы ёму се було. Хочъ винъ и певенъ бувъ, що Настя ёго одного любыть, та все жъ не переносывъ винъ, що той Васыльчыкъ не дававъ покою ёго горлыци Насти и при кажнимъ зустричанню соромывъ іи всякымы обицянкáми, та лестывыми словами. Не вмивъ и не хотивъ Корній сего стерпиты. Отъ и надумавъ винъ соби провчыты того ласуна русявого. Слидъ за слидомъ ходывъ винъ за нымъ. Ажъ разъ побачивъ якось, що Васыльчыкъ зъ рушныцею пидъ пахвою пишовъ у лисъ птици стреляты.

— «Агà! подумавъ Корній, теперъ же дерæысь, чортова лялько!» Та за нымъ, та за нымъ. Воно-то Корній и на думци не мавъ его быты. И кого тамъ быты!? Корній бы его у порохъ ро-

зимъявъ однымъ пальцемъ; винъ тилькы хотивъ его трохы полякаты. Якъ же зайшовъ уже Васыльчыкъ у лисъ такъ далеко, що а ни выдно, а ни чутно, тоди Корній якъ зъ-пидъ землп и ставъ передъ него.

— «Чого тоби треба? спытався Васыльчыкъ.

— «А того, оддае Корній, мини треба, що якъ вы, пане охвыцере, чы якъ тамъ васъ велычають, одважытесь ще разъ зачепыты мою Настю, то я васъ, кажу вамъ, у мотлохъ перетру, та й за ви́тромъ пустю. Чуете? На шматкы васъ пошматую? Доволи вже мы нате́рпилысь тутъ и одъ вашого батька, щобъ ему зъ вами укупи добра не було! Доволи вже винъ, бодай его чума задавыла, накоивъ лыха нашымъ матерямъ та се́страмъ! А теперъ ще й вы прыпхали на помичъ старому!?

— «Якъ ты сміешъ, хаме? скрыкнувъ Васыльчыкъ. Мазепа ты, быдло!.. Чы ты знаешъ, хто я такый?» Тай пиднявъ рушныцю, щобъ, значыть, прикладомъ зацидыты Корнія по́-голови; ажъ тутъ Корній якъ пидскоче, якъ вырве въ его зъ рукъ рушныцю, та й швырнувъ на дерево; тамъ вона й повысла, зачепывшись за ременяку; а дали до его, та якъ затопыть его по пыцы, такъ той такъ и ге́пнувся о̂бъ-землю; ажъ искры ему зъ очей посыпалысь и свитъ замакитрывся. Давшы того ляпаса, Корній пишовъ додому.

На другый день зачуло все село, що теленькае дзвинокъ. Становый, та ще й зъ Справныкомъ.

Звистка заразъ рознеслась по всему селу. Щобъ воно значыло? пытаютця одынъ одного. Чы не крепацство будутъ зносыты? А тоди саме сподивалысь, що отъ-отъ выйде воля. Але заразъ-же такы й довидалысь, чого....

Корнія забылы въ колодки. И слидства навить не пысалы. Плачъ, слезы, лементъ—и Боже праведный! що тоди діялось.

Старый Киндратъ зъ жинкою, Мыкыта Сарана̀, вси родычи и сусиды прохалы та молылы, ничого не помоглось. Циле село збиглось. Вси съ переляку стоять якъ те́лепни, та тилькы дывляться; а де хто зъ громады и почалы голосно высловлятысь. Такъ Справникъ якъ крыкне: «маршъ по домахъ, а то я васъ всихъ на Сибиръ!» Громада такъ и шарахнулась; не зналы якъ и додому потрапыты.

Корній же зостався и стоявъ, якъ не жывый. Понуривъ голову, гризно насупывъ бровы и сполотнивъ якъ смерть. Тилькы лице дергало ему, що хвылынки: винъ чувъ, якъ голосыла его Настя.

Якъ уже тамъ Любченко та Сарана̀ не прохалы, якъ не кланялысь панови та паничеви, якъ не плакалы—и каминь-бы, здаеться, рушывсь, а Киндерськи мовъ и не чують. И гришмы вже хотилы одкупытысь, та ни! Дарма праця!

Заразъ такы и повезено Корнія у городъ, щобъ забрыты ему лоба. Якъ пойихало начальство и повезено Корнія, то старый Сарана надумавъ,

тай каже Насти: «Пиды ще ты, дочко! Я и твій батько нахылялы наши сыви головы; попросы ще ты. Ты-жъ его кохаешъ; ты такъ гирько вбываесся. Може воны надъ тобою змылосердяться: помылують, тай вернуть Корнія.»

Порадылись гуртомъ мижъ собою, отъ стара Любчыха зъ Настею и пишли въ двиръ. Тилькы ото воны прыйшлы, якъ ихъ заразъ и розлучено. Старій сказалы, щобъ пидождала на рундуку, а Настю поклыкалы въ горныци. Жде стара маты своеи Насти, та жде; ніякъ не диждеться. Нема, та й нема.

Колы се выбигла. Коса рострипана, намысто розсыпаеться, запаскы немае; руки подряпани, мовъ бы пручалась, та борюкалась. Прибигла додому, кынулась у подушкы, плаче, рыдае, якъ ричка льеться. Вси іи пыталы, роспытувалы, а ни слова никому! Плаче, та й годи!

Вночи, вырвавшысь зъ дому, вона кынулась въ ставъ, та й у топылась. Де хто й бачылы якъ вона бигла; чулы, якъ и шубовснула въ воду, та выратуваты не змоглы. А на другый день шукалы іи, шукалы и неводъ запускалы, цилый день шукалы,—не найшлы.

Другой ночи, якъ все село спало мицнымъ сномъ и всюды було тыхо, сторожъ, що коло церквы, уздривъ пожежу и задзвонывъ. Все село прокынулось: «пожежа, пожежа!» зарепетувалы всюды. Небо зачервонило, мовъ кровью залыте.

Искры цилыми снопами несуться до неба и вьеться поломья огняными гадюкамы. Побиглы,—панськый двиръ горыть; але такъ, що не можно и помочи даты, нiякъ и прыступытысь не можно: горыть зъ усихъ бокивъ. Циле море поломья. До горныць,—колы вси виконныци й двери хтось гвиздкамы знадвору позабывавъ. А въ середыни чуты гвалтъ и репетъ. Тилькы ничо̀го не вспилы зробыты.... Все до чыста згорило—и панъ съ панычемъ у тимъ пекли на головешки погорилы.

На завтра догадалысь, хто й пидпалывъ. Опанаса Бездоленка въ сели не стало. Пропавъ, якъ у воду впавъ.

Черезъ двадцять пьять рокивъ вернувся Корнiй назадъ у Крупське. Выслужывся, значыть. Та никого небоража не заставъ зъ свого роду: ни батька, ни матери, ни Любченкивъ. Навить и сусидивъ мало кого зосталось, вси перемерлы; бо якъ була холера, то мало не все село зъ свиту зигнала. Зовсимъ инчи, нови люды. И саме село якось инаше переминылось.

Змынывся и Корнiй. Де ти чорни кучери й дилысь; огонь въ очихъ погасъ, молодецькый станъ зигнувся. Якъ бы вы побачилы, якымъ Корнiй вернувся, то вы бъ и не повирылы, якымъ винъ колысь бувъ! Одно праве око зосталось, а замисць ливого тилькы яма: на войни выбылы. Выдъ зморщывся, голосъ тремтыть; а самъ,—похылый, якъ верба. Почавъ винъ часто на банду-

ри граты, бо ще й парубкомъ до салдатства гравъ. Але тоди гравъ веселыхъ, а теперъ гравъ и спивавъ самыхъ сумныхъ. Одна жалибниша другои; та все про Настю писни складавъ. Якъ сяде було Корній мисячнои ночи надъ ставкомъ, та заграе зтыха якои-небудь сумнои на своій бандури, то въ очерети, було, коженъ разъ чуты яке-сь тяжке зитхання и срибне динь-динь! То, кажуть, зитхала и плакала Настя.

Тай теперъ уночи, якъ тильки народиться молодыкъ, то Настя заразъ и зъявляеться надъ ставомъ вся билымъ серпанкомъ повыта, съ пиднятою вгору рукою и страшно погрожае пальцемъ у ту сторону, де стоявъ колысь панськый двиръ.

Два рокы тому назадъ тутъ утонувъ одынъ панъ съ паночкою. Заманулось имъ уночи поплаваты въ човни... Поплывлы, та на другый день обохъ на сылу неводомъ вытяглы.

Корній що-вечера ходывъ до ставу граты; а иноди прыходывъ и въ день, якъ дуже нудьга его брала. Одного разу прыйшовъ винъ, сивъ на бе́рези и почавъ перебираты свою трыдцяты-струнну бандуру. Гравъ, выгрававъ, ажъ покы не стомывся сердега; положывъ бандуру коло себе збоку, та й задримавъ. А се якъ зирветься витеръ и розгулялась така страшенна шуря-буря, що такои въ насъ нико́лы ще й не було! Де́рево такъ съ кориннямъ и повывертало; стрихъ на хатахъ мало де й по зоставалось, вси позносыло.

А хвылю на ставку таку збыло, мовъ на чорному мори. И се зразу якъ бурхнѐ хвыля, такъ и обдало сонного Корнія. Схопывся винъ; лапъ за бандуру,—нема! Колы подывыться, а іи на билыхъ грывахъ хвыля такъ и несе, такъ и несе. И здалось ёму, що ёго люба, ёго едына Настя тамъ плыве зъ ёго бандурою по надъ буйною хвылею и грае, и ёго клыче до себе. Крыкнувъ винъ: «Насте, дружыно моя кохана!» и кынувся въ воду, простягаючы впередъ рукы. Де-хто й бачылы и кынулысь бигты, щобъ ратуваты; але се зразу накрыла ёго хвыля.... И слиду не стало.

Якъ стыхла буря, почалы шукаты Корнія. Але що ни шукалы, що ни побывалысь, вже й видъ берега до берега прыволочку закыдалы... Ни! не найшлы. Мовъ ёго на той свитъ проковтнуло. Тилькы бандуру пидъ очеретомъ піймалы.

Такъ отымъ-то по ставку не слидъ йиздыты та ще ничью; бо Настя и Корній, обое дуже немилостыви на людей за свое розбыте и загублене жыття.

— «Такъ-то! закинчывъ Овсій. Се вы знайте и замотайте соби на вуса. А додому идить кругомъ, або тутъ ночуйте; тилькы човномъ не йидьте.»

Ц. Билиловськый.

До души.

Душе моя, душе моя,
Возстани! что спиши?
Кан. Андр. Критск.

Не сумуй ты, душе!
Не болы черезъ край
И покы ты жыва,
Обновлення шукай.

У свою глыбыню
Разъ-у-разъ прыдывляйсь
И до гласу свого
Каженъ часъ прыслухайсь.

Якъ-що струны тамъ йё
И дають тыхый гласъ,
То не вмерла ще ты,
Ще настане твій часъ.

Розбуды почуття,
Що въ тоби, може, спыть
И жадання жыття
Хай у грудихъ кыпыть.

А надія тверда
Хай тебе пидкрипля
И въ розумне жыття
По всякъ часъ направля.

В. Самойленко.

Писня про Дзвинъ.

(Изъ Шиллера.)

Vivos voco,
Mortuos plango,
Fulgura frango!....

Зъ глыны выроблена форма
Въ землю вкопана стоить.
Гей, за працю вси моторно!
Дзвинъ сёгодня треба злыть.
Хай зъ насъ крапле питъ,
Треба злыть якъ слидъ.
Дзвинъ—хвалà Святому Богу,
Богъ намъ дасть и пидпомогу.

До дила додамо и слово,
Бо що видъ слова розумнишъ?
При слови й праця йде толково,
И въ серцю якось веселишъ.
Такъ помиркуймо жъ, якъ найкраще
Се дило тутъ намъ розпочàть,
Бо той, хто рóбыть якъ ледащо,
Тому нипòчимъ все псувàть.
А намъ на тè Господь изъ неба
И рòзумъ и кебету давъ,
Щобъ каженъ зъ насъ робывъ що треба,
И якъ робыть, щобъ добре знавъ.

* *
*

Нужъ, сосныны нарубайте,
Та сухе́нькои, глядить;
Дровъ побильше пидкладайте,
Щобъ огонь добряче пикъ.
Цини прынесить,
Миди доложить;
Сплавъ щобъ лучше ростоплявся,
Въ форму якъ вода влывався.

А що у сій мы ями штучно
Та почалы огне́мъ творыть,
Те саме у недилю гучно
Само зъ дзвиныци продзвеныть.
Дзвоныты буде й голосыты,
Якъ заскорбыть тутъ чоловикъ,
Що-свята намъ блоговистыты....
И такъ на довгый, довгый викъ....
Якъ надзвычайный тутъ съ кымъ-не́будь
Случа̀й склад́еться, новына̀,—
Задзво̀не дзвинъ и геть пидъ не́бомъ
Гучна розляжеться луна̀.

* *
*

Сплавъ клекоче, бульбы скачуть;
Онде, онде якъ шумыть!
Поташу ще хай достачуть,
Щобъ скоришъ усе злучыть.

Тре́ба, що бъ не мавъ
Шумовыння сплавъ,
Бо якъ сплавъ нашъ буде чыстый,
Буде й дзвинъ нашъ голосыстый.

Прывитно й радостно вытае
Въ сели дзвинъ любое дытя,
Котрѐ въ колысци почынае
Въ обіймахъ сну свое жыття.
И доля ще, и безголовья
Въ дытынкы сплять у прыголовья;
А чулый доглядъ ёго не́ньки
Сторо̀жыть ранокъ золоте́нькый
И мчаться рокы якъ стрила̀....

Ось кыда парубокъ дивчыну,
Идѐ по свиту мандрувать;
А, попомирявшы чужыну,
Въ оте́цькый двиръ вертае впъять.
Румъянна, пышна, та станыста,
Ясна̀ мовъ ничка зоряна̀,
Якъ анголь непорочна, чыста
Зъявылась передъ нымъ вона.
И стало въ ёго серце ныты,
И сталы слёзы пидступа̀ть,
Винъ ходе мовъ не самовытый
Поузъ виконце.... Може впъять
У нёму вздрыть свою винъ долю....
Для неи винъ на все бъ пишо̀въ....

Бредѐ, шука квито̀къ по полю,
Щобъ заквичать свою любовъ....
И бъеться серденько въ надіи,
Въ надіи первого кохання....
Витрець такъ любо, тыхо віе,
Несе́ться пташкы щебетання....

Якъ бы жъ по викъ жылы чудови
Хвылыны первои любови!!....

* *
*

О!.. Труба̀ уже буріе,
Треба штабыкъ умочыть;
Якъ полыва штабъ покрые,
То тоди пора вже й лыть.
Швыдче! Часъ наста̀въ
Пробуваты сплавъ,
Чи хрупкѐ зъ гнучкымъ змишалось
Такъ, якъ намъ того бажалось?!

Тамъ, дѐ тверде́ зъ мъякымъ зъедналось,
Мицнѐ зъ слабе́нькымъ спарувалось,—
Тамъ баче згоду чоловикъ;
Алѐ.... Тоди весилля пыльне,
Якъ серце къ серцю вразъ прыхыльне,—
Швыдка̀ помылка, жаль по викъ!

Молоду вино̀къ скрашае,
Любо, пышно сяе винъ,
Якъ на винчання склыкае

Всихъ мырянъ церковный дзвинъ:
Тутъ съ сымъ празныкомъ найкращымъ
Въ насъ мынае жызни Май
И завитнымъ мрiямъ нашымъ
Перстинь покладае край.
Жаръ се́рця мынае,
Любо̀въ зостае́ться.
И квитка лыняе,
Якъ симья нальéться.
Мужамъ якъ орламъ
У свитъ тре́ба лынуть,
Препоны вси скынуть;
Творыть, создаваты,
Щобъ долю прыдбаты.

Прыдбавъ... И худобы у хати й на дво̀ри
Зибралось чи мало; повнiють комори,
Що дали, то бильше хазяйство росте́.
У хатнёму жъ стани
Орудуе пани,
Дитѐй щыра маты.
И хазяинуе,
И вчыть, и муштрие
Хлопъятъ и дивчатокъ,
Щобъ выйшлы зъ ныхъ люды.
И ва́рыть, и мые,
Оде́жыну шые;
Впоряжуе домъ
Доте́пно, зъ умо̀мъ.

Добромъ наповняе малёвани скрыни,
Прядѐ й вышывае сорочку дытыни,
Та дбае, складае у скрыню на дно
Клубкы и пивмиткы, суknò й полотнò,
Працюе щоде́нно для-рады спожывку,
Не знае спочывку.
А батько госпо́дарь то десь на току,
То десь на толоци, або у млынку,
Або при вуликахъ въ садку.
А то й зырнѐ ажъ въ поле съ крыши,
Де по лану витрѐць, мовъ дыше,
Хвылюе жыто и колыше.
Пòтимъ гордо каже всимъ:
«Все тепе́ра ни-почимъ;
Есть худоба и госпòда,
Не страшна мини прыгода.»
Але.... Годи! Вже доволи!...
Не звиряйся щастю-доли:
Де та й озьметься бида...

* *
*

Гей! Пора вже вылываты,
Гарни ма зубци надломъ:
Тилько перше, нижъ початы,
Помолимося гуртомъ.
Боже, помогай!
Затычку выймай!
Онъ страшенно якъ несе́ться,
Булька, курыться и льеться...

Огнéва сыла—благодать,
Якъ нею добре заправлять.
И дуже часто въ праци гожій
Мы дякуемъ сій сыли божій.
Але страшна вона бува,
Якъ скыне вси перегороды
И вильно, дыко забуя
Ся вильная дочка прыроды.
Горе якъ вона гуляе,
Всюды лыхо и бида:
Мовъ та прорва все глытае,
Зразу сéла пойида.
Бо стыхіи страшно гублять
Людськи творы завсегда.

Дощъ у зáсуху ратунокъ,
Мовъ дарунокъ.
Глядь... у хмари тилько—блымъ!
Триснувъ гримъ...
Дзвинъ въ сели ревѐ якъ-мога,—
То тревога.
Ясно надвори
Наче одъ зори.
И на неби чорна хмара
Червоніе видъ пожара.
Всюды биготня,
Стукъ и грюкотня.
Гвалтъ и крыкъ; огонь палае,
Хаты раптомъ пожерае,

Искры всюды розсыпае.
Душно, спека, гирше пекла!
Рухнувъ дахъ, дробляться стéкла,
Обвалилась стéля зъ грюкомъ,
Крыкъ и плачъ, вси ламлють руки.

У кошари
Ревъ отары;
Все тика, себе спасае;
Темна ничъ мовъ день сіяе.
Воду видрами и зъ цмока *)
Льють высóко.
Чуты прыскання трискуче,
Тыхша поломья палюче.
Але витеръ знявсь могучый,
Роздыма пожежу впъять,
Искры ажъ на тикъ летять
И палае хлибъ у клуни.
Море поломья; а буйный
Люто стогне, завывае;
Наче.... Господы, просты!...
Хоче й землю рознесты.
Вгору огныще сягае
Ажъ до хмаръ!
И пожаръ.
Ныщыть въ уголь все, въ шматочкы....
Бачыть чоловикъ—и мовчкы
Божій сыли уступа.

*) Цмокъ—насосъ.

Безъ верха и безъ дверей,
Безъ тынивъ и безъ воритъ
Хата пусткою стоить.
Въ пустци тилько витеръ свыще,
Видты наче страховыще
Обгориле выгляда;
Въ пустку хмара загляда.
И сумный остатній зглядъ
Кыда чоловикъ назадъ:
На пожáрыще, на страту,
На згорилу ридну хату.....
Треба доли йты шукаты,
Бо всёго, всёго решывсь,
Надъ чымъ цилый викъ трудывсь.
Тилько жъ въ тимъ утиху мае,
Що симью свою щитае:
Жывы вси, тутъ стратъ немае.

* *
*

Ну, здаеться, форма сплавомъ
Вже наповнылась якъ слидъ.
Чи за нашу жъ працю справну
Выйде гарне щось на свитъ?
Що якъ инде сплавъ
Та не вдавсь, пропавъ?!
Пидождимъ въ надіи тыхо,
Може насъ мынуло лыхо....

Надію маючы на долю,
Звиряемъ мы нашъ трудъ земли;
Звиря и сіячъ ій зерно,

Надіючысь на Божу волю,
Що въ колосъ выросте воно.
Та и дорогше де-що смутно
Ховаемъ мы въ земли сырій.....
А любый образъ не забутно
Удержуемъ въ души своій.

Ой! Сумно дзвонять
Церковни дзвоны,
Ажъ духъ холоне....
Когось ховають,
Въ остатнюю дорогу выряжають,—
Отъ-то жъ и дзвоны проважають.

Боже пра́вдою багатый!
Жинка то и чула маты,
Котру смерть страшна̀ и дужа
Вырыва̀ зъ обіймивъ мужа
И берѐ въ малыхъ сыритъ
Ту, що ихъ родыла въ свитъ,
Що пестыла на рукахъ....
Въ хати сумъ по всихъ куткахъ;
Дитки скризь шукають мамы,
Бо чужа не любе ихъ;
Татуся зовуть съ слёзами,
А татусь и самъ прытыхъ....
На симью нещастя впало,
Стала й хатонька сумна....
Що то?!.. Не́нечкы не стало....
Въ жызни не́нечка одна!...

* *
*

Ну, нехай нашъ дзвинъ холоне,
Зъ насъ же каженъ спочывай;
И гучнишъ нижъ дзвонють дзвоны
Писню зъ радосты спивай.
Потимъ зновъ робыть,
Байдакивъ не быть!
Мавшы хочъ малу гулянку,
Зновъ працюй до-пизна зъ ранку!

Вечеръ. А зеле́нымъ гаемъ
Хтось спизнывшысь поспишае,
Съ поля до симьи вертае.
Заганя вивчарь отару
У кошару.
Пылъ збываючы угору
Череда иде додому.
Йиде визъ
Съ тыхымъ рыпомъ,
Та изъ скрыпомъ.
Парубоцтво и дивчата,
Закинчывшы працюваты,
Изибралысь надъ ставокъ
Утанокъ
Погуляты й поспиваты.
Потомыла всихъ робота,
Сплять уси; позачынялы
Две́ри, викна и ворота.
У ничъ глуху та тѐмну,
Злочынець вставъ тае́мно,

Та тилько задаре́мно:
Ужѐ теперъ винъ не злякае
Поче́сныхъ на сели людей:
Усякъ спокійно спочывае,
Бо Судъ нашъ не змыка очей.
Щаслывый край, якъ въ се́бе мае
Святый законъ и судъ правдывый,
Для всихъ однакый, мылостывый,
Де всихъ законъ обороняе
И пле́мья съ пле́менемъ братае.
Твердый законъ въ державній ради
Даѐ корысть усій громади.

* *
*

Тыхъ, що всяково працюють:
Орють, сіють, косють, жнуть,
И майструють, и будують,
Учуть, пышуть, чи малюють,
Руки й умъ на трудъ кладуть,—
Паважаты ве́льмы слидъ,
Бо корысть зъ ныхъ мае свитъ.
Праця, правда и свобода—
Отъ де нашъ святый букварь,
Зъ ными каженъ сынъ народа
Справжній есть прыроды царь?
Мыръ народа
Й люба згода,
О! пануйте
Вични викы на земли.

Крый насъ, Боже правый,
Щобъ війна й пожары
Ридный край нашъ руйнувалы.
Каженъ городъ и село
Щобъ про те вже забувалы,
Якъ грунтъ кровью напувалы,—
Якъ давно колысь було.

*
* *

Вже готово, вже остыгло;
Чи гараздъ же вылывсь дзвинъ?
Якъ-то буде любо-мыло,
Якъ задасться добрый винъ...
Молотъ пидиймай!
Форму розбывай!
Бо, щобъ дзвона намъ уздриты,
Треба форму першъ разбыты.

Зробыть дотепною рукою
Се тилько майстеръ бы здолавъ;
Бида жъ якъ часомъ самъ собою
Та разрывае форму сплавъ.
Тоди вже годи зупыняты
Страшнои сылы лютый рухъ,
У шмаття пиде все ламаты
И задрыжыть земля округъ.
Бо де пануе сыла дыка,
Тамъ вично страта превелыка.

Якъ де й народъ неволю самъ
Скыдае зъ себе,—лыхо тамъ!
Тревога, гвалтъ... Забылы въ дзвоны!
Повстання скризь, весь край повставъ;
Высоки захыталысь троны
И всякый ладъ тоди пропавъ.
«Свобода! Воля!» Чернь гукае.
«Загынь неволя! Бый ихъ! Рижъ!»
И кровъ тече.... Усе палае,
Гуля пистоль и блыска нижъ.
Жинкы-геены въ питьми ночи
Туды жъ бижать зъ усихъ кинцивъ,
Протывцямъ выдерають очи,
Грызуть зубами ворогивъ....

Новый урядъ ставъ, ниби вильный....
И впалы впъять въ старый заблудъ:
Запанувавъ знов инчый сыльный,—
Проступкы тамъ, злодійства тутъ....
О, страшно гнаты льва изъ лога,
Страшна и въ тыгра мицъ зубивъ;
А найстрашниша тварь у Бога—
То чоловикъ, якъ ввійде въ гнивъ.
И горе тымъ, котри слипому
Далы держать свитець въ рукахъ:
Не свитыть винъ тоди никому,
А палыть, ныщыть все у прахъ!...

* *
*

Онъ якъ гарно дзвинъ нашъ сяе;
Подывиться вси сюда!
Проти сонця винъ палае,
Мовъ та зирка золота.
А навкругъ ризьба...
То вонажъ хиба
Талану не выявляе,
Що дотепный майстеръ мае?!

Сюды! Сюды!
Зберимось дружною юрбою,
Окропемо ёго водою
И *Дзвономъ згоды* назовѐмъ.
Къ молытви тыхій и на мырну раду
Нехай винъ заклыка̀ почѐсную громаду,
Бо майстеръ съ тымъ ёго и злывъ,
Щобъ вично винъ про мыръ дзвонывъ!
Щобъ винъ зъ высокои дзвиныци
Въ сусидстви зъ сяевомъ зори
И съ царствомъ грому й блыскавыци
Гучавъ тамъ голосно вгори...
Вгори, ажъ де небѐсни зори
Нехыбно й вично вколо йдуть;
Плывуть въ небесному простори
И за собою рикъ ведуть....
Нехай же дзвинъ нашъ безъ угаву
Годыны справно выбыва
И тилько на поважну справу
Громаду чесную ззыва.

Хай дилыть зъ намы щастя й горе,
Хочъ самъ безъ серця, безъ чуття:
Нехай винъ дзвоне и говоре
Про зминчыве людськѐ жыття.
Бо якъ проносыться могучый
И голосный въ воздухахъ дзвѡнъ,
Такъ викъ мынае нашъ летючый
И жызнь проходе мовъ бы сонъ.

* *
*

Ну, теперъ ще дзвинъ пидняты,
Та й скинчылы трудъ увесь;
Хай пиднимуть си канаты
Дзвинъ нашъ блыжче до небесъ.
Потягнимо вразъ!
Добре! Йдѐ? Гаразд!...
Радисть буде для народу.
Дзвинъ якъ бовкне вперше «*Згоду.*»

П. Билиловськый.

Дайте бо жыть.

Въ чарахъ кохання, мое дивування,
Хочу я вильно якъ пташка прожыть:
Вильне обрання и вильне кохання,
Серденьку воля, якъ хоче любыть!...
Шкода й розмовы: святои любовы
Сылою въ серце не можно вложыть...
Покы шовко́ви чорнитымуть бровы,—
Дайте бо жыть мини, дайте бо жыть!

* *
*

Той мини шепче... Той рукы цилуе,
Той тутъ навколишкы смырно стае,
Той мини вирши любовни виршуе,
Той ажъ поклоны, мовъ Богови, бье...
Зъ ныхъ же одынъ мини бачеться всюды,
До одного тилько серце лежыть...
Покы горять мои поломьямъ груды,—
Дайте бо жыть мини, дайте бо жыть.

* *
*

На що пытаты, якого кохаты?—
Серденько зразу вгадало само.
Нащо шукаты, который багатый?—
Тамъ де багатство, тамъ певне ярмо....
Ненька зитхае, а батенько лае;
Слава не добра про мене бижыть....
Судъ-пересудъ... Але все те мынае.
Дайте бо жыть мини, дайте бо жыть!

Що тутъ и батько, и ридная маты?
Що тутъ вси родычи? Що увесь мыръ?
Все мини байдуже! Годи й казаты...
Байдуже глумъ и людськый поговиръ!
Серденько бьеться, и ные, и рветься,
Въ грудихъ гарячихъ пала и дрыжыть...
Покы ажъ молодость красна мынеться,—
Дайте бо жыть мини, дайте бо жыть!...

Ц. Билиловськый.

Гомерова Иліада.

ПИСНЯ ПЕРША.

Μῆνιν ἄειδε, θεὰ, Πηληιάδεω Ἀχιλῆος
Οὐλομένην, ἣ μυρί' Ἀχαιοῖς ἄλγε' ἔθηκεν...

Гей! богине! про гнивъ заспивай Ахиллеса
Пелида
Згубный, що дуже багато Ахейцямъ лыха накоивъ;
Душъ багато славетныхъ героивъ у пекло спро-
вадывъ,
Тило жъ ихъ кынувъ у здо̀бычъ соба́камъ, та хы-
жому пташству.
Такъ то надъ ными збувалась свята́я Зевесова воля.
Сталось те все съ того часу, якъ розійшлысь,
посварывшысь,
Царь Агаме́мнонъ Атридъ и прудкый Ахиллесъ
богоривный.
Хто жъ изъ богивъ невмирущыхъ прызвивъ ихъ
до лютои сваркы!?

Сынъ Латоны й Зевеса, проти Царя прогнивывшысь,
Люте повитря на військо наславъ и гынулы люды.
Такъ винъ зробывъ имъ за те, що сынъ Атреивъ зневáжывъ
Хрыза Жерця, що прыйшовъ до швыдкыхъ кораблывъ Ахеянськыхъ,
Щобъ одкупыты дочку и выкупъ прынисъ несчисленный.
И винокъ за-для шаны Стрильця Аполлона пиднявшы
На золотій патерыци, усихъ прывитавъ винъ Ахейцивъ,
А найперше Атридивъ обохъ, Царивъ надъ народомъ:
Гарно-обути Ахейци! Сыны жъ Атреевы въ першыхъ!
Хай вамъ поможуть богы, що мають оселю въ Олымпи,
Городъ Пріамивъ розбыть и щаслыво додому вернутысь.
Вы жъ дочку мини любу виддайте и плату прыймите,
Якъ Срибнолукого вы боетеся Стрильця Аполлона».
Вси Ахейци тоди, якъ одынъ, закрычалы, що треба
Вважыть старому й дары одкупніи прыняты.
Тилько Атридъ Агамéмнонъ того у души не вподобавъ;
Гордо Жерця видиславъ, ще й словомъ недобрымъ зобидывъ.
«Диду! рече: утикай, щобъ тебе край човнивъ я не бачывъ!
И ни теперъ не барысь, ни у друге сюды не вертайся;

Бо не поможе тоби патерыця й винокъ Аполлонивъ:
Я дочкы не виддамъ! И знай: іи старисть постыгне
Въ нашому доми въ Аргоси; далеко видъ ридного краю.
Тамъ за верстатомъ хай робе; а спатыме въ лиж-
ку зо мною.
Геть! и не сердь мене, якъ що ты хочешъ ци-
лымъ вернутысь.»
Такъ винъ сказавъ и старый, излякавшыся, сло-
ва послухавъ.
Мовчкы пишовъ винъ уздовшъ побережжа бурхлы-
вого моря;
А одійшовшы геть, почавъ винъ молытыся щыро
До Аполлона могучого, що породыла Латона:
«Слухай мене, Срибнолукый, що Хризу побожну
и Киллу
Забороняешъ видъ лыха, царюючы надъ Тенедосомъ!
Якъ що колы у твій храмъ я що небудь гоже
прыносывъ,
Чи колы-небудь палывъ тоби въ шану сытіи стегна
Кизъ чи воливъ круторогыхъ, то сповны мою ты
жадобу:
За мои слёзы скарай ты Данайцивъ своими стри-
лами.»
Такъ винъ молывшысь казавъ, а Фебъ Аполлонъ
ёго слухавъ.
Изъ олимпійськыхъ высотъ изійшовъ, розпалыв-
шыся серцемъ,
Маючы лукъ за плечыма й стрилкы въ сагайдаку
закрытимъ.

Брязкалы голосно стрилы у Феба-Стрильця за плечыма,
Якъ винъ ступавъ. А ишовъ винъ до темнои ночи подобный.
Видъ кораблививъ зупынывшысь далеко, стрилу винъ пускае.
Ажъ загуло навкругы, якъ винъ стрельнувъ изъ срибного лука.
Першъ на скотыну й собакъ ихъ моторныхъ напавъ винъ; а по́тимъ
Коло Ахеянъ самыхъ заходывся, пускаючы стрилы
И похоронни вогни мертвецивъ безупынно палылы.
Такъ девъять день по війську боговы стрилы литалы,
А на десятый клыкнувъ Ахиллесъ усе військо на раду.
Розумъ ёму натхнула сама билорукая Гера,
Бо турбувалась Ахейцями, бачывшы якъ воны мерлы.
А якъ уси воны тамъ изибралысь и вкупи стоялы,
Ставъ передъ ными прудкый на бигу Ахиллесъ и промовывъ:
«Сыну Атреивъ! я мыслю, що мы, проблукавшы усюды,
Вернемось съ тымъ и назадъ якъ ще и втечемъ то видъ смерты.
Бачите, якъ выгубляе Ахейцивъ війна и повитря.
Але давайте, спытаймо жерця, чи гадальця якого,—
Та й хочъ того, що видгадуе сны, бо и сонъ отъ Зевеса,

Котрый сказавъ бы, за-вищо росердывся такъ Срибнолукый?
Чи за обищанку може яку, чи за гекато́мбу?
Може, прынявшы дымъ зъ найкращыхъ кизъ и ягнятокъ,
Винъ одъ лыхои напасты помилуе людъ Ахеяньскый?
Такъ промовывшы, сивъ винъ на мисце, а вставъ передъ ными
Ка́лхасъ, Ѳесторивъ сынъ, ворожій найпивнишый по птахахъ,
Котрый знавъ тѐ, що було̀ и що йѐ и що буде навпосли...
Що й кораблі Ахеяньски до Иліона провадывъ;
Мавъ-бо таланъ вищування, що давъ ёму Фебъ Срибнолукый.
Мыслючы имъ на добро, винъ почавъ говорыты й промовывъ:
«Любый богамъ Ахиллесе! велышъ ты мини зъясуваты
Гнивъ Аполлона державця того, що далеко влучае:
Ось я казатыму, тыжъ послухай мене й побожыся,
Що, доброхитный до мене, заступысься ричью й руками,
Бо прогнивыты боюся я мужа, который въ Ахейцивъ
Гризно царює и котрому вси Ахеяньци слухъяни.
Царь бо тоди ще сыльнишый, якъ гнивъ поклада на пидданця,—
Тымъ, що хочъ винъ на той день и зуміе свій гнивъ зупыныты,

Але навпосли додержуе зло, ажъ покы вдовольныться
Въ серцю своему. Такъ ты розмиркуй, чи мене захыстышъ ты?»
Тутъ, одрикаючи каже ёму Ахиллесъ богоривный:
«Смиливый будь! И, якъ знаешъ Державцеву волю, скажы намъ.
Я жъ побожусь Аполлономъ, Зевесови любымъ, котрому
Молышся ты, якъ Данаямъ замиры богивъ одкрываешъ.
Покы живый я й дывлюсь на цю землю, нихто не посміе
Тутъ, биля нашыхъ човнивъ и рукою торкнутысь до тебе
Изъ Ахеянцивъ усихъ, хочабъ ты назвавъ и Атрида,
Котрый пышаеться тымъ, що винъ ниби зъ Ахейцивъ найлучшый.»
Зважывсь тоди, та й каже Данаямъ вищунъ безпорочный:
«Ни за обищанку богъ не росердывсь, ни за гекатомбу; —
А за Жерця, котрóму безчестя зробывъ Агамемнонъ;
Бо не виддавъ винъ дочкы и не взявъ подарункивъ одъ ёго.
Фебъ Срибнолукый за се и пославъ намъ биду превелыку
И не ранишъ винъ тепера іи одведе видъ Данайцивъ,

Якъ вы до батька вернете дивчыну съ поглядомъ яснымъ,—
Даромъ, безъ выкупу и якъ постачете жертву святую
Въ Хризу... Тилько тоди мы на мылость прыхылымо бога.»
Такъ проказавшы, на мисце винъ сивъ; а пиднявсь промижъ ными
Царь Агамемнонъ Атридъ, невгамонный державець Ахейськый.
Стало досадно ёму и гнивомъ палкымъ ёго серце
Сповнылось, очи жъ огненнымъ поломьямъ въ ёго блеснулы.
Першъ видъ усего Калхасови мовывъ винъ, дывлючысь люто:
«Ты, що вищуешъ биду! Ще николы мини не сказавъ ты
Доброго. Любо тоби завсегда все лыхе вищуваты;
Доброго слова николы ще ты не справдывъ и не мовывъ.
Ось и теперъ мижъ Данаями ты пророкуючы кажешъ,
Ниби-то богъ Аполлонъ ихъ за те нещастямъ карае,
Що за Хризову дивку я вельмы коштовныхъ дарункивъ
Взяты тоди не схотивъ и що дуже я хочу, щобъ нею
Певно владаты; бо дужче люблю іи одъ Клитемнестры,
Жинкы законнои. Що жъ? Хиба ся видъ тіи поганиша?

Хочъ и на выдъ, и на постать, на розумъ, та й
на роботу!...
Ни!!. Але я вамъ отдамъ іи заразъ, якъ що
такъ треба.
Хочу я краще, щобъ цилымъ народъ зоставався,
нижъ гынувъ.
Вы жъ мини заразъ дарунокъ готуйте, щобъ я изъ
Аргывцивъ
Безъ награжденя одынъ не зоставсл; бо такъ не
годыться.
Бачыте вси вы, що даръ мій у друге мисце отходе.»
Такъ одрикае ёму на ти ричи Пелидъ богоривный:
«Гей, ты Атриде! одынъ ты такый необачный въ
Ахейцивъ.
Видкы жъ Ахейци дадуть тоби подарунокъ почесный?
Мы не знаемъ, щобъ въ схови громадське добро
де лежало.
Що добулы зъ городивъ поруйнованыхъ, те й
подилылы
И не звычайно, щобъ люды назадъ виддавалы
здобуте.
Ты жъ за-для бога дивчину пусты, а мы тоби
по́тимъ
Въ трое за те виддамо, а може ще й бильше, якъ
Богъ намъ
Дасть зруйнуваты сей городъ, твердо-мурovану Трою.
Такъ, одрикаючы, каже ёму Агамемнонъ могучый:
«Слухай, Пелиде! Хочъ ты и завзятый; одначе
не думай

Зразу мене одурыть. Не одурышъ; та тожъ и не вмовышъ.
Хочешъ ты самъ тилько маты почесный дарунокъ; а я щобъ
Такъ, безъ ничого сыдивъ,—що велышъ оцю дивку виддаты.
Ни!... Якъ Ахейци дадуть мини инчый дарунокъ по серцю,
Добрый дарунокъ, щобъ бувъ винъ изъ сымъ цины однiеи,
Добре!... А якъ не дадуть, то и самъ я пиду, тай добуду,
Даръ почесный хочъ твiй, хочъ Аяксивъ, або й Одиссеивъ
Взявшы. А вже якъ до кого прыйду за нымъ, хай не гнивыться.
Але нехай-лышъ обмыслымо вдруге объ цёму, навпосли.
Заразъ же въ море святе корабѐль чорнобокый спустимо
И оберимъ скилько треба гребцивъ; гекатомбу поставмо
На корабѐль и туды одвезимъ Хризеиду вродлыву.
Въ ёму хай сяде старшымъ изъ порадныкивъ мудрыхъ хто небудь:
Идоменей, Одиссей велыкый, або Теламо́нидъ;
Або ты самъ, Ахиллесе! зъ воякивъ усихъ найстрашнишый.

Треба намъ знову ублагать Аполлона, прыносючы
жертвы.»
Люто на ёго поглянувшы, такъ Ахиллесъ одрикае:
«Лыхо!.. О, ты! въ безсоромья убраный несытый
хабарныкъ!
Хтожъ самохить изъ Ахеянъ послухае рады твоеи,
Щобъ або йты на війну або мицно зъ народами
бытысь?
Я не для-рады Троянъ войовытыхъ прыйшовъ у цю
землю
Бытыся зъ ными. Троянци ни въ чому мини не
повынни:
Коней моихъ и воливъ ще николы воны не займалы
Нывъ моихъ тежъ не пустошылы въ Өтіи багатій
и людній;
Правда, що гиръ высоченныхъ лежыть промижъ
нами багато,
Тожъ и море бухлыве геть-геть... навкругы прос-
тяглося...
Ни!.. За-для тебе, стыдкый! мы прыйшлы сюды
вслидъ за тобою
Съ тымъ, щобъ, побывшы Троянъ, зъ Менелая
изняты наругу,
Такожъ и съ тебе, собачый твій поглядъ! Ты жъ
и байдуже,
Ще й нахваляешся, що пограбуешъ мое награж-
дення,
Котрого-рады трудывсь я, воюючысь за Ахеянцивъ.
Я николы не маю такого, якъ ты, награждення,

Якъ Ахеянци беруть якый часомъ городъ троянськый,
Хочъ завсегда у війни що найважчу и гиршую працю
Рукы мои видбувають. Колы жъ передилъ наступае,
Бильще тоби награждення; а я зостаюсь при маленькимъ,
Зъ нымъ и вертаюся до корабливъ, утомывшыся боемъ.
Заразъ у Өтію иду я! бо бачу, що краще завчасу
На корабляхъ крутобокыхъ вернутыся цилымъ додому.
Ганьбу жъ прыймавшы, не хочу запасы й добро тоби дбаты.»
Швыдко ёму одрикае державець людей Агаме́мнонъ:
«Що жъ? и тикай, якъ ты любышъ тикаты. Тебе не просю я
Рады-мене зоставатысь. На́йдуться въ мене и инчи,
Що пошанують мене. А нихто, якъ Зевесъ промыслывецъ!
Ты жъ изъ дитей державця Зевеса найгыдчый для мене.
Любе тоби завсегда розладдя, сварка, та бійка.
Ты хочъ и дуже завзятый, та Богъ тоби давъ те завзяття.
Йидь же додому мерщій на човнахъ изъ твоимъ товарыствомъ;
Тамъ Мирмидонцями правъ, а мини вже про тебе байдуже,

Гнивъ твій мене не злякавъ, а тоби нахваляюсь я
ось чымъ:
Въ мене бере Аполлонъ Хризеиду хорошу, та мылу,
Бо одишлю я іи кораблемъ изъ моимъ товарыствомъ,
То выбачай! Я возьму Брызеиду, твое награж-
дення;
Самъ у наметъ твій прыйшовшы, щобъ добре ты
бачывъ наскилько
Выщый я тебе могучостью, та щобъ и другый боявся
Ривнымъ до мене робыты себе и змагаться зомною.»
Такъ винъ казавъ, а Пелидови гирко зробылось
и серце
Въ грудихъ мохнатыхъ ёго промижъ двохъ роз-
бывалося думокъ:
Або изъ пыхвы *) нагостреный вынявшы мечъ,
нымъ одразу
Вбыты Атрида; а другыхъ, якъ кынуться, геть
розигнаты;
Або втышыты свій гнивъ и душу свою вгамуваты.
Саме якъ розумомъ винъ миркувавъ про такую
одвагу,
Съ пыхвы страшный вытягаючы мечъ,—де взя-
лася Аѳына.
Зъ неба послала іи билорукая Гера богыня,
Бо обохъ ихъ любыла й однаково ными журылась.
Ставшы позаду Пелида, вхопыла ёго за волосся.
Мижъ усима жъ тильки винъ іи бачывъ, а зъ
другихъ ни ôдынъ.

*) Пыхва—ножны, футляръ.

Перелякався Пелидъ, бо, назадъ повернувшысь,
пизнавъ винъ
Зразу Аѳыну Палладу; страшнымъ іи поглядъ
здавався.
Ставъ говорыты винъ зъ нею и мовывъ крылатіи ричи:
«На що, Эгидодержавцева дочко, сюды изійшла ты?
Щобъ подывыться, якъ гордость свою роспуска
Агаме́мнонъ?
Ось же що я скажу, та и мыслю, що скоро те
й буде:
Занапастыть винъ себе отакою своею пыхою.»
Такъ одрикае ёму ясноока богиня Аѳына:
«Зъ неба зійшла я, щобъ гнивъ твій прытышыты,
якъ що ты будешъ
Слухатысь. Гера богиня для того мене и послала,
Бо обохъ васъ однаково любыть и журыться
вами.
Ты жъ розраду покынь! Словамы вже лай, якъ
зъуміешъ;
Тилько рукамъ не давай своимъ воли и мечъ
позоставъ ты.
Я жъ тоби ось що скажу и справдыться воно безпреминно:
Буде тоби колысь въ трое стилькы дарункивъ
коштовныхъ
Рады его гордування. Годи жъ! Будь намъ покирнымъ.»
Іи одрикаючы, каже сынъ богоривный Пелеивъ:

«Справды, богине!.. Треба послухатысь божого слова,—
Такъ воно краще, хочъ я и дуже теперъ роспалывся:
Хто поважае богивъ, то того и воны поважають.»
Кажучы такъ, винъ обперся рукою на державльно срибне,
Мечъ же здоровый у пыхву встромывъ, покорывшысь одразу
Слову Аѳыны, котора полынула зновъ до Олымпу
Въ ясну оселю Зевеса державця и другыхъ безсмертныхъ.
Сынъ же Пелеивъ упьять Атридови ставъ дорикаты
Словомъ вразлывымъ и овси гниву спыняты не думавъ:
«Гей, пьянюго зъ очыма собакы, зъ оленячымъ серцемъ!
Ты ни на бій изъ народомъ пидты не зважався николы,
Ни засисты въ засади съ що-налучшымъ військомъ Ахейськымъ
Серцемъ твоимъ не насмилывсь, бо се тоби смертью здается.
Де-жъ пакъ?! Легче далеко въ шырокому стани Ахейськымъ
Грабыты здобычъ у тыхъ, хто опаслыве слово промове.
Царю, глитаю-людей! Гараздъ, що ты казна-кымъ правышъ;

А довелось бы тоби вже отъ-се зневажаты въ остатне.
Я жъ тоби ось що скажу и ось тоби чымъ поклянуся:
Ся патерыця, що вже ни гилля, ни зеленого лысту
Вдруге не пусте, разъ на горахъ покынувшы пень свій....
И не цвистыме вже вдруге, бо скризь на ній мидь обголыла
Лыстя и кору, теперъ же Судди Ахейського роду,
Що бережуть постановы Зевеса, въ рукахъ іи мають, —
Ся патерыця нехай великою буде клятьбою:
Прыйде годына, колы вси Ахейци до одного будуть
Дуже бажаты Пелида, а ты, хочъ и будешъ журытысь,
Помочи имъ не дасы, якъ багато ихъ мертвыми ляже
Видъ душогубного Гектора. Тыжъ соби рватымешъ серце,
Лютый, що такъ найлучшого ты изъ Ахейцивъ зобидывъ.»
Мовывшы такъ, додолу кынувъ Пелидъ Патерыцю,
Всю золотыми гвиздкамы цвяховану, й сивъ. Проти ёго
Ще лютовавъ Агамемнонъ Атридъ и вставъ тоди Несторъ,
Гарнои мовы людына, розумный порадныкъ Пилосцивъ.

Мова солодча одъ меду изъ устъ ёго певныхъ
лылася.
Два вже колина людей за жыття ёго довгого зныкло
Тыхъ, що ранишъ у святому Пилоси жылы ще
при ёму,
Вси ти померлы; а се вже надъ третимъ коли-
номъ винъ правывъ.
Мыслючи имъ на добро, винъ почавъ имъ радыть
и каже:
«Горе намъ! Туга велыка Ахейськую землю спиткала.
О! Якъ зрадіе Пріамъ и зрадіють Пріамовы диты;
Якъ и Троянци уси звеселяться душею безъ краю,
Скоро почують, що вы за усе заводыте сварку, —
Вы, що й на ради, й на бои щодня мижъ Ахей-
цями перши.
Слухайте краще мене, — вы обое молодчи видъ мене;
Яжъ обертавсь мижъ людьмы ще й значнишыми
васъ и никóлы
Ще не лучалось того, щобъ мною воны гордувалы.
Бильше не бачывъ я другыхъ такыхъ, та уже й
не побачу,
Якъ Перифой, або Дріасъ, прывидця народивъ пид-
данныхъ,
Або Кенезъ, та Экеадъ, або й Полифемъ бого-
ривный;
Тожъ и Тезей, сынъ Эгеивъ, подобный богамъ
невмирущымъ.
Сталы воны изъ усихъ богоривныхъ людей най-
сыльнишi.

Дуже завзяти булы и, съ кымъ трапылось, бы-
тыся вмилы;
Зъ звиремъ счеплялысь нагирнымъ страшнымъ, и
ёго побывалы.
Отъ же и зъ нымы я мавъ обертання, прыйшов-
шы зъ Пилосу,
Краю далекого дуже, бо клыкать самы воны сталы.
Бывся тоди я укупи зъ нымы. Зъ людей, що
на свити
Маешъ теперъ, ни о́дынъ бытысь не зважывся бъ зъ
нымы.
Отъ же й воны шанувалы мене и пораду прыймалы;
Треба и вамъ покорытыся, такъ розумнишъ воно
буде.
Ты не беры въ ёго дивчыны, ве́льмы-могучый
Атриде;
Тыжъ перестань, Ахиллесе, съ царемъ уразлыво
спречатысь.
Рады того, що Царь Державець, одъ бога Кронида
Славою вкрытый, бильше видъ тебе здобувъ на-
гражденння.
Ты хочъ мицный соби тожъ и богиня тебе породыла,
Все жъ Атридъ наймогутнишый Царь и надъ биль-
шимъ народомъ царюе.
Ты жъ, Атриде! впыны свое гнивання; самъ я
объ тому
Щиро прошу тебе; лютость свою одведы видъ Ахилла,
Котрый для всихъ насъ у згубній війни оборона
велыка.»

Тутъ Агамемнонъ Атридъ на слова ёго такъ одрикае:
«Правда, старый! усе ты сказавъ хороше̇ и розумно.
Ось тилькы що: чоловикъ сей усихъ переважыты хоче;
Хоче всима верховодыты, надъ усима панувати,
Всимъ намъ загадувать. Тилько ни-хто ёго слухать не стане.
Що жъ? Хочъ богы и зробылы ёго до оружжа дотепнымъ,
Та хиба жъ воны й лаятысь рады того дозволяють?»
Слово ёго перехоплюе сынъ богоривный Пелеивъ:
«Ге! далеби бувъ бы я полохлывымъ и овси никчемнымъ,
Якъ у всему, що ты скажешъ, я ставъ бы тоби пиддаватысь.
Инчымъ пиды загадай; а мною шкода замышляты,
Бо пиддаватысь тоби.... я и овси не маю ще думкы.
Инче тоби я скажу, а ты положы те на серци:
Бытысь за дивчыну я ни съ тобою, ни зъ другымъ не буду.
Вашъ вона даръ, Ахеянци! Вы властны й назадъ одибраты.
Зъ инчого жъ, що въ мене йе̇ при моимъ кораб-ли крутобокимъ,
То вже наврядъ чи хто возьме що небудь безъ воли моеи.

Може хто хоче?... А ну, запытайсь! то побачуть
и други,
Якъ потече за те кровъ по довгому спису моему.»
Такъ словами вразлыво спречаючысь, всталы державци
И роспустылы раду передъ кораблямы Ахейцивъ.
Царь Ахиллесъ одійшовъ до своихъ кораблывъ
крутобокыхъ
Съ сыномъ Менетовымъ, тожъ и зъ инчымъ своимъ
товарыствомъ;
Царь же Атридъ спустывъ корабель чорнобокый
на море,
Выбравшы двадцять гребцивъ и жертву поставывъ
для Феба,
Та й Брызеиду одвивъ туды, дивчыну дуже вродлыву.
Сивъ за Отамана тамъ Теламонидъ, Ахеець премудрый.
Хутко воны поплывлы по безкраёму сынёму морю,
Царь же Атридъ товарыству звеливъ очищення
вчыныты.
Сталы воны очищатысь и кыдалы нечисть у море;
Потимъ, обравшы кизъ и телятъ Аполлонови въ
жертву,
Сталы огнемъ ихъ палыты на бе́рези моря святого.
Жертвы горилы и духъ пидіймався изъ дымомъ
до неба.
Такъ Ахеянци у стани робылы; а царь Агамемнонъ
Гниву свого не забувъ, якымъ нахвалявсь на
Пелида;

Заразъ поклыкавъ Талфибія и Эврибата, що въ его
Вирныи слугы булы, и таке приказання отдавъ имъ:
«Вирныи слугы! пидить, у шатеръ Ахиллесивъ Пелидивъ
И Брызеиду вродливу за рукы сюды прыведите.
Може винъ здума не даты,—то самъ прыйду я по неи,
Бильше набравшы людей. Тоди ёму гиршъ доведеться.»
Такъ промовывшы грізно, пославъ ихъ Атридъ Агамемнонъ.
Не́хитно слугы пишлы побережжамъ бухлывого моря
И пидійшлы до шатривъ и легкыхъ кораблпвъ Мирмидонськихъ.
Тамъ Ахиллеса побачылы, передъ наметомъ сидивъ винъ.
Вглядившы ихъ, не дуже зрадивъ Ахиллесъ богорівный.
Зъ острахомъ передъ Царемъ, ни сказаты не сміючи дила,
Ни запытаты ёго, воны мовчкы обыдва спынылысь;
Винъ же те заразъ почувъ своимъ серцемъ и такъ имъ промовывъ:
«Будьте здоровы, посла́нци, звистовнықы бога и смертныхъ!
Ближче сюды пидступить. Не вы, а Атридъ тому вынень.
Знаю, за чымъ винъ прыславъ васъ,—любую взять Брызеиду.

Друже единый, Патрокле! пиды прыведы Брызеиду:
Дай имъ, нехай одведуть. Самы жъ воны свидкамы будуть
Передъ богами щаслывымы й людьмы пидлеглымы смерты
И передъ лютымъ Атридомъ царемъ тоди, якъ настане
Вдруге до мене потреба, щобъ я видъ ганебнои смерты
Вызволывъ другыхъ. Винъ мабуть глузду позбувшысь лютуе,
Бо не уміе якъ слидъ зрахувать, що було и що буде,
Щобъ Ахеянци змоглы воюваться щаслыво для себе.»
Такъ проказавъ и Патроклъ послухався воли Державця.
Вывивъ мерщій изъ шатра уродлывую ту Брызеиду,
Давъ посланцямъ, а воны назадъ до Ахейського стану
Хутко іи повелы. Не охоче пишла вона зъ нымы.
Самъ же Пелидъ, изронывшы слезу, видійшовъ геть одъ стану
И коло берега сивъ; та дывлючысь въ море глыбоке,
Ставъ винъ матиръ богиню благаты, здіймаючы рукы:
«Мамо! Колы ты вродыла мене для недовгого вику,
То чи не мусывъ бы даты мини Зевесъ громовладный

Шану за те видъ людей? Такъ не давъ же іи а
ни трохы.
Царь гордовытый Атридъ Агамемнонъ мене зне-
важае:
Взявъ винъ мое награжденння, заграбывъ, та нымъ
и владіе.»
Такъ жалкувався винъ плачучы, й маты сына
почула,
Сыдячы въ самій безодни морській у господи въ
Нерея.
Зрынула съ сынёго моря мерщій, мовъ легенька
хмарына
И коло сына, слезамы облытого сившы тыхенько,
Любо ёго обняла и голублючы такъ говорыла:
«Сынку! чого ты рыдаешъ? Яка твое серце спит-
кала
Люта журба? Не ховайся, скажы, щобъ мы зна-
лы обое.»
Важко зитхнувшы, ій каже смутный Ахиллесъ
богоривный:
«Знаешъ ты. На що жъ тоби, объ усёму свидомій,
казаты?
Мы на Өивы ходылы, городъ святый Гетеонивъ
И зруйнувалы его; усе що було тамъ, забралы.
Все промижъ себе якъ слидъ подилылы Ахейци
безъ сварки
И Агамемнонъ узявъ Хризеиду изъ себе прегарну;
Потимъ же батько тіи Хризеиды, Жрець Апол-
лонивъ

До кораблывъ миднозбройныхъ Ахейськыхъ изъ Хризы прыходывъ,
Щобъ одкупыты дочку и выкупъ велыкый прыносывъ;
Та винокъ держучы задля шаны Стрильця Аполлона
На патерыци, прыязно дуже благавъ Ахеянцивъ
И найпаче Атридивъ обохъ, царивъ надъ народомъ.
Вси Аргивьянци тоди, якъ одынъ, закрычалы, що треба
Вважыть Жерцеви й дары одкупни дорогіи прыняты.
Тилько Атридъ Агамемнонъ того въ души не вподобавъ.
Гордо Жерця видиславъ, налякавшы лыхымы словамы.
Плачучы Хризъ повернувся назадъ и на щыре прохання
Вважывъ ему Аполлонъ, прыхыльный своему Жерцеви.
Заразъ наславъ на Ахеянъ повитря й багато народу
Гынуло о́дынъ по одному; боговы жъ стрилы литалы
По всему шырокому стану; тоди вже гадалець
Певную волю Стрильця Аполлона зъясывъ Аргивьянамъ.
Першъ видъ усихъ я раявъ тоди змылостывыты бога.
Агамемнонъ же гнивомъ скыпивъ та, изъ мисця схопывшысь,

Ставъ нахвалятысь на мене и тіи погрозы збулыся.
Саме теперъ Хризеиду на човни прудкимъ Ахеянци
Въ Хризу до батька везуть и дары Аполлонови щедри.
Въ мене жъ оце посланци видъ Атрида булы й Брызеиду,
Що Аргивьяне мини прысудылы, взялы изъ намета.
Мамо! маючы сылу, за сына свого заступыся.
Лынь на Олымпъ и Зевеса благай, якъ що ты догожала
Серцю ёго чи тамъ словомъ, чи може диломъ угоднымъ.
Чувъ я не разъ ще малымъ, якъ жывъ ще у батька въ господи,
Часто було ты расказуешъ, якъ видъ державця Кронида
Ты, зъ невмирущыхъ сама, велыку напа̀сть одвернула.
Въ часъ, якъ богы Олымпійськи ёго закайданыть хотилы:
Гера богыня, Поссейдонъ и зъ ными Паллада Аѳына.
Ты жъ, на Олымпи зъявывшысь, ёго слобоныла зъ кайданивъ,
До олымпійскыхъ чертогивъ сторукого въ помичъ клыкнувшы,
Котрого звуть Бріареемъ богы, а Еге́ономъ люды.

Велетень бувъ винъ страшнишый видъ батька
по сыли велыкій.
Сивъ винъ, величнистю сяючый, поручъ изъ Зев-
сомъ. Безсмертни
Всп полякалысь ёго и Зевеса въязать не посмилы.
Цее теперъ нагадай ты Кроныдови, й ногы обнявшы,
Щыро благай, щобъ винъ ставъ у війни пома-
гаты Троянцямъ.
Хай прожене Аргывьянъ до човнивъ и до самого моря
И покарае на смерть, щобъ Царемъ своимъ злымъ
невтишалысь,
Щобъ и Атридъ гордовытый державець дознався
напевно,
Що то за грихъ знеповажыты славного въ свити
Пелида.»
Сынови, плачучы, такъ одрикала богиня Өетида:
«Горенько! На що тебе породыла й зростыла я, сынку!
Хай тоби богъ посыла, щобъ ты жывъ безнапасно
й безъ горя
Коло Ахейськыхъ човнивъ; твій викъ и гиркый,
и недовгый.
Мижъ усима тоби, сыну, найгиршая доля судылась;
Певно нещасна годына була, якъ на свитъ ты
родывся.
Заразъ на вкрытый снигамы Олымпъ до Царя я
полыну;
Зевсови все раскажу, то може мене винъ послуха;
Ты жъ зоставайся теперъ край твоихъ кораблывъ
крутобокыхъ.

Гнивъ на Ахейцивъ поклавшы, видъ бою зовсимъ одсахныся.
Вчора Кроніонъ пишовъ и громада уся Олымпійцивъ
Въ край Океяна далекого, до Ефіопивъ на бе́нкетъ;
А на дванадцятый день прибуде додому Державець;
Заразъ тоди я пиду у мидяный будынокъ Зевесивъ,
Въ ногы ему упаду, то може Державця вблагаю.»
Слово скинчывшы пишла и зоставыла сына смутного
Плакаты гирко по страченій дивчыни, любій та гарній,
Що сыломиць одибравъ Агамемнонъ. Тымъ часомъ премудрый
Сынъ Лаертивъ прыбувъ зъ гекатомбою въ Хрызу святую.
Скоро ввійшлы зъ байдакомъ у глыбокую сагу морськую,
Заразъ згорнулы витрыла й поклалы на чорному човни.
Щоглу до мисця зложылы, схылывшы іи вирёвкамы;
Потимъ хутенько на веслахъ у прыстань байдакъ увигналы.
Тамъ воны кынулы якорь, прыпьявшы до берега човенъ.
Швыдко Ахейци зійшлы на берегъ морського безмирья
Швыдко для Феба державця звелы святу гекатомбу,
Швыдко и дивка ступыла на ридную батьковську землю;
Заразъ іи Лаертидъ передъ жертовныкъ звивъ, тамъ старому

Батькови въ рукы виддавъ и такымъ прывитавъ
его словомъ:
«Хризе! пославъ мене сыльный державець Атридъ
Агамемнонъ,
Щобъ я виддавъ тоби дивчыну й Фебови сыльному жертву
Тутъ за Данайцивъ прынисъ. Може цымъ ублагаемъ
мы бога,
Котрый народъ Ахеяньськый напастямы злымы карае.»
Такъ проказавшы, виддавъ Хризеиду и радисно
батько
Мылу дытыну обнявъ. Тымъ часомъ святу гекатомбу
Ставлють на жертовныкъ. Вси тутъ прыйиздж̑іи
люды Ахейськи
Рукы водою помылы и силь та ячминь пидіймають.
Голосно Хризъ ставъ молытысь, угору здіймаючы рукы:
«Слухай мене, Аполлоне, що Хризу видъ лыха
боронышъ,
Тожъ и Киллу святу и царюешъ надъ всимъ
Тенедосомъ.
Ты и попереду, якъ я молывся, благання послухавъ
И, шанувавшы мене, покаравъ еси добре Ахейцивъ.
Вчуй же мене и теперъ та й сповны мое щыре
жадання:
Згубне повитря назадъ одверны видъ Ахейськихъ
народивъ!»

Такъ винъ молывшысь казавъ, а Сминѳеець жерця свого слухавъ.
Якъ же скинчылы молытву й ячменемъ обсыпалы жертвы,
Вгору задралы имъ шыи; зарізалы, оббилувалы,
Клубы одсиклы мерщій и саломъ ихъ сытымъ прыклалы
Зверху въ два шáры, а потимъ поклалы ще мьяса сырого.
Жрець тую жертву на дровахъ полывъ и выномъ ще червонымъ
Скроплювавъ; хлопци жъ кругъ его въ рукахъ пьяты-зубци держалы.
А якъ ти стегна спалылы й уси скоштувалы утробы,
Все порубалы останне; тоди, на роженъ настромывшы,
Сталы пекты обережно, а спикшы зъ огню попрыймалы.
Працю скинчывшы, зробылы обидъ Ахеянци й доволи
Йилы; ни въ чимъ не було недостачи на бучнимъ обиди.
Якъ же бажання ижи и пыття вдовольнылы потроху,
Хлопци, вынà нацидывшы червоного повніи глекы,
Всихъ почалы частуваты зъ кухливъ видъ-права зайшовшы.
Цилый тамъ день Ахеянци спивалы благаючы бога.
Голосно й гарно Ахейськіи хлопци его велычалы.

Фебъ же Стрилець, почувшы ти спивы вельмы
звеселывся.
А якъ сонце зайшло вже и темрява землю повыла,
Спаты на бе́рези вси поляглы край човнивъ кру-
тобокыхъ.
Тилько жъ на свитъ занялось и румянная Эосъ
засяла,
Рушылы вси Ахейци назадъ до шырокого стану;
Самъ Аполлонъ срибнолукый пославъ имъ витеръ
погожый.
Щоглу поставылы и парусы напъялы Ахеянци.
Витеръ середній парусъ надувъ и кругъ чорного
човна
Хвыли сердыти и темни пидъ деменомъ заклеко-
талы.
Швыдко по хвыляхъ байдакъ прямувавъ, розга-
няючы воду.
Якъ же Ахейци прычалылы къ берегу саме край
стану,
Заразъ на берегъ стяглы изъ воды свій почер-
неный човенъ,
Геть по писку протяглы его, та пидложывшы
пидъ его
Добри полина, самы скоришъ розійшлысь по на-
метахъ.
Сынъ же Пелеивъ, швыдкый на бигу, Ахиллесъ
зоставався
Край човнивъ Мирмидонськихъ, держучы зло на
Ахейцивъ.

Въ раду, що людимъ прыносе шанобу, винъ не выходывъ,
Тай до війны не мишавсь, хочъ его щырое серце
Дуже журылось и прагнуло дуже кровавои праци.
Скоро жъ той жданый дванадцятый день засвитывся на небi,
Знову̑ назадъ до Олымпу богы поверталыся разомъ;
Всихъ же попереду Зевсъ. Не забула Өетида благання
Любого сына и зрынувшы рано изъ хвыли морськои,
Въ ранишній мгли полынула въ Олымпъ, на высокое небо,
Тамъ усезрячого Зевса побачыла осторонь другыхъ:
Винъ на шпылястимъ Олымпи сыдивъ, на найвыщій вершыни.
Сила й вона биля ёго, й ливо́ю рукою обнявшы
Ногы ёму, а право́ю торкаючысь до пидборыддя,
Такъ почала говорыты, благаючы Зевса Державця:
«Таточку Зевсе! Колы мижъ богамы тоби у прыгоди
Стала я словомъ, чи диломъ, то сповны мое ты жадання;
Сына мого пошануй; ёму викъ тутъ не довгый судывся,
А оттепера его Агамемнонъ Державець зневажывъ:
Взявъ винъ ёго награжденнья, пограбывъ, та нымъ и владіе.
Ты жъ, промыслывче Зевесе, за тую гиркую зневагу
Дай перемогу Троянцямъ, ажъ покы Ахейськи народы

Сына мого пошанують и славы ёму ще прыбав-
лють.»
Такъ благала вона, а Зевесъ не казавъ ій ничого.
Мовчкы сыдивъ винъ; Өетида жъ, якъ ногы ему
обхопыла,
Такъ и держала прыпавшы и стала у друге благаты:
«Певно мини обищайся и дай мини певну ознаку,
Або видмовъ, тоби страху не мае; щобъ добре
я знала,
Чи я у тебе зъ усихъ найникчемниша стала бо-
гиня.»
Важко зитхнувшы, ій каже збыраючый хмары Кро-
піонъ:
«Дило погане! Ты хочешъ мене презвесты до роз-
ладдя
Зъ Герою, котра розгнива мене уразлывою ричью.
Онъ вона й такъ безъ перéстану передъ усимы
богамы
Споре й крычыть, що я руку тягну у війни за
Троянцивъ.
Але ты йды соби геть, щобъ тебе тутъ не вгля-
дила часомъ
Гера. Це мій уже клопитъ, ажъ покы всего я не
сповню.
Бачъ: я ознаку даю головою тоби въ запевнення,
Котре видъ мене усимъ невмырущымъ бувае най-
бильше;
Въ мене воно завсегда не зворотне й по викъ
необлудне,

Бо не справдытысь не може, колы я повивъ головою.»
Такъ винъ сказавъ и бровамы ще къ тому давъ ій ознаку.
Тутъ волосся мовъ стигъ надулось до горы у Державця
На голови всевидючій и страшно Олымпъ затрусывся.
Такъ порадылысь и розійшлыся: Өетида въ безодню
Моря пирнула, знявшысь зъ Олымпа, блескучого снигомъ,
Зевсъ до хоромивъ пишовъ и безсмертни уси пиднялыся
Въ зустричъ Державцеви; навытъ нихто, а нихто не насмилывсь,
Сыдячы йдучого ждаты. Вси зустричать ёго выйшлы.
Тамъ на престоли винъ сивъ. Та не даромъ дывылася й Гера;
Вглядила все, якъ у двохъ изъ Зевесомъ чыныла пораду
Бога морського дочка, срибнонога богыня Өетида.
Заразъ Зевесови стала вона дорикаты вразлыво:
«Хто це зъ богивъ изъ тобою тутъ ра́дывся, хытрый Зевесе?
Любо тоби завсегда потайкомъ видъ мене державы
Думы таемни; николы ще ты, необачный Зевесе,
Зъ доброи воли мини не сказавъ про-вищо миркуешъ.»

Ій одрикае на це Державець людей и безсмертныхъ:
«Геро! за́миры вси мои знаты тоби негодыться,
Будуть воны за-для тебе важки, хочъ ты мини
й жинка.
Съ того жъ що видаты гоже, нихто нико́лы ничого
Ранче видъ тебе не знатыме ни изъ людей, ни
зъ безсмертныхъ.
А якъ я самъ безъ богивъ що небудь замыслыты
схочу,
Ты ни мене не роспытуй про те, ни сама не до-
видуйсь.»
Слово Зевесове зновъ перехоплюе Гера богиня:
«Хитрый Крониде! яке се ты слово мини промов-
ляешъ?
Я жъ ни про що не докопуюсь и не роспытую въ тебе;
Самъ ты соби завсегда замышляешъ по воли,
що хочешъ;
Я тилькы дуже боюсь, щобъ тебе не намовыла
часомъ
Дида морського дочка, срибнонога Пелидова маты.
Рано була вона тутъ и колина твои обнимала.
Ій ты кывавъ головою, хотившы, якъ я помичаю,
Честь видомстыты Пелидову й військо Ахейське
згубыты.»
Ій одрикаючы каже збираючый хмары Кроніонъ:
«Все ты наглядышъ, химерна, ни въ чимъ не
втаюсь я видъ тебе;
Тилько жъ ничого не зможешъ зробыть, а ско-
ришъ видцураешъ

Серце мое ты видъ себе, тоди тоби прыйдеться гирко.
Вже колы такъ учынылось, то певно така моя воля;
Ты жъ соби мовчкы сыды, та й ричей моихъ слу-
хайсь;
Бо не поможуть тоби вси богы, скилько ихъ йê
на Олымпи,
Якъ я устану й на тебе здійму необорніи рукы.»
Такъ ій сказавъ. Волоокая Гера богиня вжахну-
лась;
Сила й замовкла, серце свое не вгамонне скри-
пывшы.
Сумно зитхалы небесни богы у Зевесовимъ доми,
Тутъ имъ почавъ говориты Гефестъ, митець Олым-
пійскый,
Матери любій своій догожаючы, Гери билявій:
«Гыдки такіи дила и навить зовсимъ нестерпыми...
Тилько по думаты: вы зъ-за людей ворогуете люто
И мижъ богами заводыте сварку: зъ бенкета буч-
ного
Згине утиха, колы вже взяло перевагу злочиньство.
Матери щыро я ражу, хоча и сама вона мудра,
Щобъ учиныла слухянисть Зевесови, а то винъ
знову,
Якъ розгнивыться, то намъ скаламуте веселый
нашъ бенкетъ.
Отъ тильки схоче гремячый зъ Олимпу богодер-
жавець,
Всихъ поскыдае съ престоливъ богивъ, винъ сыль-
нишый мижъ нами.

Мамо! озвыся до ёго словами ласкавыми й знову
Стане Державець прыхыльнымъ до насъ, якъ бу-
вавъ и давнише.»
Такъ винъ сказавшы уставъ и кухоль двоястый
пиднявшы,
Матери любій до рукъ падае и ій такъ промовляе:
«Ридная мамо! зтерпы и знесы, якъ ни тяжко те
буде,
Щобъ не прыйшлося мини тебе любую бачыть пидъ
гнивомъ
Зевсовымъ: бо, хочъ и жаль мини буде великый,
та тилько
Помочи дать тоби я не зможу проти Зевса Дер-
жавця.
Адже було вже давно, що, якъ я ратуваты су-
нувся,
Винъ мене взявшы за ногу, зъ порога небесного
кынувъ.
Цилый день я летивъ и тоди вже, якъ сонце сидало,
Впавъ на Лемноси и тильки, тильки, що душу
додержавъ.
Тамъ мене впалого любо Синтійськи мужи пры-
вытали.»
Такъ винъ промовывъ и Гера билява богиня всмих-
нулась;
Зъ усмихомъ яснымъ одъ сына взяла вона ку-
холь у рукы.
Винъ же, зъ правои рукы почынаючы, й другымъ
безсмертнымъ

Нектаръ солодкый розносыты ставъ, насыпаючы
зъ глека.
Регитъ велыкый щасливи богы пиднялы промижъ
себе,
Дывлючысь, якъ по будынку Гефестъ управляеться
зъ кухлемъ.
Такъ увесь день, покы сонце зайшло, богы Олым-
пійськи
Бенкетувалы, втишаючы души на бучній гулянци
Голосомъ гарнои, тыхои лыры въ рукахъ Аполлона;
Тожъ и спивами музъ пидъ бренчання тыхои лыры.
А якъ пирнуло у море свитло блескучого сонця,
Вси, одпочыты бажаючы, разомъ пишлы до господы,
Де на высокимъ Олымпи имъ кажному бучный
будынокъ
Мудрый Гефестъ збудувавъ помитецькыхъ своихъ
миркуванняхъ.
Зевсъ, Олимпійскый Державець, пишовъ до своеи
одрыны,
Де й повсегда спочывавъ, якъ одвидувавъ сонъ
его тыхый,
Тамъ винъ сномъ започывъ и зъ нымъ билорукая
Гера.

В. Самойленко.

Безталанна Вдова.

(Думка.)

Посвящ. П. А. Кулишеви.

Роне лыстя дибривонька.
Гирко плаче удивонька:
Ой, ты Боже мылостывый!
Мій талане нещаслывый!

Чымъ я въ свити провынылась?
Передъ кымъ я проступылась?
Що мини немае доли,
Мовъ былынци тій у поли.

Видкы бъ витеръ ни пиднявся,
Съ кымъ бы винъ ни борюкався,
Винъ бурхае черезъ поле,
А былынци бидній горе.

Бо поглянь, якъ витеръ стыхне,
Съ хмары мисяць рогы выткне:
Тыхо всюды, всюды мыло,
А былынку покрутыло.

Тамъ одирване стебельце,
Тамъ колючку втысло въ серце
И нихто не поратуе,
И нихто не пожалкуе.

Мала мужа я лыхого,
Не було життя видъ ёго;
Видсахнулась видъ злодія,
Малась любая надія...

Зажылы изъ нымъ мы ризно.
Клыкавъ зновъ. Та... ба! Вже пизно:
Я хылылась до другого,
Ждалось щастя дорогого.

Диты часомъ бунтувалысь,
Все додому намагалысь;
Я имъ воли не давала,
Гвалтовня була чимала.

И зосталась вирна слову,
Вынна Богу, більшъ никому.
Першый вмеръ въ розори съ пьянства,
Видъ безпутства и лукавства.

Та туды ёму й дорога
За зневагу виры въ Бога....
Самъ пропавъ и все пропало,
А всего було не мало.

Я жъ теперъ въ морозъ и въ спеку
Знай працюю на опеку;
Та зъ мого святого слова
Мало зерна, більшъ полова....

Нарикання безкинечне,
Насмихання безсердечне,
Не можу сказаты слова,
Не така бъ то въ мене мова.

А яки мои забавы?!
Не зосталось ихъ и славы.
Заспивала бъ инде писни—
И на те запреты звистни.

Та всёго й не росказаты,
И перомъ не напысаты....
Якъ то гирко!... Серце вьяне...
Нещаслывый мiй талане!...

Вл. Александровъ.

Тры сестры.

(Казка.)

1.

На пичи спыть дидусь, на лежанци бабуся.

Коло столу сыдять на лавкàхъ тры сестры и прядуть. Веретенця у ныхъ и гудуть, и туркочуть. Любо сыдять соби сéстры, прядуть и розмову ведуть потыхеньку. Що наймéнчая зъ ныхъ та й замыслылась. Дàли всмихнувшысь хытнула русявою головкою и почала свою писеньку-казку:

— «Усадочку дивчынонька,
Ой, та ирве калыноньку,
Калыноньку спилую
Рученькою билою.
Зачепыла витоньку,
Та вдряпнула лыченько.

«Роскажу я братику;
Визьме винъ сокыроньку,
Та мене послухае,
Геть тебе одцюкае.
Ой, тоди просытымешъ,
Бильшъ мене не бытымешъ.»
Витонька ій голосно:
— «Буде мини болисно;
А якъ прыйде весонька,
Зновъ я гарно выросту;
А твое, дивчынонько,
Якъ змарніе лыченько,
Вже краса не вернеться,
Смихъ у плачъ обернеться.»

2.

Сыдять соби сестры любенько; прядуть и росказують.—«Тепера ты заспивай, сестро Марысю!» Середулша сестра та й замыслылась. Огнемъ запалалы румяннiи щоки. Изъ ныхъ же вона була що найкращая, а до того ще й заручена. Повернеться скоро женыхъ изъ дорогы, заграе музыка троиста и загуляють гучно та бучно. Всмихнувшыся весело, почала Марыся:

— «Въ дорогу, дивонько, збирайся;
Жде тебе пойиздъ, не гайся;
Зъ родыною та й попрощайся.»
Дивчинонька плаче-рыдае,
Биліи рукы ламае,

До ридныхъ своихъ промовляе:
— «Прощай, моя ридная ненько!
Прощай, мій голубоньку тату!
Ой, покыдаю жъ я ридную хату.»
Дивчинонька плаче-рыдае,
На визъ до мылого тыхо сидае,
Зъ новыхъ воритечокъ та й выиздjае:
— «Ой, годи жъ плакаты, годи!
Наче по страти и шкоди!
Будешъ ты пани въ своій господи.»

3.

Сыдять соби сестры любенько; прядуть и розмовляють тыхенько. Що-настарша зъ ныхъ та й замыслылась. Лычко поблидло, а въ очихъ дви срибни слёзынкы блеснулы. Схылыла вона сумно головоньку и такъ почала:

— «Молода и дружкы вже давно повбиралысь;
Стёжками, квитками та й заквичалысь;
А тамъ надъ зеленымъ темнесенькымъ боромъ
Литае и кряче та чорнесенькый воронъ.
Чого жъ винъ той воронъ литае та кряче?
Чи лыхо вищуе, чи горе винъ бачe?»
А въ церкви у дзвоны найперше забылы..
— «Ой, де жъ забарывся коханый мій мылый?
Ой, чомужъ ёго тута немае?»
Молода у дружокъ потыхеньку пытае.
— «Твій мылый въ своій убирается хати
У злото и шаты препышни, багати.»

А въ церкви у дзвоны удруге забылы...
— «Ой, дежъ забарывся такъ довго мій мылый?
Ой, чому жъ ёго тута и досы немае?»
Молода у дружокъ полохлыво пытае.
— «Твій милый убрався, твій милый готовый,
Ище тилько поясъ повьяже шовковый.»
А въ церкви у дзвоны утретье забылы...
— «Ой, Боже жъ мій, Боже! Та де жъ се мій мылый?
Ой, чомъ же мыленького й досы немае?»
Молодая въ дружокъ та жахлыво пытае.
— «Изъ коныка впавъ и забывся твій мылый;
Бояры его вже на стилъ положылы.
Ой, годи жъ въ винчальнимъ убранни ходыты,
Иды по миленькому плакать, тужыты.»
Стала дивчынонька гирко рыдаты,
Зъ себе винчальне убраннячко рваты.
А въ церкви вси дзвоны та сумно завылы...
— «Ой, де жъ ты? Ой, дежъ ты, коханый мій милый.
Безъ тебе мини свитъ-сонця нема.»
Молодая голосыть, молодая рыда.
Вьеться, трясеться неначе лысточокъ,
Упавъ изъ головкы на землю виночокъ.
А въ церкви вси дзвоны ще сумнишъ завылы:
«Покынувъ, покынувъ дивчыноньку мылый.»

4.

Що найстаршая зитхнувшы замовкла. Веретенця въ сестеръ густы престалы. Ни одна не гомоныть, тилько слёзы зъ очей въ ныхъ закапалы густо. За викномъ щось загуркотило; бабуся прокынулась, загомонила и впьять старенька заснула. А на сестеръ мовъ тыхая тыша злетила. Кажна зъ ныхъ сумно спаты лягала, кажна зъ ныхъ думку про себе гадала....

Ц. Билиловськый.

ПЬЯНЫЦЯ.

(Зъ народныхъ устъ).

Ой, зацвила червона калына
Надъ крыныцею;
Худо жыты, моя матусенько,
За пьяныцею.
Що пьяныця-ледащыця що-дня пье;
А якъ прыйде та додомоньку,
Мою головоньку бье.
Жиноцька писня

I.

Батько було каже: слухайте, дитки, старого чоловика. Я на свити доволи прожывъ и всего дознавъ.

Була я соби одна въ батька. Винъ на мене дывывсь, якъ мисяць на зори: дуже мене кохавъ.

Багато мене сватало, та нихто мини не бувъ у такій уподоби, якъ одынъ парубокъ. Що якъ уже я его запобигала, якъ уже я за все бралась, щобъ люды про мене добре слово сказалы! Спершу я, було, й боюся помыслыты про любощи, ни съ кымъ було й на улыци не постóю, а то вже й на досвиткы и такъ поденно до людей хожу, и въ батька робыла якъ могла, щобъ такы добра луна дойшла до того, кого мини треба.

Такы такъ воно й сталось. Покохались мы. Засылае винъ старостивъ. Батько каже: «не йды, дочко, за Хвастыка: умыесся слезою; а не послухаешъ, то вже до мене й не прыгортайся. Запобижышъ его якъ золота, а не збудешъ, якъ во-

рога. Хто держыть голову на бикъ, та одягне сыній жупанъ,—у васъ и духъ займеться. Не йды, доню! пророкую тоби лыхо. Ты на его вроду завыдуешъ, а що винъ на своему господарстви важыть? що винъ за чоловикъ?»

А я кажу: «Нехай же хоть знатыму, за що терпитыму.»

— «Дытыно моя! ты мовъ изъ огнемъ жартуешъ, а мое серце въяне. Не заглядайся на его чорни бровы, щобъ воны тоби не сталыся налыгачемъ. Глядыжъ, не жалійся посли; не шукай у менѐ порады; не кволысь, якъ воно выйде не такъ. Яжъ ёго й малымъ хлопцемъ знавъ.»

Вразыло мене батьково слово въ серце. Якъ такы можно таке говорыты?! Та подывытысь тилько на мого Грыця, то мовъ серцемъ до серця прытулытысь. Хорошый же бо такый, якъ намалеванный!

Передъ новымъ годомъ я ворожыла: клала соломьяный мистокъ черезъ воду въ мысочци и що жъ побачыла я во сни? По сей бикъ рички сады цвитуть, соловейки спиваютъ, а по той бикъ метелыця мете; а пидъ снигомъ, пидъ метелыцею старець до рички бреде: скорчывся, згорбывся, трусыться, въ дирявому рыззи; простягае до мене руку, просыть, щобъ его черезъ хыбкый мистокъ у свій роскишный садъ-выноградъ перевела. Жаль мини стало старця; ступыла на мистокъ, мистокъ якъ захытаеться! я въ воду.... ухъ! тай прокынулась.

Що се за сонъ? проти чого? думаю соби. Чы мини батька слухаты, чи свого серця? Послухаю серця, тай пишла за Грыцька.

II.

Одно тилько батько сказавъ, провожаючы мене та плачучы такымы, якъ бибъ: «гляды-жъ, Стехо, не йды за порадою до мене. Колы що... возьмы воды въ ротъ, та й держы. Нагріеться вода, зновъ наберы. Такъ робы, щобъ ступыты и не переступыты.»

Хатына въ его на курячій нижци: тилько що держыться. Въ хати голо. А на ему такы було.

Маты его, звисно, удова: якъ винъ росходыться, заразъ на пичъ зализе, та й мовчыть. Спочатку, якъ було сперечаеться зъ нымъ, то винъ ій каже: «то вы мене, мамо, вчылы, теперъ я васъ учытыму.» Якъ идѐ видкиля, то хочъ опивночи, а я вже щобъ и стерегла двери одчыняты ему: а то торохъ, торохъ у викно, ажъ скло дзеленчыть. А обидать якъ сяде, того й гляды, що мыска й ложка полетыть, якъ що небудь перепустышъ, або не додасы.

Маты вже мовчыть и не мишаеться ни въ вищо. А я пыльную порога, щобъ утекты.

Горилку добре вжывавъ. Чы то того, що стала пидмога, такъ винъ загулявъ, чы Богъ знае. Чи то якъ оженывсь такъ и зажурывсь; чи то ему зроблено? Правда, що я у подушци въ себе

писля весилля знайшла де що... може то про его, а може й про дитей.

Винъ и швець добрый; тилько, що заталаныть, то все й прогайнуе въ одну ничъ; а мы безъ шматка хлиба сыдымо̀. Було менѐ бье, бье, та й засуне пидъ пичъ; я зовсимъ не жыва. Посли одійду, погляну на его бровы, якъ шнурочкомъ зняти, та й думаю: на васъ уповала! Самъ якъ картына, зубы перластеньки. Радисть моя, одрадо моя! Серце въ мене було одхидлыве; я про все й забуду.

Свекруха було мене навчае: «не все чоловикови одкрывай, не всю правду.» Вона̀, було̀, менѐ жалуе. Може того̀, що сама̀ була безчасна, а винъ зазнався. Мы его вдвохъ, жалувалы черезъ край: мисцечко ему промиталы; а намъ промытои воды не було̀; винъ насъ николы не жалувавъ. Самъ пье, гуляе, а насъ и словомъ не прыголубыть.

III.

Свекруха вмерла скоро,—чы зъ велыкои тугы, чы одъ велыкои праци: бо винъ ій ничымъ у господа̀рстви не запомагавъ. Мини ще погиршало. Зосталась я одна, ни съ кымъ слова промовыты. Тилькы на его втишаюся мовчкы, хочъ знаю, за що и одъ кого терплю. Бье винъ мене, абы я озвалась, що люды роботы нанеслы, можебъ винъ що вробывъ. Колы не кулакомъ, то словомъ прыснопыть. Никого й соромытись. Насъ

двое; щодня вже за мене береться. А я байду-жечкы; спиваю було про себе:

«Любывъ мене, маты, запорожець,
Водывъ мене босу на морозець;
А я жъ того, маты, та и байдуже,
Люблю запорозця вельмы дуже.»

До батька не йду жалитысь. Батько не маты,—видсахнувся. Не вволыла его воли такъ и не треба мини ни порады, ни одрады.... А може мій коханый Грыць и получчае? Може въ его йе яка болячка на сердци. Я жъ его люблю; згляну на его,—орелъ, та й тилько. На сели такого моторного парня й не було. Хвастыкъ, кажуть, цвяшокъ велыкый! Те мини ничого, що про его кажуть. И въ свити нема надъ его вроду и короливны ему мало: у хату ввійде, то якъ зоря зійде.

А посли вже що да́ли, якъ ставъ мини дошкулюваты, усе те зъ его зслызло. Не шанувавъ себе. Ту красу мовъ витеръ обвіявъ.

Отъ якъ ставъ уже мини дошкулюваты, тоди я: батечку, мій голубчыку! Мій оборонныччку, моя затулочко, обороны мене видъ лыхои годыны, видъ невирнои дружыны!

Далеко батько, не чуе. Потужу сама соби въ хати, та й не йду хвалытысь батькови: такъ винъ мене прыгрустывъ своимъ остатнимъ словомъ, щобъ не ходыла, хочъ яке жыття. Бье и пье до загыну. Умываюсь я рясными слезамы.

Годи вже й спиваты:
«А я того та й байдуже,
Люблю запорозьця вельмы дуже.

Другои вже теперечкы завожу:
«Колы бъ же я та все знала,
Изъ тобою бъ не стояла;
Гуляла бъ у батька,
Гуляла бъ до вику
Дивчыною молодою.
Ходыла бъ я по дворочку,
Якъ бджилочка по медочку;
Роспустыла бъ русу косу
По червчатому поясочку.»

IV.

Сыжу, було, сыжу та й побижу въ шынокъ про его роспытатысь; а колы и до сусиды перехо-ватысь; а писни самы бредуть на думку, тилько вже не дивоцьки, а ти, котрыхъ я зроду й не спивала:

«Довелося хазяину
Мною рукы та потыраты.
Ой, потырай та потырачу,
Колы тоби та довелося;
А я буду корытыся,
Колы мени горе нялося».

Та й зновъ себе розважу, мижъ люды йду, трохы розибью свое горе. Винъ того не любывъ, щобъ гарненько йты до людей; а по шынкахъ

бе́седу мавъ. Прыятеливъ собп назбирае, зрадныкивъ и якъ упьеться, такый добрый: всихъ ушануе, всимъ угодыть, гроши въ его кризь пучкы сыплються; уси его тоди такъ люблять, сего потырача, нероба. А въ симьи шматка хлиба немае и тила ничымъ бы прыкрыты, якъ бы не вино. Сваталы кращи, не пишла:

«Сама соби не вгодыла,
Що пьяныцю полюбыла.
Така доля моя нещаслывая!»

Але не все жъ такый гармыдеръ буде: може, воно якось перейде. Пивтора року я мучылась; дитей не було. Чымъ я вынна? а винъ и за се сердывся и казавъ, що якъ не буде, то винъ мене вбье. И часто, чи треба, чи не треба, по потылыци й зациде. «Ты, каже, бездитуха!..!»

Я до ворожкы; такъ, щобъ и винъ не знавъ. Люды кляти такъ наробылы. Якъ я йшла замижъ, такъ у мене въ по́душци було, якъ я вже казала, станочокъ плахты, калынови ягоды, свичечка, силь и цеглына, це все въ по́душци знайшлы: хтось наворожывъ.

А якъ у кого хлиба нема, а дитей якъ сараны,—знову дорикають, що багато. Оце жъ то и въ мене було въ по́душци про дитей... Усе бигаю до ворожкы. Люде мене радять. А до батька боюсь и натыкаться и ворожбытивъ боюсь: бо моій же такы сестри, що вдругыхъ, якъ давъ у пляшечци чогось, такъ у неи якъ пишлы диты,

такъ истыно якъ сараны наплодылось. Та все що понесе до хреста, такъ воно и вмре и вмре: бо то булы чортенята.

Такъ я не хочу до ворожбыта, а пишла до ворожкы, такъ вона мини дала тилькы симья конопляного, звисно прымовывшы: «На, каже; пиды до схидъ сонця по воду, намочы не надовго, а посли и увьяжы въ кинець запаскы: чи проросте? А ту воду сховай и тры дни іи потроху пый.»

Я такъ и зробыла. Ни жыва, ни мертва хожу. Якъ не проросте, то, думаю, пиду утоплюсь, щобъ не горюваты. Якъ свекруха ще жыла, то було якъ небудь душу одведу; а теперъ уже якъ сама стала, стины ними, та й тилько.

Ему може й добре. У его гроши, у его праця,—его люды знають, винъ у беседи. Мини жъ и хаты покынуты не можно. Колы яка копийка ему трапыться, винъ у тій беседи іи и посадыть. Усе мовъ запобигае людськои ласкы, щобъ господарство, бачте, поправыты, та нихто тіи копійкы й не побачыть. Якъ бы я дивка була; то хочъ бы вильна була до людей на роботу пидты; а теперъ я одризана скыба одъ хлиба. Винъ закрыеться очыма й плечыма, ему ни що не рупыть. *Я зганена, знyжена тымъ, для котрого* все забула, все занехаяла. Винъ соби до вподобы напьеться, на щебечеться и прыйде йисты, спаты; часомъ трохы й попоробыть, щобъ знову пыты,

веселытысь. Я жъ слизьмы й порогы по обмывала. И батька й роду свого черезъ его одцуралась и молодощивъ своихъ, красы своеи, всего позбулася за-для его, а винъ мини, що за се поступывъ? Ему й байдуже, що я сама̀ день-денычкы якъ голубка гуду, якъ зозуля выкую, выплачу. А пиду куды, заразъ: «Де ты була? хату кыдаешъ, не доглядаешь ничого; а я роблю, каже: побываюся.» Тоди ему й хаты стане жаль, якъ я куды на часыну пиду. И на що мини ту хату доглядаты и для кого?

— «Я, каже, труджусь, працюю; изъ людьмы вожусь, ласкы ихъ запобигаю, щобъ мене люды зналы, щобъ роботу давалы.» Такый старый якъ розгомоныться. А де жъ той прыбутокъ? Ни коривного, ни одижного прыбутку. Тилько сухый хлибъ.

Усе думала, що винъ своимъ коханнямъ мини на жыття пидможку дасть. Пусто въ хати, сухо въ горли. Ничого сказаты, пожывылась любощамы якъ собака мухою. Щобъ даты яку прысмажку на обидъ, такъ и то свою копийчыну потрачу; одъ его непытаю, абы вже не сперечався; запаску свою до жыдивкы однесла, застановыла.

V.

Якъ батько казавъ: не важся за его йты, то я слухала его черезверхъ. Теперъ думаю: може Господь утишыть насъ дытыною,—то чи

не одійде трохы. А то, якъ симья не проросте, то не довго думавшы, шубовстьну въ копанку! Тилько бульбашкы побачуть. Коротки мукы. Сказано, до такои роспускы дойшла, що тилькы втопытысь. Ажъ чую, наче що пидъ серцемъ поворухнулось. Боже! щастя мое! Одрадо моя! Жду его не диждусь, якъ изъ беседы прыйде щобъ похвалытысь. Швыдче въ запасци узлыкъ розризала и запаску поризала, щобъ подывытысь. Ажъ симья пароспочкы пускае. Я плачу, скачу сама соби, рукы до Бога простягаю. Стала на лавци, обняла поциловала образъ, обтерла мокрымъ вихтыкомъ его, обмыла своимы слизьмы. А то серце було такъ затужавило, такъ захололо, що й слизъ уже не було и Бога була забула, такъ духомъ зъубожила, такъ зачучверила.

Першъ, то було затычу и бижныкъ запашнымъ зиллямъ, рушныкъ изъ орламы повишу, що недили павутыну по обмитаю. А то стало такъ, якъ у хливи. Серце трухне и не знаю, для кого и для чого я жыву. Було бъ батька слухатысь, було бъ, було бъ.... та ба!...

Отъ же такы Господь змылосердывсь надомною; проросло симьячко! Покы винъ прыйде, побижу, думаю, хочъ батька звеселю. Побижу, досаду розирву! Бильше року не була. Якъ тамъ спивають:

«Ой, давно, давно въ батенька була;
А вже жъ тая дорыженька терномъ заросла,

Терномъ заросла, пыломъ прыпала,
Червоною калыною позавысала.
А я той терновъ ножемъ вырижу,
Червоную калыноньку въ прыпилъ выламлю,
До батенька до ридного въ гости полыну».

Надумалась и прыбигла до батька. А винъ у свою хату симью впустывъ до себе, бо якъ ему старому одынокому було жыты? И хата рачкы стала бъ.

Вбигла. Де батько? Его нема: у клуни самъ мо́лотыть. Мини его треба. Доблыжаюся до клуни-одляскы йдуть, да не такъ уже гучно, якъ колысь. Серце трохы замерло, а я ажъ горю... Прыбигла на тикъ. Винъ такъ зрадивъ и цыпъ покынувъ! До мене наблыжывсь. Я его въ руку поцилувала.

— «Що, моя голубко? Ще тебе ногы носять? Ще ты крипка? А що Хвастыкъ та цвяшкы ще тоби не впеклысь?»

— «Ни!» кажу сміючысь.

— «Кажы вже!»

А самъ такъ подавсь. Стилькы зморщынъ по выду попролягало за си часы. Хочъ я его инколы и вбачала, та не часто.

— «Ни, каже, моя дочко, було бъ лучче мене слухаты. Краса злыняе, сыни жупаны зносяться, цвяшкы постоптуе, а господарства винъ изъ роду не провадывъ и серце въ его жорстоке. Якъ маты его було ще малымъ до шевця виддавала, то я

тоди ще бачывъ, яки зъ его люды будуть. Винъ тилькы те й робывъ, що одъ шевця втикавъ. Змію зъ паперу зробыть, та по селу й гасае. То сильце поставыть, та пташокъ ловыть, а посли ихъ душыть. То щеня прыпне на матузочци та й держыть его голодне. Воно выщыть задравшы голову, вызволу просыть. А й скотыну дуже грихъ обиждаты. Маты его не ему ривня. Побожна и правдыва була людына, легко ій лежаты! Винъ іи тилько зневажавъ.

— «То жъ винъ бувъ маленькый, кажу. Годи вже, тату. Я вамъ щось хочу сказаты.»

— «Хвалысь, дочко, хвалысь.»

А голосъ у его такъ дзвеныть, мовъ розбытый казанокъ.

— «Я радисть вамъ, тату, скажу (сама ажъ не встою). Вы одсердытесь на его.»

— «Ничымъ тоби хвалытысь, дочко».

— «Слухайте тату: у васъ чи пакъ у мене буде сынокъ, сказала я обмылывшысь на радощахъ.

Мини якось и не тее було батькови сымъ хвалытысь и трудно було мини си ричи вымовыты, але якъ знала, що се его дуже потишыть, похвалылась.

— «Колы бъ давъ Господь! колы бъ давъ Господь, щобъ у мене бувъ онукъ! Господы, Ты бачышъ мои гиркы слезы, Ты почувъ ихъ, сподобъ же на рукы прыняты дытыну нашу; удостой,

Господы, а то у нашого роду обро́сты мало, ридъ щось не плодовытый.» А втершы слезыну, каже:

— «Моя ты безталанна! Не хотила слухаты старого батька... Хорошый, хорошый та й лыхо жъ хороше! А двохъ весенъ не бувае. Я зъ твоею матусею двадцять два рокы прожывъ, якъ одынъ день мини здалося. Не нарикала на мене.»

— «Годи вже, татку, журытысь. Чи я вамъ жалилась, або людямъ?..»

— «Тоди бъ ще легше було. Тилько зглянуты на твои очи, то й знать, скилькы воны слизъ вылылы. Може одъ кого й сховаесся, а одъ батька ни. Колы бъ тебе Господь пидкрипывъ дождатысь утихы, то тыбъ и додержалась на симъ свити. Винъ то крипыться, врагъ его не взявъ. Я все знаю и бачу. Хочъ винъ округы и ходыть огородамы до жыдивкы, а мини выдно, якъ у шынокъ уходыть. Не дуры мене.»

— «Ни, татусю, не обиждайте его. Винъ николы лыхымъ до мене не бувъ.»

— «Якъ ты ввийшла до мене въ клуню, я на сылу тебе пизнавъ. Отъ що! Бачу я сонце, та кризь хмару: такъ и твій смихъ, веселый поглядъ, якъ скризь тучу. Скилько разъ я порывався до васъ, та що разу супьячався. Бо якъ бы наскочывъ на хатне лыхо, то не стерпивъ бы и розирвавъ его, твого мыловыда.»

— «Ни, таточку голубчыку, мини добре, я все спиваю.»

— «Ты думаешь, що мини люды наторочылы? Я тилькы на тебе зглянувъ, та на ти двери, такъ и прочытавъ. Я людей тикаю, мини й такъ тяжко. Добре що й не ходыть по узъ мій двиръ.»

— «Мини, тату, така радисть! Пиду ще й ему похвалюсь.»

— «Постричай тебе, Господы, моя крыхотко! Самохить себе занапастыла.»

— «Не журиться, кажу: не слухайте, що на его брешуть. Хай воно за витромъ иде.»

Та й побигла.

VI.

Прыхожу додому, а винъ саме въ хати, червоный пречервоный, ажъ вылыскуеться... И копылъ у рукахъ держыть, и де що такъ по лави пороскыдано: товару люды понаносылы доволи. Якъ я ступыла на поригъ, заразъ пытае:

— «Де валасалася?»

— «Тамъ, де й ты. Пивтора року высыдила въ домивци, ще никуды й не пиды!»

Такъ смилыво ему одказала, бо ма́ла радисть ему сказаты.

Копылъ такъ и засвыставъ надъ головою. Не влучывъ у мене: бо въ пьяного двоиться.

— «Ну, ну, кажу сміючысь: сидай, та чобиткы шый. Дасть тоби Господь помичъ, хлопчыка».

Винъ змынывсь изъ лыця. Усмихнувсь, наче подарувавъ. У мене ажъ ушкы засміялысь. Я на-

блыжылась до его, кажу веселенько: будемо робыты, хазяйство гарно провадыты, щобъ диткамъ було що...»

— «Добре, добре!»

— «Бачъ якъ тебе, кажу, Богъ жалуе. Ты хотивъ дитокъ, отъ и будуть! Я буду сорочечкы шыты, а ты оцей товаръ на людей перешыешъ, такъ одбудемо й хрестыны й похрестыны.»

— «Добре. Се тоби ворожка сказала?»

— «Ни, я сама почулася.»

— «Ну, дай Боже! будемо працюваты, каже. Теперъ я ляжу трохы видпочыну.»

— «Не лягай кажу: заразъ даватыму обидать.»

— «Ну, добре.»

Пообидавъ и лигъ спаты. Тыхо въ насъ. И мини якось веселишъ; и за обидомъ мы такы трохы погомонилы, якъ люды. Такъ у насъ наклюнулось, наче на хороше жыття. Отъ же, думаю, може съ посмиху та й люде будуть.

Ото вставшы, взявсь за роботу; попошывъ трохы и такъ ничого. Я по хати вештаюсь и свитъ мини пошыршавъ и все мини округы всмихаеться. Гляну, копылъ лежыть. Хай же лежыть, ничого й не казатыму наумысне: бо винъ тоди бувъ не при своему розуми. Нехай самъ побачыть свои вчынкы; его торкне совисть.

Та ще йду, та мовъ нехотя й покочу ногою, або спиткнуся, та й не пидийму, щобъ винъ самъ на те увагу зробывъ. Винъ такы й постеригъ;

уставъ, пидиймае одніею рукою, а другою мене піймавъ за чохла и такъ гарно тыхымъ голосомъ до мене промовывъ: «Обидывъ я тебе бидненьку вчора», и такъ счервонивъ, якъ мій очипокъ.

Мы всмихнулысь... Я такы й кажу: «не робы сего николы, Грыцю. Бо хто жъ твоихъ дитокъ буде доглядаты, якъ я все буду тужыты? Винъ такы тыхою ходою одийшовъ и до самого смерку шывъ. Робота ажъ горыть у его въ рукахъ. Якъ бы не пьянство! Увечери тилько сказавъ: «Пиду похмелюсь, а то голова болыть.»

Я кажу: у мене есть десять шагивъ, я пиду и прынесу тоби; абы его задержаты, абы винъ трохы одвыкъ одъ шынку, одъ своихъ порадныкивъ, та розрадныкивъ. Лучче самъ соби нехай дома выпье.

Не пустыла его разъ и друге; ничого. По сумовавъ трохы и ставъ шыты. Трохы и грошей заробывъ. Люды ще роботы пидносять, а винъ ро́быть та й ро́быть.

VII.

Уже Богъ намъ давъ и сына. Я вгадала. Винъ такъ радіе. Упывся такъ на хрестынахъ, що й на ногахъ не встоявъ. Ну, я байдуже, що на радощахъ. Такъ уже Степанко насъ пидвеселывъ. А я его все здержую; якъ стане зрыватысь до жыдивкы.

А то ще й жыдивка була побожна, не дуже дурыла; бо мене любыла. Я було въ суботу, то

пиду, такъ и корову ій выдою, и такъ чымъ поможу. Уже й чималый нашъ Степанко, уже й на друге надумалы. Хочъ и пье и бье, та меньше. Я возьму, та дытыною и затулюся. Диждалы мы й дочкы. Винъ не кается: попывае.

— «Чого такы тоби, кажу, въ ту беседу ходыты? Якъ пидешь, то тамъ и гроши посадышъ, а тутъ на все треба!»

— «Такъ и мене жъ поштують.»

«Яка жъ изъ того корысть, що й тебе поштують? У насъ пры души копійкы нема. Ты бъ гулявъ дома. Диты скучають по тоби.»

И такъ якъ колы, то и вгамую, зупыню. Та трудно и ридко се бувае. А то кулакомъ на мене намирыться, такъ диты въ крыкъ, у лементъ та трохи его й осадять.

Але то все тилькы боротьба була одна. Щобъ навесты на просту дорогу, ніякъ не зорудовала; выбылась изъ сылъ и ничого не зробыла. А люды сталы вже дуже на его ремствоваты, що довго товаръ держыть у себе; або позакладае чужый товаръ у жыдивкы.

Диты вже й чимали, уже бъ треба що й посправляты, або до школы поотдаваты. Чужи дитки якъ бджолы гудуть, бижать изъ кныжечкамы, а наши чучверіють.

Я велыку надію покладала на свого Степанка. Якъ появыла его на свитъ, то баба й звелила сховаты пуповыну и якъ уже буде воно

таке що трохы стане розумиты, то даты ему ту пуповыну розвьязаты. Якъ розвьяже, то буде до всего здатне. Щожъ бы вы думалы? Дала, такъ здывовалысь люды, якъ воно тымы пучечкамы одразу и розвьязало!

Оце бъ уже воно й грамоты бралось и якъ бы батько учывъ шеству, то й чоботарь зъ его бувъ бы. Само соби ножемъ струже, то санчата, то возыка було. Та не нашему теляти та вовка пійматы. Бигають у насъ диты голи, якъ цыганчата.

Батько, дождавшы первого онучка, ненадывывся, не навтишався, та скоро и вмеръ. Усе его здоровья на журбу мини йшло. Було и въ хату до мене не ввійде. Прышле було сусидку, щобъ я несла онучка. Такъ було втишаеться! було хытаючы ажъ засапаеться. Не хотивъ и бачыты мого чоловика.

А я було кажу: слухай Грыцю: якъ ты пусто йдешь, то й я пусто пиду. Винъ мене коромысломъ якъ опереже... А я другою дивчыною ходыла, третего дня и знайшла. Ну, чы можно жъ изъ такымъ чоловикомъ зъорудоваты? Пустывся берега зовсимъ.

Не настачуть мои рукы на трехъ дитей и на его. Я вже багато хлививъ оббигала, нехай якъ хоче, такъ и жыве соби, думаю. Було и жыдивци заказую, щобъ не давала ни на виру, ни въ закладъ щобъ ничого не брала. Мало вже заробиткивъ було. Бо за товаръ, та й у шынокъ.

Разъ панночка занесла свои ботыночкы плюнелеви, полагодыты, такъ винъ у шынокъ та й заставывъ. Вона дозналась, насылу въ жыдивкы выручыла.

VIII.

Диты сталы пидростаты. Бачу лыху годыну, треба дитей пускаты по людяхъ. Бо що за день батько за горюе, то за ничъ и прогайнуе. Ни яка сыла, ни яки слезы, ни яке нарикання, ни що его не торкае! На дитей дывыться и не бачыть, що воны голодни й холодни.

Якъ же то мени самій тяжко на его дывытысь, що винъ себе такъ попустывъ! Гиршъ усего и важче усего те, що передъ чымъ молылась, у чимъ кохалась, теперъ дывлюся якъ на свою отруту, на свою и дитську погыбель! Бидна моя головонько!

Теперъ мене и диты не тишать. И квиткы на богахъ посохлы, по опадалы и павутыною павукы позасновувалы. А диты, якъ опудала, позамурзувани ходять, сорочкы до пьятъ, порозздырани. Боже! чи се жъ мои диты, мои найдорогши квиты? А яжъ то думала пануваты!... Замазуры мои, ще мени й усмихаються, и не мислять про те, що маты журыться, усе що мала, позаклaдала, то попродала, то пупоризній баби поплатыла та попови, то хустками, то плахтамы. То бъ давъ полтинныка, або восьмыгрывенныка, якъ бы було; а то до жыдивкы плах-

ту цупышъ изъ скрыни, або намитку, що коштуе карбованець и два, та оддасы й за два злотыхъ, якъ ни за що выкупыты, та й за те ще уклонысся!

Все така думка, що винъ опамьятаеться. То все нажытне, изновъ розжывемося. Якъ пиде на добро, то й купымо, абы давъ Богъ здоровья. Теперъ душа такъ захырила, що никого нездужае кохаты, и диты не мыли, тилько жаль ихъ. Бидни диты! Нема, въ васъ ни батька ни матери!

Иноди каже мени: «ты дитей учышъ, щобъ воны мене ненавыдилы!» Бо... якъ винъ мене бье, то воны проби крычять и его бояться, на пичъ ховаються. Чи я жъ ихъ учу? Позырну въ викно, якъ вертаеться зъ шынку: «Боже! оце мои роскошы идуть! Оце моя затула й потуга!»

Чоловиче мій, роскоши мои!
Роскоши превелыкіи!
Роскошылася я за тобою,
Якъ верба надъ водою.
Поздоровъ Боже мого мылого
Да й мене коло его;
Винъ мене любывъ, рано не будывъ
До кужиля лянного;
Самъ рано встае, мене прыкрывае,
Щобъ була я молоденька:
Ой засны, засны, моя мыленька,
Голубонько сывенька!

Оце жъ то роскоши мои видъ жыдивкы лизуть, помацкы въ день дверей шукають... Убо-

ге, обидране, задрыпане, огыджене, осміяне, зглузоване идè...

Хто тилько не схоче, той тилько его и не бье, якъ пьяный. Уже й здоровья его подалось. Ничымъ уже его й прыкрыты и въ мене пусто. Уже свій ставъ струментъ тягаты до шынкарькы, жыто носыть и все, що попаде! А то було й на таланъ наклюнулось, такъ и телычку купылы. Щожъ? Купылы, та черезъ пивъ-року и продалы: ничымъ було годуваты. Колы люде косять, заробляють, ему прытьмомъ у шынокъ треба йты.

«Э, мини треба, каже, йты: тамъ такый чоловикъ буде, що казавъ роботу дасть.»

И роботы не здобуде, и послидне свое посадыть, и косовыцю упустыть, и такъ усе литечко збижыть.

Я й на прощу его посылала. «Що ты думаешь? що я дурный? усюды Богъ!»

«Усюды, кажу, абы мы божи булы...

«Ты все на мене нападаесся! а я про дитей, каже, дбаю.»

Зновъ: чоловичокъ якыйсь обищавъ роботу. Та й гайда до шынку.

Чи то до Бога, чи до людей?! Трухне мое серце!

IX.

Пиднялысь диты. Е ихъ и по горахъ, и по долынахъ, и по всихъ украинахъ. Наняла я свого Степанка и стала пропытуваты, щобъ и див-

чатъ понайматы. Хай хочъ людямъ на корысть буде. Потеравъ винъ объ мене свои рукы и до дитей сикаеться. Хай хочъ диты не бачуть лыха. Поблагословыла и одвела ихъ до людей. Одно другого здоганяе.

На що Богъ давъ такый законъ крипкый? И роду и пра́роду закажу, щобъ не ходылы замижъ.

«Не показуй, було каже свекруха, усего стегна чоловикови, а тилько половыну; не кажы усіи правды и не показуй грошей.»

Я тилько теперь прыгадую усяке іи слово, легко ій лежать! Вона мене крепыла своею радою; а чоловикъ такъ и прывьялыть словомъ. Уже до краю дійшовъ. Та де я тыхъ и грошей наберу?

— «Ты жъ, кажу, бачышъ, що на мини не чоботы, а стари шкарбуны, ни спидныци нема. Подывысь, кажу, яке на мини рыззя!» А на мини якъ на те жъ мовъ чортякы одежу деруть, такъ у звязаній спидныци й хожу.

Винъ мени николы ничого ще не справывъ. Я ему казала: «буду я розумна, не буду я тоби даваты грошей. Та якъ скажу, що се мое, такъ винъ мини каже: «такъ шкура на тоби и закыпыть!! Ты моя: я тебе закупывъ за тры копійкы, ще у твоеи матери!»

— «Хто тебе знае! може й закупывъ, якъ я въ недузи лежала.»

Та такъ на мене чмарою и лизе.

«Не лизь, кажу, и не быйсь, а то зовсимъ убьешъ!»

Такъ було одволожыть!.. Охъ, Боже! У мене разъ по разъ у серци якъ цуркою крутыть.

— «Ой, не бый мене, моя родыно,
Сырою дубыною;
Побыла мене лыха годына
Невирною дружыною.

Що дали, то гыршый стае. Сыдыть у шынку, не йде до мене. Якъ ножемъ одризано! Въ явкы горилкы не дають; а чогось же винъ та тамъ стремыть. Такъ мене вколе въ серце ся думка! Обую, шкарбуны, та й бижу его зъ шынку тягты. Ничого мини не каже, тилько чмыше.

Позычу було де грошей, та й оддамъ своимы, абы бильшъ не напывавсь:

«Далысь мени узнакы
Чоловичи кулакы;
Кулакамы по бокахъ,
Долонямы по щокахъ.
Прыйшлы жыды грабуватъ—
Ничого у мене брать.
Була ложка, помело,
Та й те зъ дому загуло.
Якъ бы дома я була,
То бъ я того не дала.
А я синечкы мела,
Та шукала помела;
Нахылылася пидъ стилъ,

Лежыть чобитъ и постилъ.
Слава Богу, що знайшла!
Обулася, та й пишла.
Черезъ гребельку иду,
Якъ голубонька гуду.
Ой щобъ зналы по селу,
Що я въ чоботихъ иду.
Чого мыла надулась?
Чому въ кожухъ не вдяглась?
Щобъ у тебе такый духъ,
Якъ у мене йѐ кожухъ!»

X.

То у насъ була жыдивка мылосердна. Оце було прыйде до неи задныкы заставляты. Дай, каже, мини осьмушку. А вона: «Давай же въ рукы задныкы, а то я тоби не вирю.»

А я вже за спыною свого пьяныци и стережу. Отъ винъ и дасть жыдивци. А вона: «Визьмы Стехо,» та й оддасть мини. Звисно, винъ уже на мене и на неи такъ и скыпыть.

А друга, було, якъ ни прошу, не берить закладу, якъ що заставляе; такъ ни, и потаиться. А винъ и чоботы мои и черевыкы пропывъ и свытку хлопцеву. Розоряе насъ. То жыдивка прыхыльна була до мене, я іи й порадныця пидъ часъ була. И вона безчасна була, хочъ и не пьяныця іи чоловикъ... Слидъ жыдивськый одна наша жинка брала, щобъ жыдъ іи любывъ, а

своеи жинкы щобъ не любывъ. Брала и замазувала у коминъ, щобъ сохъ, якъ іи не буде любыты.

Жыдови можно изъ нашою жыты, а жыдивци не можно зъ нашымъ; бо кровъ хрыстыянська у ихъ виру перейде. И баба наша якъ бабуе въ жыдивъ, то тры рокы й не говіе. Якъ же бо коло жыдивськои крови ходыты.

Пье мій чоловикъ, мини и на горщыкъ не дае грошей.

«Чортъ тебе беры! Хочъ и въ очипку, каже, вары.»

Хлопець пидрисъ; охота погуляты, одежи нема ніякои.

— «Хочъ бы ты одежынку купывъ.»

— «Абы було купыло,—отъ що одказавъ.

— «Вивса, чи жыта продать можно бъ, кажу. Ще не все поилы, умолоты. Якъ давъ же винъ мини молотьбы, такъ и зубы росчиплювалы.

Ой, не бый мене, мій мыленькый у день,
Да не смишы челядонькы и людей;
Побый мене, мыленькый, у ночи,
То я переплачу билу постиль стелючы.

Горе намъ жинкамъ изъ симы пьяныцямы! Що имъ? Празныкують! Пьють пьяныци цилый день, потимъ борються; потимъ ну быться, потимъ позыватысь; потимъ мырытысь и за всякымъ разомъ чаркуються, та все й по пропывають. Тилько нема найдурнишого якъ мій пьяный, усихъ

частуе. Сыдыть у шынку разъ у разъ, оббырька-
ный и спивае:

«Та ще жъ бо я не вмиравъ,
Обпершысь на пляшкы;
Да ще жъ бо я не втерявъ
Жыдивськои ласкы...»

Боже! увійду, подывлюсь на ёго: сыдыть зъ пьяныцямы, патякае; регочуться. Имъ смишкы, а кому й горе! Боже мій! свите мій! ажъ сыроты повыступають, дывлючысь на ёго! Уже мое золото гряззю взялось, и не маячыть. И на що си шынкы выдумано! Разъ я трохы не посердылась изъ жыдивкою, докаріючы іи шынкарьствомъ, а вона до мене дуже добра була. Не зазнала и вона добра зъ своимъ чоловикомъ. Прочула якось, що іи чоловикъ та кохаеться зъ молодыцею. Гирке ій стало жыття черезъ сю чутку. А та молодыця брала спидъ іи жыда слидъ и замазувала въ коминъ, щобъ до неи жыдъ кохався. «Не журысь кажу: безъ прымовкы ничого не буде.» Вона трохы зрадіе.

Я було піякамъ кажу: «пыйте, та его не заволикайте!» А то ще прыйдуть пидъ викно. До хаты вже и не вступають: бо я кропывьянымъ симьямъ такъ и засыплю. То воны пидъ викномъ... «Грыцьку, Грыцьку! выйды щось треба сказаты!»

Такъ и вылене! и потяглы до шынку. А якъ я що скажу: «ты бъ пишовъ та лицынкы де заробывъ кгрынджола, огородъ бы обгородылы, а то пустыня, чужи свыни усе повыидалы.

«Николы! мене люды лають, що довго товаръ держу. «Бидолажни воны люды си пьяныци! Воны бъ и не пылы, та шынкари имъ такъ роблять. Оце якъ пьють у шынку люды та позоставляють недопыткы, то воны позлывають у чарку, та й пидсунуть чоловикови. Дывысь, и ставъ чоловикъ гиркымъ пьяныцею. Отъ яке лыхо си шынкари кують.

Сыжу, сыжу, бувало, дома; думаю про се думаю, схоплюсь та й побижу его ратуваты. И гоню и прошу, було; ничого не вдію; а часто и зъ сынякамы вернуся зъ шынку. Жыдивка мене разъ у разъ обороняла.

Мини іи жаль! Вона такъ любыть свого пейса, свого жыда, а винъ уподобавъ соби нашу.

Хвалылась: ледве, каже, очипка зъ головы въ неи не зирвала. Выйшла, каже, смеркомъ на двиръ, ажъ щось пидъ повиткою треться, вовтузыться щось... Я туды, а вона шмыгъ: трохы, трохы очипокъ въ руци не зостався... Уже бъ я ій славу зробыла. Бидна! побываеться, такъ якъ и я. Мій гыдкый, такъ зъ нымъ нихто и кохацця не хоче. А той жыдюга блещыть якъ золото! У его и пейсы золоти, борода у кучери повылась; яломочокъ оксамытный!...

Хочь и не мое дило, а чому бъ отому жыдюзи не любыты своеи жыдивкы?! Тамъ така прыстойна, чесна и гарненька, и багатого роду, та вже мабудь и чахотку достала. «Жалую, ка-

же, его такъ! и матери и батькови своему не хвалюсь, а сама журюсь до загыну. Такъ и іи пожыткы дарма йдуть.

— «Я оце, Стехо, съ тобою тилько и поговорю и поплачу. А своимъ боюсь и казаты, щобъ не дойшло до батька, та до матери! тилько ихъ викъ за смучу.»

Я було и знаю, про ту жинку, бо що вечора шасть! по узъ мое викно; а я за луткою коло викна сыжу, проти мисяця мычкы мычу, або пряду; свитла нема, то що бъ люды не вказувалы, я соби захылюсь та й кручу веретеномъ. Та я все мовчу; хочъ и жыдивка, а такъ іи жаль... Такъ вона его любыть, мовъ и не жыдивка.

XI.

Держалы мене на свити диты. Мини вже й веселише, якъ его нема на очихъ. По тры недили було тягаеться, хто его знайде.... Сама бьюсь изъ дитьмы. Хлопець трохы заслужыть, Ганнуся и Катруся.

Винъ николы и не пытавъ мене, видкиль яка шустелына взялась. Ще и ему сорочку напряды, пошый, а прыйде, то я ему и воды зогрію, та вымыю голову и самъ щобъ обмывся. Разъ те, щобъ не наносывъ усякыхъ болистей: у мене жъ диты; а друге, се жъ такы ихъ батько, та щобъ и ему було легше на тили. Прыйде та ще и буруе; а що знайде въ комори, у шынокъ и за-

бере. Пиде до дитей и поодурюе: у котрого карбованця визьме, у кого копoвыка. Звисно я ему выговорю, що воны голи, навидданню; а ты имъ ничого не прыдбавъ.

Ну, та слава Богу! въ Ганнуси де що вже и въ скрыни йѐ. Що напряду, до ткали однесу; а грошей у неи жъ возьму та й заплачу. То свытынку куплю, за іи гроши, то запаску, то те, то се, та все въ скрыню и бгаю, та дома и не держу скрыни, а въ чужыхъ людихъ... Горе тилько, що не передъ моимы очыма будуть дочкы? Якый небудь зрадныкъ знайдеться, насміеться. Одправляючы своихъ дочокъ до людей, наказувала: «глядить, диты; служить добрымъ людимъ, славы своеи не каляйте, щобъ васъ люды хвалылы и любылы.

Прыйдуть до дому на святкы, якъ ясочкы; щебечуть якъ соловейкы. Косы у ихъ роскошіють. Самы повніють. На чужому хлиби мои дочкы въ сылку вбываються и на другый рикъ ихъ зоставляють хазяины. Росту я въ гору, а все такы боюсь за ныхъ и часто одвидую. А воны мовъ изъ воды йдуть, мои лебидкы. Прыйшлы зновъ на святкы. Позароблялы вже соби трохы и одежыны, повбиралысь; такъ ій Богу! и въ мене очи горять, и плакать хочеться. Бо я зовсимъ була колысь така якъ Катруся; а Ганнуся на мои очи ще й краща здавалась. Боже, Боже! скилькы то вы выплачете слизъ! Ганнуся трошкы ще якось не смилыво дывылась зъ-пидъ лоба и чи за-

сміеться, чи застыдыться, такъ искры и сыпле зъ очей. Не то що якъ чужый хто заговорыть, а хочъ и зо мною. У Катруси вдача друга. Голову вгору несе. Дывыться смилыво, очи блакытни якъ небо, велыки; тожъ румьянецъ; а косы якъ золото, ажъ до пьятъ; у тіеи чорни. Якъ поубираю ихъ до церквы, позаквичую, то и ушкы въ мене сміються, такъ ными втишаюся; та имъ сего не выказую. А йдить, кажу, до церквы. Воны выйдуть. А я зъ-за комори забижу и все дывлюсь на ныхъ, покы не стане ихъ выдно. Витеръ мае стёжкамы, воны якъ струночкы. Тилько меньша иде, такъ все охорошуеться, усе на соби облажуе, то лычманъ, то намысто, то назадъ оглядаеться, чи доладу въ юпци усы лежать, такъ якъ голубъ оскубуеться; а то и не хитнеться, якъ стрилка.

— «Ну, въ тебе и дочкы! кажуть сусидкы, та и сплюнуть.

— «Та слава Богу! не каликы, кажу, усихъ у церкви заломылы! Нехай и хазяйськы дочкы поховаються». Я не хожу, самы мене ноги носять. Весело мени на ныхъ дывытысь. Не напасу своихъ очей, на ныхъ глядячы... И оце видъ такыхъ дитей чоловикови одвернутысь?! Се жъ Божа роса та й годи!

XII.

Було куды ни пидуть мои дочкы и поденно робыты, або що, николы ганыбы не чуты. Було

якъ идуть зъ дому: то я ихъ навчаю: бережиться лыхыхъ людей! не всюды таки гарни хлопци якъ наши, другый пидлестыця, та и зведе тебе зъ ума и на викы тоби свитъ завьяже. Особлыво боялась за Ганнусю. У попа ій добре було, уже третій рикъ кинчаеться, якъ вона въ ныхъ служыть; та тамъ наймыты позаводылысь. А тамъ де Катруся, тамъ я була спокійна: тамъ хочъ и булы хлопьята, та благородни.

Пишла я разъ до дитей. Прыйшла до Ганнуси до первои, бо вона на перепутти. Прыйшла, такъ попадына дочка и каже: «хороши твои дочкы, Стехо! Хто війде въ хату, панахыду занесе, або хрестыть дытыну, то все роспытують: изъ якого села, видкиль, де жыве батько и маты? Тильки, Стехо, пидверне Катруся пидъ корыто твою Ганнусю и мини такъ наче цуркою въ серци повернуло. Се жъ бо обидно Ганнуси буде, якъ менша та ранишъ пиде замижъ, пидверне старшу пидъ корыто! Воны хочъ и молоди и убоги, а люды все запытують, що мьясныць. Я всимъ одказую, що ни съ чымъ.

А Грыць мій такъ, якъ парубокъ, ни про що не дбае и дитей у его наче нема: ни чымъ не журыться. У мисяць разъ заверне до дому. Я спершу такъ стыдылась якъ почула, що винъ у скыткы пишовъ, а то вже й рада: якъ бы що и прынисъ! Та тилько опричъ четырехъ шагивъ одъ его ничого не бачыла, а що прыйде, то его

и погодуемъ и прыодягнемъ. Себе я стала жалуваты; щобъ на свити ще пожыты та дитей трохы до ума довесты. Такы мене дочкы пидвеселылы! Оце тилько попадына дочка мене засмутыла, що такъ Катрусею мене налякала.

Пишла я дали, провидать и Катрусю. Благополучно и тамъ. Така огрядна робыться, та гарна: здоровья у неи за двохъ.

Вернулась я до дому и грызе мене одна думка: треба оддаваты Ганнусю, якъ тилько люды знайдуться. Не йде въ мене оте корыто зъ думкы. До колодязя пиду, «корыто» такъ и стоить у серци. У комору пиду послидне выскребты изъ засика, «корыто!..» Хай же тоби хринъ! Та побигла до ткали, забрала хусткы и покы той мьясоидъ наступывъ, я ихъ и побилыла.

Прыйшовъ празныкъ, попрыходылы до мене и дивчата, и хлопець. Ажъ тутъ не забаромъ и старосты.

Гарный парень и не по нашему, здаеться, пирью, та я знаю, якъ бы ще погуляла и люды іи роспизналы, то й не такого бъ соби хозяина знайшла. Зъ сымъ тилькы якъ у хрещыка гулялы святкамы, такъ тоди спизналася трохы. Не далеко видъ мене и жывуть. Парень до всего здатный. Хочъ воза поладыть, хочь рало зробыты, ступу, ночовкы, усе зробыть, и непытущый.

— «Оце, кажу, дывысь! не слипа, и не крыва, и не крывобока.»

А то люды, якъ почулы, що старостивъ заславъ, сталы крывдыты, що кульгава та всяки поговиркы пустылы. Звисно: заздристь. Взяла мене досада, що люды іи хочуть окаличыть. Ихъ дочкы по вечерныцяхъ бигалы, та й не кульгави и не крывобоки; а мои може и зъ досвитокъ повтикалы бъ, якъ потушять хлопци свитло... Я и сама по досвиткахъ не ходыла, а кохатысь умила.

У вечери кажу: «Ты бъ, Ганнусю, у комори лягла спаты. Тутъ мени треба для тебе напирныкъ и къ весиллю набываты.

Вона мнеться.

— «Не бійсь ничого, стелысь у комори.»

— «А якъ Васыль?»... каже.

— Ни, кажу, винъ першъ у хату, а я й не пущу. А тебе вклычу.

А сама ажъ кыплю. Рада бъ и на досвиткы іи посылаты, щобъ укоротыты цокотухамъ языка.

Трохы згодомъ чую шамъ, шамъ по синяхъ. Налапавши двери въ хату, Василь увійшовъ.

Те та се про батька, про волы, та про лозу.

Я мовчу.

Догадавсь парубокъ. Выйшовъ у сины, мовъ воды напытысь, а двери въ комору тилькы рыпъ! Я й рада-нехай самъ бачыть, що и не кульгава и не крывобока. О! си цокотухы! даються у знакы добрымъ людямъ.

Я бъ іи не отдала ни за що въ свити такъ рано, та все корыта боялась. Черезъ годокъ я вже

и бабою була!... Таке жъ хлопьяточко прегарнесенько Богъ имъ давъ. Оце я було озвуся до его: Йосю! Винъ такъ опукою и кынеця до мене. Свекруха тилько лыха̀ була, а свекоръ добрый, побожный. Чи миря вона полотно, що въ купи прялы, чи дилятьcя вовною, коноплямы, усымъ обидыть. Що жъ? матери гирко бачыты свою дытыну пидъ корытомъ, треба було поспишатысь.

А Катруся?.. Катруся... Охъ! я іи не доглядила, бо вона жыла у самыхъ благородныхъ...

Разъ прыйшла гостюваты додому, ажъ прыйшлы іи свататы. Двери въ насъ одъ старостивъ не зачынялысь. А то прыйшлы таки свататы, що ни кола, ни двора. Вона се й знае. Я и выпровадыла. Ще, кажу, недавно оддала першу; нема ничого, не надбано. А вона стоить у синяхъ.

— «А що, мамо, не отдасте?»

А я кажу: Якъ же се? Хиба такъ, що хочъ за вола, абы дома не була?

Вона соби якось губы оддула. А мини и не въ догадъ.

Колы жъ разъ прыхожу до тіи пани, де Катруся служыть...

— «Беры свою дытыну, (якъ довбнею мене по голови) щобъ вона соби якого лыха не заподіяла».

— «Що ты, Катрусю, не здужаешь, чи що? Що се про тебе кажуть?»

Вона сыдыть якъ квитка: подавыла себе за бокы, подавыла.... Ни, каже, мамо; ничого, се такъ,

якъ було колысь. Бачу, бачу! лыха моя годынонько!

Забрала іи до дому, идемо̀. Силы пидъ коморою; я іи й пытаю. Якъ се сталось?

— «Та я и сама не знаю... Мене напоилы, чи такъ чогось далы. Далеби не знаю... не знаю.

— «На що жъ ты, доню, уповала?

Чи на его кони, чи на его гроши?

Чи на его вроду що хорошый?.»

— «Я не знаю.»

— «Люды жъ на що небудь та дывляться, на що небудь бьють. А твоя краса такъ и пропала!»

Оттаке то лыхо! Тилько мини и втихы съ тыхъ двохъ, а ся пропала на викы!

Сынъ же мій такый жалибныкъ! Тишыться мною, що я ще молода. А посли: «Вы, мамо, прямесенько сыдить: оттакъ!» та й выпрямыться.

— «Сыну! Горбатого могыла выправыть! Мене давно уже горе згорбыло!»

— «Ни, мамо! се вы не хочете!«

Та самъ прямесенько и сяде проти мене. И горе и смихъ изъ нымъ. Пестыть мене, цилуе.

А іи уже и не турбую, моеи биднои Катруси, щобъ уже благополучно знайшла.

А якъ же то матери весело, колыбъ усе було по закону! Якъ оце послидню дытыну отдають замижъ, або женять, то зовьють винокъ изъ лепехы, та зъ пруськои цыбули сережкы и по-

вишають; та въ човенъ посадять, та й возять по селу. А то вже поганыхъ писень спиватымуть. А часомъ и хомутъ матери надивають, та й водять по селу.

Страхъ мене ошыбавъ, про таке думаючы. Якъ спарувала я Ганнусю зъ Васылемъ, то сваха другого дня прывезла мини пырогы, усе по два въ пари позвьязувани; а теперъ то якъ воно буде?

Якось проводыла я сусиду видъ собакъ, а вона мини й каже: «не во гнивъ тоби, Стехо, щось я въ тебе попытаю. Чи правда, що твоя Катруся вповни?»

— «А що?» кажу.

— «Та вчора, каже, иду я и зустричаю Оксану, ту що никого не мыне. Пытае мене: куды се йдете? До кого? Чи не той старый, горбатый шкарбунъ клыче?» Тю на тебе, кажу. А вона: «То до Катрусп?»

То якъ мини не тяжко слухаты таке, про свою дытыну?!

— «Охъ, правда, кажу, правда! Сподиваюся онучаты!»

— «А я, каже, іи и бачыла; та думала, що дивка пры здоровьячку, та й байдуже.»

XIII.

Не одно жъ и лыхо на мою голову. Чоловикъ тягаеться, пьянствуе. Иноди по пивтора мисяця

и на очи не навертаеться; а якъ прыйде, то такъ якъ изъ опуха.

Я кажу: ты бъ хочъ два шагы кому перекынувъ, то тоби бъ сорочку выпралы; а то якъ такы? По шисть недиль дома не буваешъ и всю грязь до дому несешъ?

Кынувсь ловыты мене за косы, а пьяный, добре налызався. Я давай ховатысь, а тутъ и дитей нема: якъ на тежъ посходылы зъ хаты. Стоявъ мишокъ зъ борошномъ середъ хаты: жыто дымомъ підійшло якъ пожежа була, такъ чоловикъ дешево продававъ; я и взяла на одробитокъ, а воно мини и затулою послужыло. Винъ за мене, я за мишокъ прысила; винъ кулакомъ лусь по мишку. У пьяного все то двоиться, то троиться; винъ зновъ лусь, а я на другый бикъ захылюсь за мишокъ. Винъ ажъ употивъ, та й я соби тожъ. Але писля того я ажъ два дни пролежала у недузи. Пишовъ винъ зновъ у скиткы. Уже недиль зъ девьять не чуты про его. Одного разу увечери, сонечко вже закотылось, я сыжу прыслонывшысь коло викна. Ажъ щось наче майнуло по-узъ викно. Сыжу сама, серце въ мене охляло. Тилькы що хлопець забижыть у тыждень разъ та потишыть. А що винъ у скиткы пишовъ, то хочъ и гирко сказаты, та нехай соби йде, абы насъ не чипавъ, абы я склепыла свои очи безъ огыды. А тутъ, про вовка помовка, ажъ щось шасть у хату у мене за плечыма! Обер-

нусь, а винъ передо мною, якъ маты народыла! Стоить и тилькы шарфъ на шыи гарусовый. Самъ посынивъ ще и всмихаеться.

Боже мій! я ледве не впала зъ лавы. Схопылась и перехрестылась. Що якъ та фортуна кепкуе зъ мене! Плыву по шырокому свиту якъ човенъ безъ весельця и не набижу тропы. Що се, кажу, за мара? и гласъ у мене замеръ.

Полизъ на пичъ... Я боржій не за кочергу, щобъ его вытурыты, а до скрыни, щобъ его гришне тило прыкрыты, щобъ диты не нагодылысь, се жъ ихъ батько! Кынула ему сорочку и штаны.

— «Що се? пропывъ? кажу. Чомъ своеи шкуры не пропывъ? Охъ! Охъ!»

Схылылась на пилъ, думала що и духъ выпре.

«Постій, каже: якъ раскажу, такъ ты и сердыться не будешъ. Я святе дило зробывъ, хотивъ тоби хочъ разъ догодыты. Задзвонылы до церквы, я й пишовъ; ажъ тамъ саме архырей выходыть, отъ и я за нымъ. Думаю: проведу его. Мене прычетныкы и пидвезлы верстовъ изъ десять. Ось подывысь якый гарный шарфъ, а то ище я и самъ пройшовъ верстъ изъ пьять, до самого города. А потимъ уже тамъ службу выстоявшы якъ вертавсь, такъ знаю, що нечыста сыла мене роздягла и хотила мене на верби повисыты и шарфъ мини почепыла на шыю; такъ я вырвавсь та й утикъ. Такъ таки проклятi люды!

Зайшовъ я въ хату; сама жинка въ хати: сказать бы тисно, або людно. Якъ заверещыть, заляскотыть на мене, та й полизла на пичъ, не дала и погриться. А бачыть же, що я змерзъ, та крычыть божевильна. Прыйде, каже, чоловикъ, то добре тебе огріе. Нехай тоби хринъ! та й пишовъ изъ хаты. Отъ таки йѐ люды! А я іи чоловикови колысь и чоботы лагодывъ. Отъ люды! Я въ другу хату, бо морозъ хочъ и покривскый, а бере за плечи. А тамъ диты такый лементъ склалы и розбиглысь. Я думаю: чортъ васъ беры, абы батько, та маты була. Та выправывсь та й кажу имъ: «здравія желаю!» Жинка заразъ изъ лавы пидъ стилъ. А винъ каже: якъ не выйдешъ заразъ изъ хаты, такъ и пущу мыскою въ лобъ. А я его не разъ ще и шанувавъ у шынку... Ось подывысь бо на шарфа!...

— «Одчепысь!» кажу.

— «Ну, слухай дали. Постой же, кажу, пиду до Ароныхы; вона мини всыпле, то я и знаты васъ не хочу. Я васъ поштувавъ, а вы старци никчемни... Подывысь бо, якый гарный шарфъ! воно не страшно... Такъ я розгнивався та й намирывся йты до Ароныхы, та поривнявшысь зъ нашою хатою, згадавъ про диты и про тебе. Якъ то вы безъ мене тутъ бидуете? Хто васъ прогодуе безъ мене? Теперъ тилько пизнавъ людей, яки воны. Безъ мого пиклування вамъ не прожыты.»

— «Двадцять тры рокы, кажу, пробула я сама зъ дитьмы и онучатъ безъ твого пиклування дождала. Чого тоби ходыть до насъ, та страму наносыты?»

Крычыть: «я такый хазяинъ якъ и ты, ще и бильшый! Моя хата! Не довго посыдивъ; погривсь и потягъ до Аронyхы.

Покрепывшысь добре, зновъ заходывся: «Моя хата!» та ще затіявъ іи продаваты. Де и купци понабиралысь?!. Бачять що пьяныця, що винъ не пры соби, за тры шагы отдасть.

Я пишла до громады просыть, щобъ одстоялы, а посли и до Судди. Ну, вже винъ мене колинчывъ, колинчывъ писля сего, а хата все такы пры дитяхъ зосталася.

Боже мій! якъ згадаю, що сей же самый чоловикъ, якъ гарненько було до мене заговорыть, то мовъ ангелы своимы крыльцямы на мене витерець поженуть, мовъ Господь свою хвалу на мене схылыть. А теперъ що?!

Ганна Барвинокъ.

Зъ Альпивъ.

Посвящ. Вл. Ст. Александрову.

Ой, тамъ мое серце, не тутъ на горахъ...
Ой, тамъ на Вкраини въ безкраихъ степахъ..
Въ степахъ на могилахъ вподобало жыть,
Де здавна покоиться, тыхо лежыть
Батькивъ моихъ слава и лыцаривъ прахъ.

* *
*

Ой, тамъ мое серце на нывахъ, поляхъ...
Ой, тамъ мое серце въ густенькихъ садкахъ.
Де пташка щебече у день и вночи,
Спивае дивчина, по воду йдучи,
У плахти червчатій, головка въ квиткахъ.

* *
*

Ой, тамъ мое серце, де лырныкъ спива
Про те, якъ жыве *Безталанна Вдова*,
Де въ поли за плугомъ козакъ-хлиборобъ
Працюе, гукае на волыкивъ собъ!
И сыпле винъ злото, нымъ землю вкрыва.

* *
*

Ой, тамъ мое серце, де, божый мовъ рай,
Стоить надъ Днипромъ зеленесенькый гай;
А блызько край гаю, та коло Днипра
Высока могила; вона озыра
Свій ридный, коханый, занедбаный край.

* *
*

Ой, тамъ мое серце.... Хочъ тутъ на горахъ
Живу я й тыняюсь по вичныхъ снигахъ.
Та щобъ я ни бачывъ и щобъ ни найшовъ,
И дебъ я ни бувъ, и кудыбъ ни пишовъ,
А все мое серце у ридныхъ степахъ.

Ц. Билиловськый.

Кедръ.

(По Лермонтову *Сосна*).

Посв. моему дорогому сынови Вячеславу.

Въ холодній та дыкій пивничній пустыни,
Де бурямъ и впыну нема,
Тамъ Кедръ одынокый на гирній вершыни,
Обсыпаный снигомъ, дрима.

И баче у сни винъ далеку краину,
Де сонечко сходе святе;
Сумна й одынока на цилу долыну
Тамъ пышная Пальма росте.

Вл. Александровъ.

На вичну памьять Н. И. Костомарову.

Добра хочю братьи и Рускѣй земли.
Владимiръ Мономахъ.

Итакъ нема тебе, нашъ друже!...
Велыкый жаль насъ всихъ обнявъ
И зажурылысь вси мы дуже,
Що Богъ тебе видъ насъ узявъ.
Ѝема тебе.... Замовкло слово,
Ще чулось въ сыли и краси,
Що выявляло намъ нанȯво
Учинки давни й дiи вси
Сынивъ хоробрыхъ и завзятыхъ
Вкраины—нени, удовы,—
Тыхъ що держалы въ серци свято
Iи завитивъ корогвы.
Те слово правду розгорнуло,
А дiи славни и лыхи
Лыцемъ до свиту повернуло,
Вказало, де булы грихи.
Ты турбувавсь про спильне благо,
Статечне благо и тверде;
На те добро звертавъ увагу,
Що съ правды и зъ освиты йде.
Нема тебе, земляче щырый!
Застыло слово на устахъ.....
Нема тебе, нашъ любый, мылый!
Вже й ты зробывся тлинъ и прахъ.

Слеза тоби на ту могилу,
Що свижою ище стоить;
Що поховала нашу сылу,
Яку намъ скоро чи й нажыть?!

Слеза видъ Руси *усіеи,*
Бо ты ій всій жалю завдавъ;
Ты любымъ сыномъ бувъ для неи
Іи ты знавъ, іи кохавъ.

Вона тоби велыку й щыру
У серци дяку понесе;
Похвалыться тобою миру.
А въ себе славно вознесе.

Бо й самъ вознисся ты на свити
И розумомъ и таланомъ;
Тебе й онукивъ нашыхъ диты
Згадають повсегда добромъ,—

Добромъ, яке ты щыро сіявъ
Своими творами у насъ:
Ты перечыстывъ и провіявъ
Нашъ историчный весь запасъ.

Усякъ тебе згада й уваже
Твоимъ нетлюющимъ добромъ;
Згада и зъ нами разомъ скаже:
Нехай надъ нымъ земля першомъ!

А. Навроцькый.

Горе Піиты.

посвящаеться

всимъ недотепнымъ виршомазамъ.

Люды добри, пожалійте
Бидолажного Піиту,
Що видъ горя, видъ наругы
За слизьми не баче свиту.
Роскажу вамъ все я диломъ:
Вчора я пишовъ въ крамнычку,
Щобъ на вечеръ запастыся,
Лоёву купыты свичку.

* *
*

И мини ту свичку крамарь...
Чи бува що въ свити гирше?!...
Загорнувъ якъ назнарошне
У мои жъ чудовни вирши!!!..
Видъ зневагы, видъ досады
Не заснувъ я цилу ничку.
Боже!! У мою поэму
Лоёву вгорнулы свичку?!?...

* *
*

Ту поэму виршъ по виршу
Я складавъ старанно, пыльно;
Переличувавъ Трохеи,
Розмирявъ ихъ такъ прыхыльно....
Роскуёвдывшы волосся,
Не одну пысавъ я ничку....
И въ чудовную поэму
Лоёву вгорнулы свичку!?!...

* *
*

Я, скинчивши ту поэму,
Самъ виднисъ іи въ цензуру;
Самъ продавъ іи въ кныгарню,
Самъ продержавъ корректуру.
Выдавѐць мини за неи
По копійци давъ за стричку *)
И въ такый утворъ коштовный
Лоёву вгорнулы свичку!?!...

* *
*

Ни, не хочу більшъ терпиты
На земли неправды злои!
Смерть нехай мене сховае
Видъ наругы нависнои.
Напышу остатни вирши,
Та тоди изъ мосту въ ричку....
Якъ? Въ мои чудовни творы
Лоёву вгорнулы свичку?!!

* *
*

*) Строчка, строка.

Напышу я въ заповити
Хай мене сховають въ поли;
Хай высокый хрестъ поставлять,
Щобъ выднивсь на всимъ роздолли;
На хрести жъ, на вичный спомынъ,
Мидну хай прыбьють таблычку
И напишуть: «Въ его творы
«Лоёву вгорнулы свичку!....»

Вл. Самойленко.

КИНЕЦЬ.

Харьковская общественная библиотека * Уставъ утвержденъ М.В.Д. 16 Іюня 1884 г.

ПИСНЯ

ГОРЕ ПІИТЫ.

Слова Вл. Самойленка,

музыка Н...
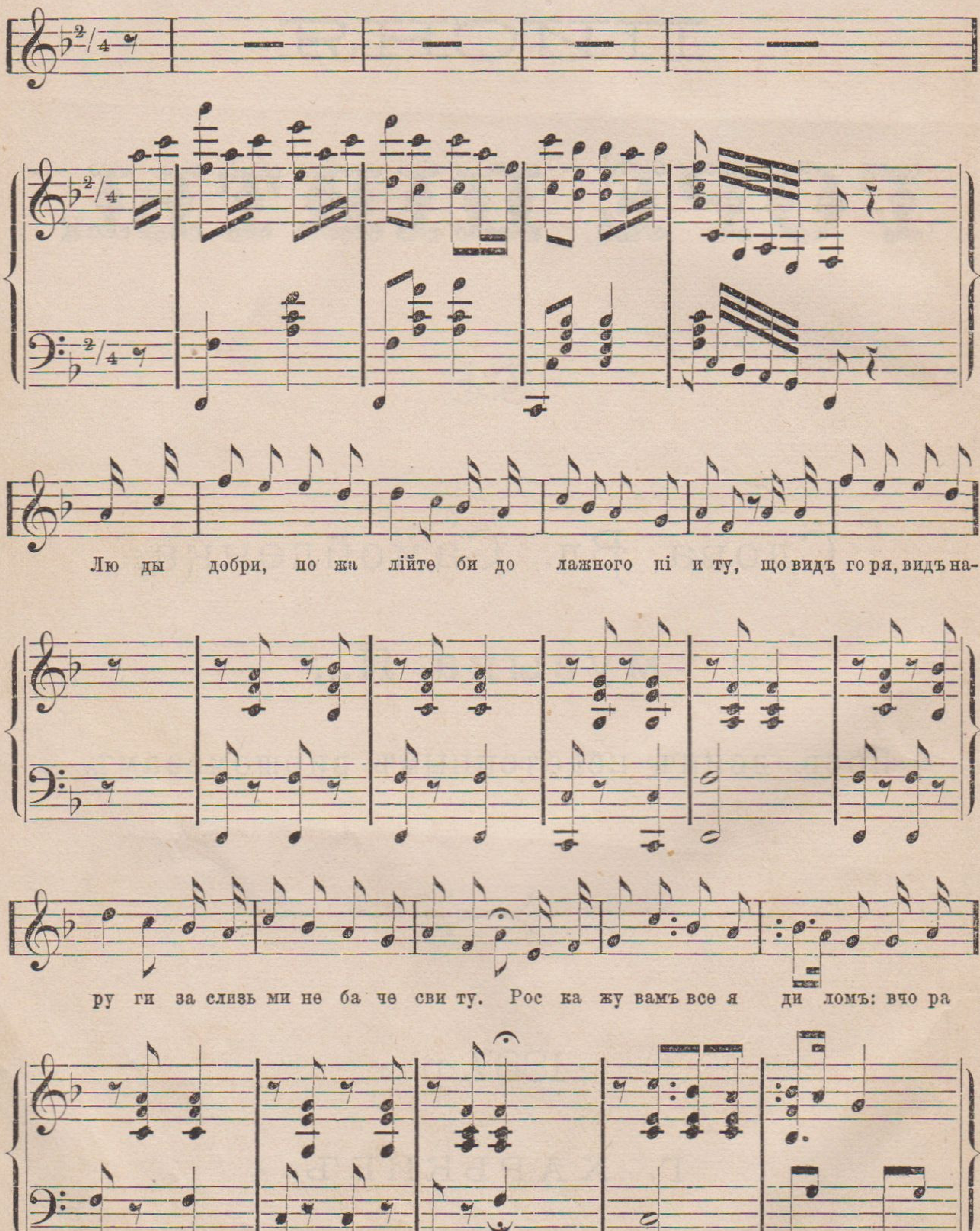
Посв. всимъ недотепнымъ виршомазамъ.

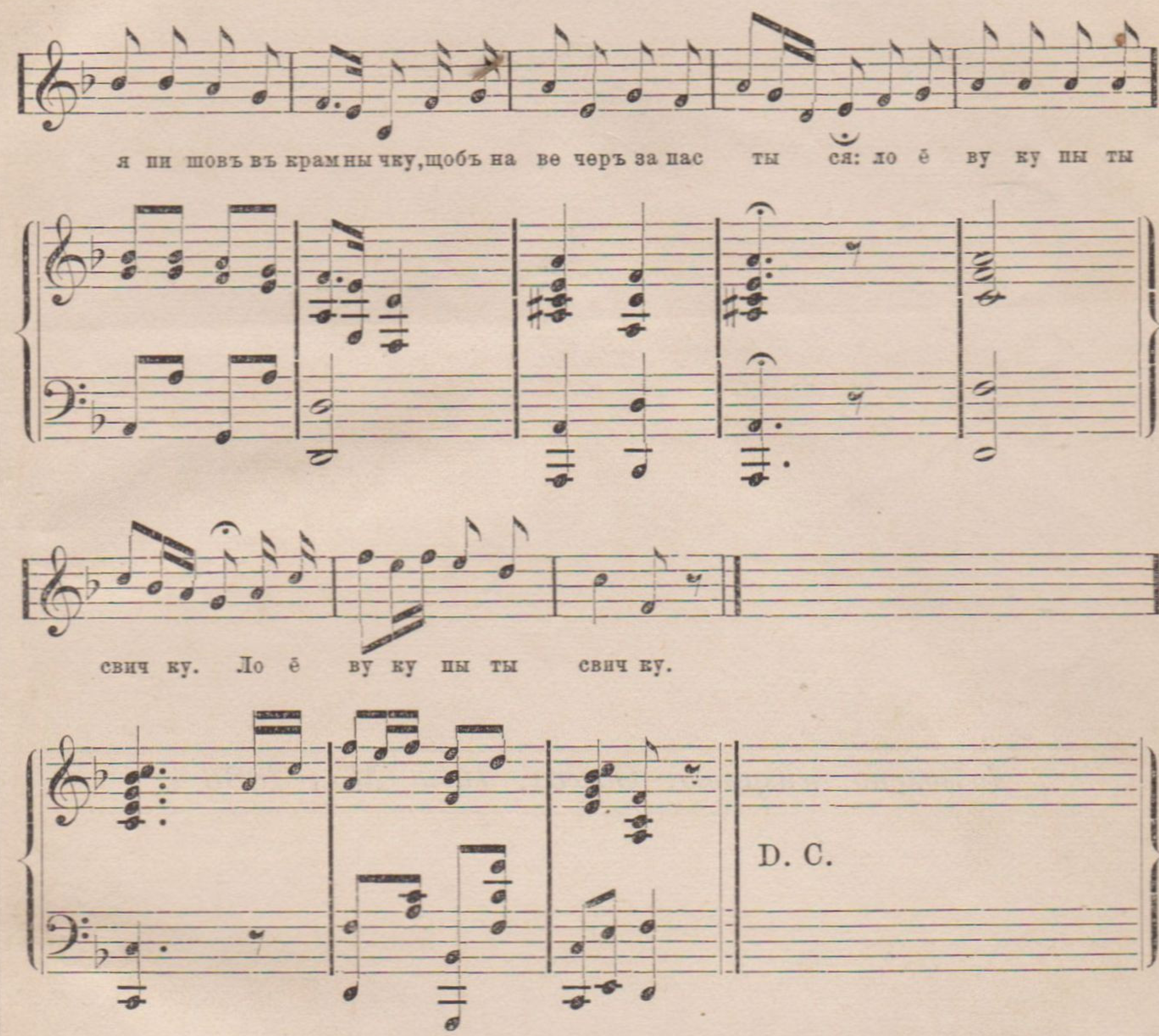
1887 р.

г. ХАРЬКИВЪ.

ГОРЕ ПІИТЫ.

Лосв. всимъ недотепнымъ виршомазамъ.

И мини ту свичку крамарь...
Чи бува що въ свити гирше?!...
Загорнувъ якъ назнарошне
У мои жъ чудовни вирши!!!..
Видъ зневаги, видъ досады
Не заснувъ я цилу ничку.
Боже!! У мою поэму
Лоёву вгорнулы свичку?!?...

* *
*

Ту поэму виршъ по виршу
Я складавъ старанно, пыльно;
Переличувавъ Трохеи,
Розмирявъ ихъ такъ прыхыльно....
Роскуёвдывшы волосся,
Не одну пысавъ я ничку....
И въ чудовную поэму
Лоёву вгорнулы свичку!?!...

* *
*

Я, скинчивши ту поэму,
Самъ виднисъ іи въ цензуру;
Самъ продавъ іи въ кныгарню,
Самъ продержавъ корректуру.

Выдавѐць мини за неи
По копійци давъ за стричку,
И въ такый утворъ коштовный
Лоёву вгорнулы свичку!?!...

* *
*

Ни, не хочу бильшъ терпиты
На земли неправды злои!
Смерть нехай мене сховае
Видъ наругы нависнои.
Напышу остатни вирши,
Та тоди изъ мосту въ ричку....
Якъ? Въ мои чудовни творы
Лоёву вгорнулы свичку?!!

* *
*

Напышу я въ заповити:
Хай мене сховають въ поли;
Хай высокый хресть поставлять,
Щобъ выднивсь на всимъ роздолли;
На хрести жъ, на вичный спомынъ,
Мидну хай прыбьють таблычку
И напишуть: „Въ его творы
Лоёву вгорнулы свичку!...."

Вл. Самойленко.

Харькивъ. Друк. Адольфа Дарре, Рыбна, 28-й.

Дозволено цензурою. Одесса, 16-го Мая 1886 г.

Цина 75 коп.
безъ пересылки.

1. За пересылку однiи и двохъ кныжокъ однаково: 15 коп.

2. Выпысуваты кныжки можно изъ Харькива видъ выдавця Владимира Степановича Александрова (Б. Сумская ул., № 66) и зъ Кiева видъ Степана Ивановича Гомолинського, изъ его кныжного магазина (Б. Владимирская ул., № 37), де можно доставаты и всяки кныжкы на украинськiй мови теперешни и давни.

3. Продаеться *Складка* въ Харькиви по всихъ кныжныхъ магазинахъ.

4. Гроши за кныжки можно прысылаты кругло рублями; а мы, высылаючи кныжки, будемо вертаты здачу почтовыми марками.

Перевiрено 1948 р.
ПРОВЕРЕНО
1995 р.